

Оксана Кириллова

КУКЛЫ

ВО ВРЕМЯ ШТОРМА

18+

Оксана Кириллова

Куклы во время шторма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28232587

SelfPub; 2023

Аннотация

Иде всегда нравилась роль ироничного наблюдателя. Вокруг разыгрывались трагедии и комедии, рушились надежды и строились козни, но девушка оставалась в стороне. Только любовь может заставить ее взглянуть на мир иначе, наконец оказаться в самой гуще событий и, возможно, решиться на счастье. Вот только ценой ее счастья может стать человеческая жизнь...

Содержание

Оксана Кириллова

Куклы во время шторма

Часть 1. «Когда они уйдут, я останусь одна»

Глава 1

– О нет, – простонала я. Увлекательнейший сон со мной во роли мисс Марпл был жестоко прерван.

Глухотой он вроде никогда не страдал, да и спал обычно не так уж крепко, так что я не видела разумных причин ставить на звонок будильника именно этот адский трек. Лично я прекрасно просыпалась под *Evanescence*.

– Который час? – спросила я печально, перевернувшись на спину, когда рев прекратился.

Обрывки сна тут же улетучились из памяти – говорят же, если хочешь запомнить, что тебе снилось, не меняй сразу положение тела.

Я уже знала, что он ответит.

– Семь утра, – отозвался Стас.

Скрипнуло сразу несколько пружин – он встал с дивана.

– Ад, – констатировала я и только теперь открыла глаза.

– Да, представь, есть на свете люди, которые встают до десяти, – уже почти одетый (как парни так быстро собираются?), сообщил он язвительно.

На это я предпочла не отвечать. Неохота было препираться по поводу различий наших жизненных условий и устано-

вок.

– Завтракать будешь?

«Нет, нет, скажи "нет". Не хочу готовить...»

– М-м... наверное, нет. Надо бежать. Перекушу чем-нибудь на работе.

– Отлично, – не удержалась я.

– А дверь за мной кто закроет?

– А, ты уже прямо уходишь? Сейчас...

С тяжелым вздохом я поднялась с постели.

– Вечером приеду, – сообщил Стас, приглаживая волосы.

– Слушай, я вечером родителей жду... и, возможно, они засидятся допоздна, – пробормотала я, набрасывая халат.

– Ладно. Я позвоню, – пообещал он.

– Но родители придут, поэтому...

– Понял я, переночую дома. До скорого.

– С ней сегодня связываться не будешь? – спросила я, когда он был уже в дверях.

Стас посмотрел на меня так, будто я задала вопрос вроде «а что, Наполеон уже умер?», и отрезал:

– Там все кончено.

В общем, ничего нового. Он говорил это в среднем пару раз в месяц – первые раз этак восемь я верила, но всему же есть предел.

Мне было все равно. Вначале, правда, иногда бывало жаль беднягу Стаса – человек совершеннейший однолюб, а его роковая любовь – первоклассная стерва, заботящаяся только о

том, чтобы окружающие ни на минуту не смели забыть о ее персоне.

Она добивалась этого любыми способами: устраивала скандалы, совершала дерзкие и дурацкие поступки. Однажды позвонила Стасу (и, как потом выяснилось, паре десятков подруг) и сообщила, что жизнь ей надоела, она намеревается распрощаться с ней и прямо сейчас стоит на подоконнике... или как-то так. Результат предсказуем: взволнованная толпа возле ее дома (удивительно, что никто полицию и «скорую» не вызвал), Стас врывается в квартиру – благо у него есть ключ – и «спасает» несчастную. Я уверена на все сто, что ничего делать с собой она не собиралась, но считал, что его приход сыграл тогда решающую роль.

Стас любил Аллу с семнадцати, то есть уже семь лет. Назвать то, что было между ними, постоянными отношениями у меня язык бы не повернулся... вернее, постоянными – может быть, но не стабильными. Расставались они раз пятьсот (не думаю, что эта цифра сильно преувеличена) – каждый раз, разумеется, навсегда... и – максимум на месяц. Да, точно, месяц – самый долгий срок, это было в прошлом году, Стас тогда в основном жил у меня и здорово мне надоел не только своим присутствием, но и бесконечными рассказами о том, как он ненавидит Аллу и какое счастье, что они все-таки разошлись. Если не ошибаюсь, как раз историей с «самоубийством» та разлука и закончилась.

Я понятия не имела, почему Алла не отпускала Стаса –

любить она точно была не способна, влюбленность, подозреваю, если и была, то давно прошла. Возможно, ей не хотелось терять верного пса, готового последовать за ней на край света – это не только льстило ей, но и выгодно дополняло ее королевский имидж. Да и кому бы такое не понравилось – на свете есть человек, который, как бы ты ни вытирала об него ноги, прибежит по первому зову и сделает для тебя что захочешь. Это и попросту выгодно.

Единственной слабостью, которую он себе позволял, была я. Алла обо мне догадывалась и однажды даже нашла мое сообщение в его телефоне (совершенно не нежное – кажется, там было только «ладно, приезжай»). Позвонив мне, она прошипела в трубку: «Что у тебя с моим парнем?»

Не знаю почему, но я сразу поняла, что это она, причем не по формулировке вопроса, а по голосу, по тону: именно так я их себе и представляла. Она только произнесла «что», а я уже знала. Мы с ней тогда встретились в кафе. Классика: «Оставь его в покое, он мой». Правда, я отошла от избитого сценария и не ответила «пусть выбирает сам» или «у нас любовь, а ты ему давно не нужна». Я сказала: «Ради бога, забирай».

Алла была ошарашена и, выскочив из-за столика, ринулась к выходу. Как выяснилось позже, Стасу о нашей встрече она не рассказала. Он знал только, что она обнаружила SMS (не могла же она совсем уж упустить случай устроить скандал). Но, конечно, он ни в коем случае не должен был

думать, что она опустилась до того, чтобы отбивать своего же парня у какой-то девчонки.

Потом они оба пропали из поля моего зрения на пару дней... после чего Стас появился на пороге с вещами. К счастью, через три дня все уладилось: и он, и вещи перекочевали обратно к Алле. Большую часть времени он жил у нее, иногда – у родителей. Но ссоры с ней почему-то предпочитал переносить в моих объятиях.

Кто посмел бы обвинить его в этом? Разве что сентиментальные барышни, знающие о любви в основном из романов Барбары Картленд. Остальные бы точно поняли. Человек столько лет треплет себе нервы – нужна же ему отдушина.

Познакомились мы на улице. Жили недалеко друг от друга – тогда он еще ночевал преимущественно у родителей и у нас совпадали графики: я ходила в университет – в основном к первой паре, он – на работу. С самого начала сентября, поступив на первый курс, я обнаружила, что в одно и то же время встречаю по дороге молодого человека: на вид лет двадцати, в черной джинсовой куртке, белоснежных кроссовках и всегда в наушниках. Со временем я даже научилась определять по нему, который час, не глядя на телефон: если мы пересекались возле театра кукол, это значило, что у меня еще есть время, если на перекрестке – дело худо, а уж если не встречала вообще – опоздала безнадежно.

Однажды он поднял голову и улыбнулся мне. Я была удивлена, потому что думала, что он меня не замечает – веч-

но угрюмо-сосредоточенный, поглощенный только своими мыслями и этой ужасной громкой музыкой, способной разбивать стекла своими децибелами (пару раз прошла с ним вровень и, услышав, ужаснулась).

Я улыбнулась в ответ.

Где-то с начала октября мы стали здороваться, а ближе к ноябрю остановились поболтать, как старые знакомые. Я его уже так и воспринимала, хотя ничего о нем не знала и знать особенно не хотела – просто он стал частью моей жизни. Как кофе с утра, как огромная доска в пятьдесят шестой аудитории, как блондинка из сериала, который в моем детстве смотрела мама по вечерам.

Из всего этого родилась довольно бестолковая дружба. Его откровения (в основном об Алле) – и вместе с тем какая-то недоговоренность, неловкость; практически полное отсутствие точек соприкосновения – и его упрямое стремление общаться дальше.

В начале декабря, окончательно отселившись от родителей (не так уж далеко – в соседнюю квартиру, но все-таки), я встретила Стаса на улице и пригласила на новоселье. Честно говоря, не знаю зачем – никакого праздника я не устраивала, так что мы были вдвоем, но я точно не ставила себе целью остаться с ним наедине. Если бы мы в очередной раз не столкнулись по дороге на работу и учебу, я бы вообще не вспомнила о нем. Все вышло спонтанно. И, как на грех, именно в этот день он в очередной раз рассорился с Аллой

и горел желанием поделиться, поэтому согласился прийти с огромным энтузиазмом.

Я уже сама недоумевала, зачем все это затеяла. Был чудесный вечер пятницы, и я могла бы провести его в постели с чашечкой чая, любимой книгой и успокаивающей музыкой – вместо этого должна была мчаться в магазин и покупать что-то к столу. Готовить я тогда почти не умела. Кончилось тем, что я купила большую пиццу и шесть маленьких пирожных. Решила, этого вполне достаточно.

Мы засиделись допоздна. Половину холодной пиццы так и пришлось выбросить на следующий день, а до пирожных вообще дело не дошло. Тогда я еще не знала, что в стрессовых ситуациях у Стаса пропадает аппетит (бывает, правда, и другая крайность, но реже). Часов в одиннадцать ночи я спросила его, как он планирует добираться домой – нас разделяли от силы две остановки, но это не так мало, когда на улице ночь и уже не ходят маршрутки. Вместо ответа он приблизился и поцеловал меня с каким-то отчаянием.

До этого он никогда даже за руку меня не брал, так что я была изумлена. В том же ошеломлении пребывала и потом, глядя его спину под рубашкой одной рукой и нащупывая на лампе выключатель другой. «Знала бы – хоть надела бы красивое белье...» Впрочем, Стасу все это было абсолютно безразлично – для него я являлась всего лишь не Аллой, а это было уже прогрессом – и мстью. То ли ей, то ли самому себе за эту мучительную любовь.

То, что происходило между нами с тех пор, казалось мне естественнее того, что было до этого. Наша недодружба вызывала у меня еле уловимое раздражение, а теперь хотя бы все было определено. Я вообще в основном предпочитала ясность. На публику могла (и даже иногда любила) играть любые роли, но внутренне хотела быть уверенной, что вижу и знаю вещи такими, какие они есть.

Думаю, Стасу крупно повезло наткнуться именно на меня (я, не тешась иллюзиями относительно собственной исключительности, была уверена, что у него просто назрела необходимость завести кого-то на стороне), потому что я никогда не воспринимала амурную сферу жизни слишком серьезно. Другая бы извела его требованиями бросить Аллу, но мне это было совершенно не нужно. К тому же я только что начала жить одна, и это оказалось так приятно – прямо по мне, – что я не собиралась так быстро лишать себя этого удовольствия. Да и отношения мне были на самом деле не нужны.

В шестнадцать лет у меня был парень. Единственный – мне хватило. Ничего плохого о нем не скажу – он меня обожал. Провожал и встречал, заваливал цветами и подарками, во всем пытался мне угодить. Он мне нравился, но его всегда было слишком много. И я так и не смогла убедить его, что не стану менее счастливой от того, что хотя бы пару минут меня не будут целовать и засыпать комплиментами и признаниями. Если бы я позволила ему что-то большее, чем поцелуи, он вообще не дал бы мне жить, задушил бы своими востор-

гами и нежностью. Все это было очень мило, но, увы, не по мне. Расстаться с воздыхателем удалось с огромным трудом, и с тех пор я всячески избегала отношений: для романтических была слишком сентиментальна, для чисто сексуальных – слишком хорошо воспитана... тогда я так считала.

Для меня все произошло довольно естественно, пусть и неожиданно. Я ничего от этого не теряла (кроме невинности, но какой от нее прок в восемнадцать лет?) и сразу представляла дальнейший ход событий. Со Стасом никогда не будет неловко, он всегда будет казаться почему-то своим, подпустить его к себе не будет обременительно, а отпускать – тяжело. В итоге все просто сойдет на нет. Обнаружив, что наши встречи становятся регулярными, я дала этим «отношениям» месяца три. Но прошло уже четыре года.

Четыре года. Ни с одним бойфрендом, в которого была бы влюблена, я не протянула бы столько. С моей стороны все держалось как раз на равнодушии к Стасу как к парню плюс легкой симпатии к нему как к человеку и нежелании что-то менять. Мне все это было даже выгодно: когда я хотела отмазаться от назойливого ухажера или убедить знакомых, что у меня все хорошо, то с почти чистой совестью говорила, что у меня кто-то есть. В остальное же время я была свободна и довольна этим. Никаких ограничений, ничего лишнего. Что ни говори, а больше всего я всегда любила три вещи: быть наедине с собой и мирно плыть по течению. Ну ладно, еще спать – и детективы Агаты Кристи.

Стаса я тоже устраивала: и как «жилетка», и, видимо, как девушка. Вероятно, он считал мое появление закономерным и болезненным следствием своих страданий, и наверняка в глубине души ему было приятно иметь кого-то в запасе. В общем и целом все было довольно гармонично. Даже то, что мы были абсолютно разными людьми: не возникало соблазна искать друг в друге «половинку». Это обнажало суть вещей и делало отношения совершенно безопасными для меня.

Все шло хорошо, пока Стас у меня не задерживался. Я была довольна, что сегодня удалось так легко освободить от него вечер. Лучше бы, конечно, он куда-то делся еще до утра, с этим его жутким будильником. Я могла еще спать и спать. Учеба в университете почти закончилась – шел последний, преддипломный курс, занятия проходили раза два-три в неделю и в основном часов с одиннадцати, а то и с часа. Кроме учебы я ничем пока не занималась. Справедливости ради замечу, что никогда особенно не занималась и ею – так, ходила на пары и иногда выполняла задания, но без фанатизма. Подрабатывала иногда наборщицей на дому, чтобы не брать лишний раз деньги у родителей, но это не требовало ранних подъемов.

Но завтра... завтра я проснусь под *Evanescence* и буду наслаждаться завтраком в одиночестве.

«Пора и честь знать, в конце концов, он живет здесь уже пять дней», – подумала я, включая чайник и направляясь в ванную.

В тот месяц, что мы жили вместе, я много раз намекала Стасу, что он не может просто так оставаться в моей квартире, даже платя за питание и проживание, но он машинально кивал и переводил все разговоры на то, как хорошо, что он ушел от Аллы (не ко мне, а именно от нее). Я думала, что привыкла к нему, но это была сушая мука. Он разбрасывал всюду свою одежду, он занимал душ именно тогда, когда я хотела помыться, съедал за раз приготовленный мной на три дня ужин (в тот раз аппетит к нему вернулся уже через пару дней после расставания с Аллой). Я уже начала понимать, почему Алла бывает такой истеричной. А потом, слава богу, она «приняла эстафету», объявив о своем самоубийстве.

«Хоть бы Алла что-нибудь выкинула и в этот раз. И желательнее поскорее», – подумала я, вернувшись в постель.

В то утро сон никак не возвращался, и я была раздосадована.

Глава 2

Я отчаялась уснуть и встала. Сделала себе маленький бутерброд с сыром и сжевала его, запив черным кофе без сахара, под ненавязчивую музыку «Европы Плюс». Особых планов на день не было, и я подумала о том, чтобы чуть попозже, когда это будет прилично, позвонить подруге.

У нас с Жанной были особенные отношения. Я ее не любила, и это было сильное, крепкое чувство, тем не менее постоянно нуждающееся в подпитке. Меня бесило, как она

одевается (ну как в ее возрасте можно напяливать на себя все эти унылые вещи?!), как двигается (чересчур грациозно, точно она не человек, а эльф), как носит украшения (только дешевые колечки, причем по пять штук на одном пальце).

И взгляды Жанны на жизнь меня тоже откровенно раздражали. Она любила долго и обстоятельно рассуждать о том, как для человека важна семья и как он должен прогибаться под всех ее членов, потому что в этом и есть смысл жизни. Родители уехали в другой город, общались с ней в основном по телефону, и в коротких разговорах с ними у нее не возникало необходимости прогибаться, зато этот навык постоянно требовался в супружеских отношениях. Бедняжка вышла замуж в восемнадцать – за человека, который был старше ее на шесть лет и постоянно «гулял». Она же сосредоточила все, по-моему, жизненные силы на том, чтобы родить ребенка.

Пока у них не получалось, но с каждым годом Жанна зацикливалась на этом все больше. Училась она заочно, не работала, домохозяйка из нее была никудышная – она даже яичницу не могла пожарить, не пересолив ее и не уронив сковороду. Общались мы со школы, и там она тоже не блистала. Подругой была и не хорошей, и не плохой – не поймешь. Однажды, уже живя одна, я сильно обожгла руку и не могла даже голову помыть нормально. Родители были в отъезде, а Стас занимался Аллой, да мне и в голову не пришло бы к нему обратиться. Я подумала, что логично будет попросить о помощи Жанну. Однако она, шумно посочувствовав

мне по телефону, сказала, что дико занята. Но иногда стоило мне намекнуть о плохом настроении, и она тут же появлялась на пороге моего дома с тортом, вином и неумемной нежностью.

Лично я без особой охоты, из чувства долга ее выручала. Один раз помогла накраситься, когда муж поставил ей пару синяков на лице, а на следующий день должны были приехать ее родители, которые, разумеется, не были знакомы с изнанкой супружеской жизни дочери. Предлагала переночевать у меня, когда они с мужем ссорились, но она всегда отказывалась. Мол, это неправильная политика – бежать, чуть что не так. Надо поговорить, осознать свою вину и простить другого.

(Ее муж не производил впечатления тонкого человека, с которым можно обстоятельно обсудить любую проблему и найти оптимальное решение. Твердолобый, довольно тяжелый в общении, неулыбчивый тип. Даже на свадебных фотографиях ни разу не соизволил улыбнуться.)

Подруга мне требовалась не для душещипательных бесед – я оставляла личное при себе. Скорее уж для острых ощущений. Один вид Жанны пробуждал во мне кучу разнообразных эмоций, в основном отрицательных, но при этом мне хотелось видеть ее снова и снова.

Но в тот день идею позвонить Жанне я отмела. Не сегодня. Пойти куда-нибудь? Тоже вряд ли. Лучше уж посидеть дома и насладиться пока одиночеством. До вечера.

Родители действительно собирались зайти, как я и сообщила Стасу. Правда, допоздна они никогда не задерживались – оба были «жаворонками». Но он-то об этом не знал. Он и знаком с ними не был – я проявляла чудеса конспирации и ни разу не дала им понять, что у меня периодически кто-то живет. Родители были в курсе, что у меня есть бойфренд, но даже не настаивали, чтобы я им его показала.

Теперь пришло время упомянуть о моих отношениях с родителями. А отношения эти были довольно отстраненными. Разумеется, мы любили друг друга, но очень спокойной любовью, прекрасно выдерживающей многонедельные разлуки. Мы жили в соседних квартирах, однако встречались не так уж часто, сидеть друг у друга целыми днями не входило у нас в привычку. Как только осознали, что я нормально справляюсь с хозяйством и разными бытовыми мелочами, они с легкой душой отпустили меня от себя. Конечно, помогали в случае необходимости – и деньгами тоже, – но в целом предоставили мне идти своим путем, за что я была им благодарна.

Думаю, мама понимала мое стремление к одиночеству – она и сама была интровертом. То же самое было и с моей бабушкой, и точно так же она жила с мужем в соседней от дочери и зятя квартире (в которой теперь обитала я), но общалась с ними крайне редко. Ко мне бабушка и вовсе была равнодушна – родственные чувства проявлялись лишь в шоколадках и очень небольших деньгах «на мороженое» в день

рождения. Я подозревала, что буду так же относиться к внукам, а мама – к моим детям.

Мужчины в нашей семье куда более открытые: у папы любимым занятием всегда было общение с людьми, с большим количеством людей. Зато дома, в компании замкнутой мамы, он от них отдыхал.

Надо бы что-то приготовить к приходу родителей, подумала я лениво. В холодильнике были замороженная свинина и несколько яиц. Тогда отбивные? А на гарнир?.. Похоже, все-таки придется выходить...

Мысль о том, чтобы одеться и выйти на мороз, была настолько отвратительной, что я даже поежилась.

«Ну ладно, – утешала я себя, заправляя постель. – Когда они уйдут, я останусь одна». Наверное, не было на свете человека, который бы радовался такому столь же сильно.

Глава 3

– Ну вот, что я тебе говорил? Чушь все это. Она бы нас предупредила, это точно.

– Я думала... что ж, значит, в другой раз.

Этот приглушенный разговор родителей в прихожей я слышала из кухни, куда удалилась под предлогом того, что надо подогреть еду. На самом деле я давилась от смеха, потому что мама по непонятным для меня причинам пришла в нарядном платье, которое надевала только по большим праздникам, и с вечерним макияжем. Это было безумно ми-

ло – навести марафет, чтобы отправиться к дочери в соседнюю квартиру. Я думала, до такой степени официальности в отношениях мы еще не дошли – все же это был не званый ужин.

Папа оделся чуть менее парадно, но зашел не в спортивном костюме, который обычно носил дома, а в легкой рубашке и джинсах. Что бы это ни значило, это было забавно. Я и сама надела самый приличный из своих халатов, но все-таки не коктейльное платье.

– Мама почему-то решила, что ты сегодня хочешь познакомиться нас со своим парнем, – сообщил папа со смехом, входя ко мне на кухню. – М-м, как вкусно пахнет, дочка. Кажется... котлетами?

– Нет, пап, это свиные отбивные.

– Ух, здорово. Я испугался, что котлеты. Мы едим их уже четвертый день.

– Кто виноват, что их столько получилось? Сама не ожидала, – сказала мама.

– Не надо было брать столько фарша.

Я бы на это обязательно ответила «раз ты такой умный, готовь сам», но она сменила тему:

– Ида, так вкусно пахнет!

– Я сказал то же самое, – сообщил папа. – Так вот, мы уже второй день подряд наблюдаем, как из твоей квартиры по утрам выходит парень, и мама решила, что теперь он здесь живет и ты собираешься наконец-то официально его

нам представить.

Конспирация перестала работать. Только этого не хватало!

– Да нет, пап, он просто заходил в гости, – отозвалась я, включая микроволновку.

– Ну я же говорил – он просто у нее ночевал, – безапелляционно перефразировал отец, повернувшись к маме. – Подумаешь, невидаль какая – девчонке двадцать два года, она живет одна и несколько лет встречается с парнем – конечно, он иногда у нее остается. Хотелось бы когда-нибудь познакомиться, но если ты, Ида, пока не готова...

– Кхм. Да, – слегка смущенно отозвалась мама. – Значит, он здесь не живет?

– Нет, разумеется. Тебе добавить кетчупа к картошке, мам?

– Спасибо, если только совсем чуть-чуть... Ладно. Когда соберешься нам его представить, предупреди заранее, хорошо?

– Конечно.

– Чтобы ты опять надела это платье, да? – ухмыльнулся папа.

Он все время безобидно подтрунивал над мамой, но она, как правило, игнорировала его реплики и никогда не смеялась. Вот и сейчас просто слегка поджала губы и повернулась ко мне:

– Идочка, давай я помогу тебе отнести чашки и тарелки.

Я облегченно вздохнула.

За столом родители в основном хвалили еду и вежливо расспрашивали про мою учебу и про то, как продвигается диплом. Он, разумеется, пока не продвигался никак (ненормальная я, что ли – в начале декабря думать о дипломе), но я с умным видом отвечала, что изучаю литературу и продумываю структуру работы. Это обычно прокатывало со всеми, включая преподавателей – по крайней мере на первых порах (думаю, за неделю до защиты уже не помогло бы).

Потом папа начал рассказывать забавную историю, причлючившуюся с ним на работе, и я смеялась громче и дольше, чем того требовала история, потому что меня все еще веселил мамин наряд и то, что я сижу рядом с ней в халате и без макияжа.

– Кажется, в дверь звонят! – сказал папа вдруг, и я, перестав смеяться, прислушалась.

Позвонили еще раз, а потом еще, и я помрачнела. Три звонка – условный сигнал Стаса. Черт, что ему нужно? Я же сказала, что ужинаю с родителями!

– Сейчас. – Я выскочила из-за стола и ринулась в коридор.

Открыв дверь, даже попятилась от неожиданности. То, что на пороге стоял Стас, как раз не стало для меня сюрпризом, поразило другое: в руках он держал внушительный букет цветов. У меня мелькнула мысль, что, наверное, с таким было сложно войти в лифт.

– Это еще что такое? – шепнула я, выйдя на лестничную

клетку.

– Почему ты меня не выпускаешь? – спросил он, обняв меня свободной рукой за плечи (букет он каким-то образом подхватил второй).

– Ты что, забыл? Я же тебе говорила, что...

– Знаю, что ты говорила. Цветы – твоей маме. Не находишь, что нам пора официально познакомиться?

Тут в прихожую вышел папа, и я, бросив на Стаса красноречивый взгляд, который должен был означать «не знаю, что ты задумал, но ладно, делай что хочешь», обернулась и весело произнесла:

– А вот и мой парень. Ты его уже видел, пап.

Глава 4

Платье и макияж явно не придали маме уверенности. Почти все время она молчала, нервно покусывая губы и то и дело хватая полупустой стакан сока, чтобы сделать пару глотков. Когда стакан опустел окончательно, она принялась вертеть его в руках. На Стаса старалась не смотреть, но периодически изумленно поглядывала на букет, вазу с которым я поставила в центр стола.

Папа был, как обычно, более раскован: рассказывал что-то, шутил, спрашивал. Стас отвечал бойко и, кажется, чувствовал себя вполне комфортно.

– Сейчас вы нравитесь мне больше, чем вчера и сегодня утром, – заявил папа добродушно. – Если честно, тогда вы

показались мне мрачным и замкнутым, а теперь я вижу, что ошибся.

«Разумеется, он был мрачным и замкнутым, потому что думал о ссоре с Аллой. Другой вопрос, почему сейчас он не такой. Если бы они помирились, он не пришел бы вовсе», – подумала я и ощутила нетерпение: когда уже родители уйдут к себе и я смогу расспросить его как следует?!

– Я просто оба раза на работу опаздывал, – сообщил Стас. – И все равно нашел время заскочить к Иде...

– Брось, мы тут все взрослые люди, – перешел на «ты» отец. – Ясно, что ты у нее ночевал. Но знаешь, Ида уже взрослая, так что я никого отчитывать за это не собираюсь.

– Тебе крупно повезло с родителями, ты в курсе? – Повернувшись ко мне, Стас взял меня за руку и чуть ли не торжественно поднял наши сплетенные руки – так, что родители их видели.

Наверное, это должно было означать «мы пара, мы счастливы и никого не стыдимся». Интересно, зачем ему понадобилось все это изображать?

– Конечно, в курсе.

Я осторожно высвободила руку, будто чтобы подлить маме сок. Она запротестовала, прижав к себе пустой стакан, и снова стала нервно вертеть его в руках. Да, с полным этот трюк бы не прошел.

– Так, говоришь, ты работаешь с первых курсов, – произнес папа оживленно. – Какой молодец! Получалось совме-

щать?

– Честно говоря, я много пропускал в институте, – признался Стас. – Полдня всегда бывал на работе. Но в конце концов сессии сдавал. На «заочку» переводиться не хотелось – меня бы сразу в армию забрали...

– А что ж не забрали теперь? Ты сказал, уже два года как закончил.

– Теперь нельзя. У меня язва.

– Язва или «язва»? – Папа изобразил воздушные кавычки.

– Нет-нет, действительно язва. Неправильное питание и все такое...

– Беспокоит?

– Бывает...

Я заерзала на стуле. Стас никогда не говорил мне о язве. В принципе я даже не спрашивала, почему его не забрали в армию. Только кивала, когда он сообщал, что в очередной раз идет в военкомат с какими-то справками. Может, он рассказывал, но я прослушала? А что, очень возможно.

«Неправильное питание» – это неудивительно. Не сомневаюсь, что у Аллы руки растут не из того места. Готовить – да что вы, она вообще выше этого, да и маникюр же можно испортить. Раньше он жил в основном у родителей, они наверняка кормили его нормально.

Бедняжка, надо будет как-нибудь сварить ему диетический суп, что ли, подумала я.

– Ну ладно, уже поздно, пора и честь знать, – заметил папа

внезапно.

– Половина десятого, – удивленно посмотрев на часы, сказал Стас.

– Да, уже поздно, – повторил папа.

– Мы рано ложимся, – вставила мама робко. – К тому же завтра на работу. И вам, наверное, тоже.

Ну вот, теперь он знает, что они «жаворонки» – дай бог, чтобы не вспомнил, что я говорила ему, будто они могут засидеться допоздна. Не в первый раз, кстати, говорила.

– Да, верно. Мне тоже пора домой. – Стас поднялся, и я изумленно глянула на него.

Он собирается уходить?! Совершенно не похоже на него. Зачем же тогда он пришел – неужели только ради знакомства с моими родителями?!

– Далеко живете? – спросила мама.

– Нет, довольно близко. Потому и могу забегать к Иде до работы, если она не спит, – зачем-то соврал он.

То есть, может и не совсем соврал – он же сказал не «забегаю», а «могу забегать», а теоретически он действительно мог, особенно если бы ночевал у родителей, которые жили в пятнадцати минутах ходьбы от меня.

Папа бросил на него оценивающий взгляд («Хм, он что, правда просто заходил, а не оставался у нее?»). Это не исключало того, что иногда Стас все-таки остается, но все равно было дополнительным бонусом в его копилку.

В коридоре я расцеловала родителей и пожелала им спо-

койной ночи и нерешительно подошла к Стасу. Обычно мы никак не прощались, если не считать беглого «давай, до скорого», но маму с папой бы это, наверное, насторожило. В то же время страстно целовать его на глазах у них мне тоже как-то не хотелось. Стас спас ситуацию, легонько обняв меня и чмокнув в щечку.

– Ну, пока, – облегченно выдохнула я, пообещав себе задать ему кучу вопросов при следующей встрече. Нет, не по телефону – мне хотелось видеть его, когда он будет мне это объяснять.

Мама едва смогла протиснуться в дверной проем со своим букетом, и это подтверждало мою догадку насчет трудностей, с которыми столкнулся Стас в лифте (там-то двери были еще уже). Момент, когда в квартиру с цветами заходил он, я как-то пропустила – может, из-за того, что была в смятении.

Закрыв за гостями, я отправилась убирать со стола и мыть посуду. Захотелось лечь пораньше – все-таки я проснулась в семь утра.

Я расстелила постель, прочитала перед сном десяток страниц первой попавшейся книги (после чтения всегда уютнее спится) и уже погасила свет, когда услышала три звонка в дверь. Условный знак.

– Ох, – вздохнула я.

На сей раз Стас был, разумеется, без цветов и выглядел замерзшим.

– Что такое? – впуская его, шепотом спросила я.

– Целый час пробродил по улице. – Он дохнул на ладони и энергично потер их одну об другую.

– Зачем?

– Ждал, пока твои родители уснут! Свет в их окнах погас давно, но я все-таки решил перестраховаться. Они ведь могли услышать мои звонки и разочароваться во мне. Как думаешь, раньше они не слышали их по ночам? Надеюсь, что нет...

– Объяснишь мне, в чем дело? – перебила я.

– А ты сделаешь мне чайку погорячее?

– О`кей. А ты уверен, что с язвой можно пить сильно горячее?

– Ничего с моей язвой не случится.

– Давно она у тебя?

– Два года назад обнаружили.

– Ты не говорил.

– А надо было?

– Уф, значит, и правда не говорил.

– Ты, конечно, решила, что прослушала? Нет, на сей раз нет. Ты не волнуйся, пропускать ненужную информацию мимо ушей – навык полезный. Если бы ты этого не умела, разве стал бы я тебе часами рассказывать про Аллу? – Стас разулся и повесил на крючок пуховик.

– Кстати, как там с Аллой? – поинтересовалась я.

– Никак. Мы расстались.

– Это я уже слышала. По-прежнему не созванивались?

– Да расстались мы, зачем нам созваниваться.

– Ладно, ладно. – Я прошла на кухню, включила свет и электрический чайник.

– Прости, что потревожил. Не думал, что ты так рано ляжешь.

– Кое-кто разбудил меня утром.

– Это не я, это Slipknot. Хорошая группа.

– Пожалуйста, поменяй мелодию хотя бы на один день.

– Почему ты решил, что я пробуду у тебя только один день? – поднял бровь Стас. – У меня завтра зарплата, с деньгами проблем нет, еду куплю сам...

– Дело не в еде, – устало вздохнула я, протирая глаза. – Слушай, ничего, если я лягу? Я вырубаюсь. Ты выпей свой чай и можешь потом даже рассказать мне, как сильно ненавидишь Аллу, только я буду слушать с закрытыми глазами, идет?

Он хохотнул.

– Ложись, ложись. Я скоро приду.

– А завтра с утра обещаю объяснить мне, почему ты сегодня появился с цветами. Сейчас, вижу, ты этого делать не собираешься.

– Твоя мама что, не любит розы?

– Я же говорю – не собираешься. Все, я пошла.

Глава 5

Утром меня ожидал неприятный сюрприз. Нет, даже не будильник (мелодию Стас, разумеется, не сменил), а то, что было после.

– Не могу никуда идти, – придушенным голосом пробормотал он. – Кажется, я заболел.

– А, ну правильно, ты же вчера хотел остаться. Теперь я, конечно, тебя не выгоню. – Я терпеть не могу, когда мне так нагло врут – это, пожалуй, единственное, что меня действительно распаляет. – Знаешь что? Вставай-ка и иди.

– Да не могу я, ты что, не видишь? – воскликнул он (насколько это было возможно с «севшим» горлом).

Мне пришлось мысленно признать, что, возможно, он действительно приболел, но уж точно преувеличивает, заявляя, что не может встать.

– Ничего я не вижу. Вставай.

– Да ты попробуй мой лоб, у меня температура, честно!

– Не буду я ничего пробовать. Ты покинешь мою квартиру сегодня, а пойдешь ты на работу, домой или к Алле – меня не касается, – отрезала я безжалостно.

– Хорошо, дай мне время до вечера...

– И не подумаю.

– Ладно, – сдался Стас, вылез из постели и стал одеваться. – Сделай хотя бы завтрак... хотя черт с тобой. Не думал, что ты такая бессердечная.

– Просто не надо считать меня идиоткой.

– Ага.

Он безнадежно глянул в окно.

– Снег идет.

– В декабре это нормально.

– Я без шапки.

– Сейчас промокнешь и умрешь, кошмар.

– Я тебя ненавижу.

– Какие мы эмоциональные.

– Нет, серьезно. Почему меня окружают такие черствые люди? Никому нет дела до того, что происходит с другими. Знаешь что? – Застегнув пуговицы на рубашке, он повернулся ко мне. – Я больше не вернусь.

– Договорились.

Он ушел, хлопнув дверью, и я подумала, что, наверное, это первый раз, когда мы так сильно поссорились. Ну и пусть – будет знать, как манипулировать мной. А не вернется – и ладно, я прекрасно проживу без него.

К вечеру мне нужно было напечатать двадцать страниц довольно тяжелого текста с кучей терминов и символов, так что снова ложиться спать я не стала – сделала себе кофе и села у компьютера. Однако спокойно поработать мне было не суждено.

– Ида, у меня проблема. Сема сказал, что я плохо одеваюсь.

Да неужели, Жанна. Кто-то наконец-то тебе это сказал. Хотя, наверное, странно было услышать такое от человека,

годами носившего одни джинсы и один серый свитер с катышками.

– М-м, я поняла, – неопределенно отозвалась я, разыскивая в разделе «Символы» знак интеграла. – Твои действия?

«Скажи, что бросаешь его. Да нет, ты никогда этого не скажешь. И меня это бесит».

– Надо изменить его отношение ко мне. Боюсь, он стал воспринимать меня как данность.

– Хочешь поговорить с ним об этом, осознать свою вину и простить его? Как обычно?

– Нет. Хочу сегодня переночевать у тебя. И не говорить ему, куда я пошла.

Ух ты, это что-то новенькое.

– Он озверевает, – предупредила я.

– Ты проводишь меня завтра и зайдешь на чай. Когда ты уйдешь, он уже успокоится. Он не злопамятный, просто импульсивный... – принялась объяснять Жанна.

– Да, да, Сема отличный парень, – перебила ее я. – Приходи.

– Через час я у тебя.

– А по магазинам за одеждой не хочешь пройтись?

– Ида, не глупи. Ты же понимаешь, что дело не в одежде.

Дело в его восприятии меня.

– Тебе не следует так часто читать книги по психологии.

Думаю, он имел в виду именно то, что сказал. Жду.

Я положила трубку. При мысли о том, что я скоро увижу

Жанну, меня охватили одновременно раздражение и любопытство. Неужели ее установки наконец начали меняться? Год назад она бы ни за что не позволила себе куда-то уйти на ночь, не предупредив мужа.

Но через час мне предстояло убедиться в том, что, если они и изменились, то не слишком сильно.

– Наверное, это все из-за того, что у нас нет детей, – принялась за свою любимую тему Жанна.

Она помолчала, ожидая моей реакции, задумчиво погрызла ноготь на указательном пальце, усеянном аляповатыми кольцами, и продолжила:

– Надо пойти к другому врачу, а Сема не хочет. Говорит, что с ним все в порядке, как и сказал доктор Голицын, и больше обследоваться он не намерен.

– А ты не пробовала сделать паузу и отвлечься?

«А еще сделать маникюр. Хотя бы для разнообразия».

– Пробовала. Не думала об этом целых четыре дня, а потом увидела рекламу подгузников и опять раскисла.

– Жанна, тебе двадцать два года. Семе двадцать восемь. Вы оба еще молодые, куда так торопиться? Подумай, – взывала я, заранее зная, что все бесполезно, – сейчас ты практически свободна: учишься редко, не работаешь. Денег кое-как хватает. А когда родится ребенок, первые года три придется полностью посвятить ему. Двадцать четыре часа в сутках. К тому же дети требуют огромных затрат – ты уверена, что Сема это потянет? Ты говорила, он получает всего...

– Неважно. Дети – это счастье.

Вот так вот одним махом перечеркнула всю мою тщательно выстроенную теорию. «Дети – это счастье». Ничего глупее не слышала.

– Я бы на твоём месте сначала поискала счастье в каком-нибудь другом месте, – не удержалась я. – Ты ведь даже не пробовала жить для себя, а не для семьи. Найди работу или хотя бы увлекательное хобби, новых друзей...

– Это все не то. Я хочу ребенка. Иначе я не чувствую, что реализовалась в жизни.

– Тебе принести пилочку?

– Э... что? Зачем?

– Ты только что откусила себе кусок ногтя, и острый край будет за все цепляться.

– О, пустяки, сам затупится.

Она безнадежна.

– Ты не возражаешь, если я попечатаю? – поднявшись из-за стола, за которым мы пили чай, спросила я. – Мне нужно к вечеру сдать две главы.

– Конечно. А я рядом посижу, хорошо? – ответила Жанна.

Следующие пару часов я стучала по клавиатуре, а она, расположившись в кресле, увлеченно рассказывала мне, какой хороший у нее муж и какими чудесными родителями они станут. Видно, такая у меня карма: вечно кто-то мне что-то втирает, независимо от того, хочу я этого или нет. Наверное, думают, что я хорошо умею слушать? Хотя на самом деле

не столько слушать, сколько отвлекаться – Стас меня «раскусил».

Но им ведь всем не нужны советы, они сами отлично знают, как им жить. Им надо просто, чтобы их не перебивали, пока они изливают душу. Так что я идеальный вариант.

На секунду я представила себе, что прошло лет двадцать и передо мной сидит не Жанна, а моя дочь-подросток, и расписывает достоинства Кости из параллельного класса. Или муж вываливает на меня свои проблемы на работе. А я в это время не печатаю текст, а готовлю обед. Ведь, скорее всего, так оно и будет. На мне всю жизнь будут ездить, только потому что всем нравится, как я молчу.

После перерыва на обед, состоящий из не доеденных вчера отбивных, мы вернулись к прерванному: я – к работе, Жанна – к рассказу. Удивительно, сколько всего ей нужно было мне сказать, хотя вся эта речь легко уместилась бы в одно предложение.

Закончила я к вечеру. От долгого сидения болела спина, глаза устали от компьютера, голова шла кругом, и я решила, что самое время выйти проветриться.

Снег так и валил с утра не переставая. Вокруг расчищенных тропинок возвышались целые сугробы, ослепительно белые под светом фонарей.

– Странно, что Сема еще не позвонил, – надевая перчатки, заметила Жанна. – Он уже давно должен был прийти с работы и обнаружить, что меня нет.

– Ужин-то хоть есть? – осведомилась я.

– Да, я купила вареники с картошкой.

– Если ты действительно собираешься стать мамой, надо научиться готовить. Маленьким детям нельзя есть полуфабрикаты.

– Знаю я, знаю. Но у меня будет достаточно времени, чтобы научиться, пока он будет расти. В первый год он все равно будет питаться только грудным молоком.

– Думаю, у тебя в тот год будут совершенно другие дела.

– Господи, я как представляю, что держу на руках эту крошку и прижимаю к груди... сразу так тепло на душе! Я вчера залезла в интернет на форум молодых мам...

Ну ясно, ясно. Можно пока подумать о своем. Завтра суббота. Чем бы заняться? Надо будет придумать что-нибудь расслабляющее, уютное такое... может, принять ванну? Давненько я этого не делала, все под душем да под душем. В шкафчике еще осталась соль для ванны, которую мне кто-то подарил на прошлый Новый год. Точно, Стас. Должен же был он что-то мне подарить, иначе было бы неудобно. Я сама всегда так отдариваюсь: гель для душа, крем для бритья...

Удивительно обременительная это штука – отношения. Что дружеские, что любовные, что даже просто сексуальные... не говоря уж о супружеских. При любом раскладе: есть отношения – значит, есть обязанности.

Даже если ты просто выслушиваешь длинные монологи человека (причем о чувствах к другой девушке) и иногда де-

лишь с ним постель, ты, оказывается, обязана оставить его у себя дома на неопределенный срок, когда он заболел, да еще ухаживать за ним. Кажется, это уже выходит за рамки... как и знакомство Стаса с моими родителями. Он так и не объяснил, зачем пришел с цветами и изображал перед ними влюбленного. Теперь уже и не объяснит. Вряд ли он захочет еще со мной общаться.

Интересно, а я обязана сейчас спросить хотя бы в SMS, как он себя чувствует? Наверное, все-таки да. Ну что ж...

Глава 6

На сообщение Стас не ответил. На звонок, который я сделала для очистки совести, тоже. Видимо, обиделся не на шутку. В какой-то момент я была даже готова упрекнуть себя в том, что выгнала его на мороз. Может, ему действительно было плохо? С другой стороны, я ему не нянька и даже не девушка, к тому же наверняка он сильно преувеличивал и у него всего лишь побаливало горло.

Часов в одиннадцать утра Жанна засобиравалась домой, недовольная тем, что Сема не так уж сильно переживал из-за ее отсутствия: позвонил всего один раз, уже около девяти вечера, и, услышав, что она не придет, ответил «ладно» и положил трубку. Даже не спросил, где ее носит и когда же она вернется. Кажется, она испугалась, что еще чуть-чуть – и любящий муж вообще забудет об ее существовании.

– Возможно, он будет зол, – чуть ли не с надеждой произ-

несла Жанна, завязывая на шею унылый бурый шарф. – Ты же зайдешь со мной в квартиру, правда?

– Ну конечно. Еще и чаю выпью, – покорно отозвалась я.

– Посидишь полчаса или чуть больше. У тебя ведь никаких дел на сегодня нет?

– Нет. Ты не передумала насчет магазина?

– С одеждой? Нет, я не собираюсь ничего покупать.

– Если дело в деньгах, могу одолжить немного.

– Дело не в деньгах! Ида, ты очень хорошая подруга, но почему-то никогда не принимаешь к сведению факты, идущие вразрез с твоими убеждениями.

– О, какая умная фраза, – восхитилась я. – Из книги по психологии? Это распространенная патология или какая-то аномалия?

– Зря смеешься. Я бы на твоём месте задумалась.

«И я бы на твоём месте много над чем задумалась».

– Непременно поразмышляю на досуге. Ты готова к выходу? Я – да.

Кто бы мог подумать, что менее чем через час я окажусь в эпицентре удивительных – в основном по своей банальности, но не только – событий.

Подходя к дому, мы обнаружили, что свет в квартире Жанны и Семы горит – следовательно, Сема там.

– Ой, как он меня встретит? – снова заволновалась Жанна. – Мне что-то не по себе.

– Все будет нормально, – рассеянно успокоила ее я. – Если

что, ты можешь пожить у меня еще хоть... несколько дней. – Разумеется, мне не хотелось этого говорить, но я должна была. Дружеские отношения подразумевают некоторые обязанности.

В подъезде она начала красться и говорить шепотом, точно опасалась, что, услышав ее шаги или голос, Сема заранее вооружится скалкой или кухонным ножом.

В коридор мы тоже вошли тихо как мыши. В прихожей горела лампочка, из-под закрытой двери в спальню пробивался свет. Сема навстречу не выходил. Пока Жанна запира-ла за нами трясущимися руками, я чуть не споткнулась об обувь, стоявшую прямо на коврикe при входе в прихожую.

– Ого, ты купила красные сапоги. Молодец, – шепотом сказала я.

– Красные?.. – не поняла она и, опустив взгляд, вздрогнула. – Это не мои.

– Упс. Значит, у твоего мужа кто-то есть.

– Господи.

– То есть я имела в виду, что у него СЕЙЧАС кто-то есть – ну, в гостях.

– В нашей спальне. Девушка.

Побледнев, Жанна развернулась к выходу. Я поймала ее руку в сантиметре от дверной ручки.

– Э, нет, так не пойдет. Это твой дом, и бежать никуда не надо. Ты сама говорила – это слабая политика. Сейчас вы выпроводите эту леди, сядете и поговорите. – Я сказала это

не без иронии, а в душе радовалась – наконец-то она увидит, что ее драгоценный Сема далеко не безгрешен.

Ясное дело, Жанна знала, что он иногда изменял ей, и проводила с ним по этому поводу регулярные терапевтические беседы, но, во-первых, она наивно полагала, что беседы имеют действие и теперь все позади, а во-вторых, не представляла, что он может делать это прямо в их спальне. Это было, пожалуй, уже слишком – даже для нее.

– Думаешь, надо войти? – нервно спросила Жанна.

– Обязательно, – кивнула я.

– А ты со мной зайдешь?

– Зачем? Ну, если ты хочешь, то да, конечно.

– Очень хочу. Пожалуйста.

– Я бы на твоём месте не впутывала в личные дела кого-то третьего...

– Третья не ты, третья – хозяйка этих сапог. Так что она и есть лишняя. А чтобы лишним был четвертый – об этом я никогда не слышала. Пошли.

Я, разумеется, уже догадалась, свидетелем чего придется стать, но меньше всего ожидала увидеть в объятиях Жанниного мужа девушку Стаса. Мой мозг мгновенно распознал ситуацию как гротескную, и мне захотелось рассмеяться.

Жанна ухитрилась взять себя в руки и, пробормотав «мы подождем здесь», пулей вылетела обратно в коридор.

– Красные сапоги – это чересчур, честно говоря, – в полной тишине сообщила я ей. – Это безвкусно. Ты могла бы

купить себе, например, темно–бордовые. Да даже черные. Главное, чтобы не серые и не бурые. Кстати, хочешь, чтобы я теперь ушла, или мне пока остаться?

– Пока останься, – выдавила из себя она, не сводя глаз с двери спальни.

Наконец она открылась, и перед нами предстали уже одетые Сема и Жанна. Надо сказать, за те года полтора, что я не видела Аллу, она не очень-то похорошела – скорее, наоборот: расплзлась в талии, начала обесцвечивать волосы, что делало ее похожей на девицу нетяжелого поведения. Да и стиль одежды стал более вульгарным. Хотя, может, она так разоделась специально по случаю жаркого свидания? Короткая юбка, глубокое декольте, да еще эти сапоги... Интересно, для Стаса она тоже так наряжалась? Если да, то у него явные проблемы со вкусом.

Увидев меня вблизи, она слегка нахмурилась – видимо, припоминая, где могла меня видеть, – и уже через несколько секунд ее глаза распахнулись от удивления, а губы сложились так, будто она собиралась произнести слово, начинающееся на «о». Естественно, в этой ситуации она не могла ничего сказать мне, не скомпрометировав при этом себя (может, Сема вообще не знал о существовании Стаса), поэтому растерялась и, недолго посверлив меня взглядом, отвернулась.

У меня в голове мелькнула шальная мысль внести еще большую сумятицу в умы присутствующих и непринужден-

но поздороваться с ней, но я тут же решила, что это ни к чему. Тогда, возможно, мне пришлось бы объяснять Жанне, откуда я знаю любовницу ее мужа, что на некоторое время затянуло бы мое пребывание в этой квартире, а я надеялась смотреться как можно скорее. Еще не хватало мне быть свидетелем бурной семейной ссоры. Меня и так во многое впутали.

– Итак, – произнесла Жанна грозно вместо «что это значит?», «кто она?», «давно это у вас?».

Сема, похоже, был не слишком устрaшен этим «итак», потому что ничего объяснять не стал – застыл на месте, сцепив руки в замок и уставившись в пол – не смущенно, а скорее упрямо. Мол, допрашивайте сколько хотите – ничего не скажу. Судя по всему, он не очень-то и боялся, что его застукают – ведь, приглашая к себе Аллу, он даже не знал, когда вернется Жанна. Вряд ли ему сильно хотелось, чтобы она застала его с любовницей, но в глубине души он понимал, что даже если это и случится, ничего страшного не будет. Она все простит.

– Это и есть твоя жена? – зачем-то осведомилась Алла. В какой-то момент мне показалось, что она при этом смотрит на меня, но оказалось, что все-таки на Жанну.

– Да, – ответил Сема коротко.

– Вот видишь – он не скрывал, что женат, – одобрительно сообщила я подруге.

Судя по выражению лица, ее это не утешило.

– Кстати, я бы ни за что не догадалась. В этом доме совершенно нет женских вещей, – заметила Алла как ни в чем не бывало. Судя по загоревшимся глазам, она с нетерпением ждала, когда Жанна взорвется.

Кстати, замечание было совершенно справедливым: поскольку Жанна не очень любила следить за собой, в ее квартире нигде не было ни шкатулок с косметикой, ни баночек и тюбиков со всякими гелями-масками-кремами. В их с мужем общем шкафу висела пара мрачных свитеров и джинсов – вот и все. Наверное, где-то лежала ее летняя одежда, а также нижнее белье, но вряд ли на виду.

«Нет худа без добра. Может, теперь она наконец задумается, что она все-таки девушка, а женский пол подразумевает не только замужество и материнство», – подумала я.

– И, зная, что Сема женат, вы все равно пришли сюда? – с нескрываемым омерзением произнесла Жанна, глядя на Аллу.

Она пожала плечами и нагло отозвалась:

– Ну да. Я ж не венчаться с ним пришла.

– Вот оно как...

Меня поражало Жаннино самообладание. Любая другая на ее месте закатила бы скандал (кроме меня, наверное – я бы максимально мирно выставила обоих за дверь и воспользовалась возможностью зажить спокойной жизнью). Но установки моей подруги не позволяли ей нарушать гармонию в семье. Вероятнее всего, Семе предстоял серьезный и обстоя-

тельный разговор с применением всех психологических приемов.

Я так и слышала, как Жанна строго сообщает ему: «Мне не нравится, что ты пренебрегаешь мной и не ценишь наш брак». Она говорила как-то, что во время конфликта важно не переходить на личности, заявляя «ты козел», а напирать на свою точку зрения: «Мне иногда кажется, что ты ведешь себя как козел, и это меня расстраивает».

– Ты ел сегодня? – ни с того ни с сего спросила у мужа Жанна. В ее голосе звучала неподдельная озабоченность.

– М-м... да, бутерброды, – с готовностью отозвался Сема, как будто именно этого вопроса и ожидал.

– А вчера вареники доел?

– Да.

– Замечательно. Сегодня я планировала запечь курицу. Ты не мог бы сходить в магазин и купить филе?

– Хорошо.

– И еще, пожалуйста, сок литровый. Если будет – персиковый, а нет – пусть какой угодно, хоть яблочный. На твое усмотрение.

Жанна совершенно игнорировала Аллу. Подозреваю, ее тактика была направлена в основном на то, чтобы дать разлучнице понять, что они с Семей – семья, которую не разрушат такие пустяки. Думаю, Алле было наплевать на степень прочности их брака, но вот из центра внимания она выпадать ненавидела. Потому теперь она выглядела рассерженной и

чуть ли не разочарованной. Вот уж кто не боится скандалов, а подпитывается ими.

– Я ухожу, – объявила она с вызовом.

– Всего доброго, – рассеянно отозвалась Жанна, не глядя на нее.

Сема буркнул «пока». Я ничего не говорила, только усмехалась, наблюдая, как Алла выходит из себя. И тут она решилась на провокационную реплику:

– Ладно, пойду навещу Стаса в больнице.

Она до смерти желала привлечь мое внимание, раз уж Жанна его ей не уделила, а я никак не могла доставить ей такое удовольствие.

– Замечательно. Думаю, он обрадуется, – ответила я с вежливой улыбкой.

Возможно, по моей реакции она также надеялась установить, есть ли между нами что-то сейчас и знаю ли я о болезни Стаса. Увы, ей не удалось и это.

Сема с недоумением глянул сначала на Аллу, потом на меня – похоже, он не подозревал, кто такой Стас, к тому же его поразило, что у нас с ней есть общие знакомые. Но и он не купился – не стал развивать эту тему. Вместо этого он отправился обратно в спальню – наверное, чтобы переодеться для выхода в магазин.

Жанне я про Стаса не рассказывала, поэтому она тоже никак не среагировала.

– Мне можно идти? – не удержавшись, спросила ее я.

– Погоди. – Она наклонилась к моему уху и прошептала:

– Сейчас они оба удалятся – в разных направлениях, надеюсь, – и мы с тобой все обсудим. Мне надо с кем-то поговорить.

Я предпочла бы, чтобы Жанна вела терапевтические беседы с супругом, но пришлось кивнуть и остаться.

– А ты правда собиралась запечь курицу? – не удержалась я.

– Да. Читала в интернете, что это очень легко. Надо только купить специи. Черт, еще же специи... Сема-а!

Глава 7

Намеренное нелюбопытство обернулось для меня большой потерей драгоценного времени: пришлось обзвонить несколько больниц, чтобы выяснить, в которой из них лежит Стас. Обнаружила я его у черта на куличках в отделении легочных заболеваний (или оно называлось как-то иначе, не помню точно). Все указывало на то, что бродить целый час вокруг моего дома в мороз было его серьезной ошибкой. И насчет своего недомогания он мне, пожалуй, не соврал.

Не то чтобы мне стало его жаль – скорее я ощутила смятение. Надо же, как неловко вышло. А теперь, раз уж я узнала, в какой больнице находится Стас, то, наверное, имеет смысл его навестить. Должна ли я это делать? Нет, не должна. Но как-никак я перед ним виновата. Хотя бы для очистки сове-

сти стоит это сделать, с тяжелым вздохом решила я в конце концов.

И в воскресенье отправилась в больницу, купив по дороге парочку апельсинов и яблоко. Некоторые почему-то считают, что, заболевая, человек тут же начинает потреблять фрукты в неограниченном количестве, но я не из таких. Даже если фрукты ему и полезны, вряд ли Стас съест их целую гору, рассудила я.

Если он не захочет меня видеть – тем лучше, не придется сидеть у его постели. В этом случае я точно выигрываю. А захочет – так и быть, развлеку его минут пятнадцать.

– Ты? – прохрипел Стас изумленно, когда я вошла в палату.

Выглядел он неважно: круги под глазами, нездоровый румянец на щеках, да и торчащий из груди катетер еще никого не украсил.

– Воспаление легких, насколько я понимаю, – заключила я, присаживаясь на край его кровати.

– Пока только подозрение на воспаление. Температура жарит, хотели даже в реанимацию отправить.

– Ты бы лучше поменьше разговаривал – тяжело же, наверное.

– А, нет, горло не болит, просто «село». – Он сверлил меня взглядом, и в его глазах был странный блеск, так что, не зная о его болезни, я могла бы решить, что он по уши влюбился в меня.

«Сейчас спросит, зачем я пришла», – подумала я.

– И зачем ты пришла?

– Навестить тебя.

– Добренькая ты моя. Кто тебе сказал, что я здесь?

– Это неважно.

– Ты ко мне домой заходила?!

– Я даже не помню, в каком подъезде ты живешь.

– Тогда не понимаю.

– И не надо тебе ничего понимать. Кстати, я тоже по-прежнему много чего не понимаю – зачем, например, ты пришел знакомиться с моими родителями.

– Опять. Тебе не кажется, что сейчас не время это обсуждать?

– Кажется.

– Ладно, я не знаю. Я НЕ ЗНАЮ, зачем это сделал. Просто подумал – почему бы и нет. Все? Успокоилась?

– Да я спокойна.

– Между прочим, ты сейчас рискуешь познакомиться с моими – они будут здесь с минуты на минуту.

– Ну, я и не думала задерживаться. А Алла приезжала?

– Нет, она только звонила вчера с утра, а я отправил ей сообщение, что я в больнице. Говорить я тогда почти не мог, сейчас еще ничего.

– Не приезжала, значит. Ну, так я и знала, – усмехнулась я. – В котором часу она звонила?

– Около десяти. А что?

– Ничего. Она не в курсе, что с тобой?

– Нет. Не спросила.

Значит, выяснила, что ее парень попал в больницу, и, не особенно заинтересовавшись этим фактом, спокойненько пошла развлекаться с другим. Или (это менее вероятно, но мало ли) вообще ночевала у Семы и тайком звонила Стасу оттуда. А монстра после этого делают из меня.

– Хорошая девушка, – резюмировала я.

Стас гневно глянул на меня, но промолчал. Что он мог на это возразить? Не утверждать же ему было, что нет, не хорошая.

– Обязательный фруктовый минимум здесь. – Я потрясла в воздухе пакетом. – Ставлю возле тумбочки. Это твоя тумбочка?

– Вообще-то, наша общая, – внезапно встрял старичок, сидевший на соседней кровати – почему-то оскорбленно. Наверное, ему тоже хотелось фруктов.

– Ну так угощайтесь и вы, – приветливо предложила я.

Стас поджал губы. Мало того, что по моей вине он попал в больницу – я еще и отнимаю его «законные» апельсины. Может, нужно было все же взять побольше?

Слава богу, у старичка оказалась аллергия на цитрусовые и, узнав, что в пакете только одно яблоко, он тут же потерял ко всему интерес и решил подремать.

– Ладно. Я пойду, пока не пришли твои родители, – сказала я, поднявшись. – Если хочешь, могу зайти еще как-ни-

будь.

– Думаю, ты уже пожалела о том, что сказала, – угрюмо отозвался Стас, и это навело меня на мысль, что он знает меня лучше, чем я полагала. – Ну а о своем... предательстве ты, надеюсь, жалеешь?

– Предательство совершила твоя Алла, а не я, – тихо, чтобы не потревожить старичка, заметила я. – Предают близкие. Для остальных не помочь тебе в трудную минуту вполне естественно.

– Прикрываешься философией? – хрипло возмутился он. – Четыре года, Ида. Четыре года, значит, коту под хвост. Неужели после... всего, что... я не заслуживал даже сострадания?

На это мне тоже нашлось что ответить. Придумывать небанальные ответы в сложных ситуациях я любила – это сродни логической игре.

– Сострадания заслуживают инвалиды, сироты и бездомные животные, – с умным видом заявила я. – А уж никак не полные сил молодые люди.

– Ты находишь, что я сейчас полон сил? Это вряд ли, – справедливо возразил Стас.

– Да, но позавчера ты выглядел вполне недурно, а накануне заявлял, что хочешь остаться у меня, вот я и решила, что ты симулянт.

– Почему было не удостовериться? Я ведь предлагал тебе потрогать мой лоб – он был горячим как печка. Тебе просто

плевать на меня. Я был о тебе лучшего мнения.

– Значит, четыре года прошли даром для тебя, а не для меня, раз ты так и не узнал меня, – триумфально заявила я и, попрощавшись, покинула палату.

Всю неделю я занималась в основном начавшимися зачетами и – в свободные часы – чтением. Жанна не звонила. Стаса выписали – похоже, воспаления легких у него все же не оказалось, – но его я тоже больше не видела. Даже родители ни разу не пригласили меня к себе – видимо, решили, что я дико занята из-за сессии. Но учеба, как и все остальное, не слишком меня волновала и не слишком напрягала. Да, она иногда отнимала время, но нервы и силы – никогда.

В середине следующей недели, уже в двадцатых числах декабря, я пила чай на кухне и листала конспекты по предмету, который предстояло сдавать назавтра, и тут раздался звонок в дверь. Точнее, сразу три. «Потрясающе», – подивилась я и, загнув угол тетради, захлопнула ее и пошла открывать.

– Что, уже настолько окреп? – впустив Стаса, поинтересовалась я.

– Чувствую себя нормально, – сухо сообщил он.

– А по тебе не скажешь.

– Вообще-то, у меня еще больничный... Я сбежал. Родителей нет дома – они будут жутко недовольны, когда вернутся.

– Ого, так ты не у Аллы был?

– Все кончено.

– Опять?

– Нет, еще с тех пор.

Уже довольно давно. Тревожный знак...

– Неужто она и не позвонила тебе ни разу?

– Один раз в SMS спросила, выписали ли меня уже. Наверное, встретиться было не с кем. Но я сказал, чтобы она больше меня не беспокоила. Между нами все кончено, – повторил Стас упрямо.

– Ну, подожди еще некоторое время. Вот наберешься сил – тогда станешь ей нужен. Что ей с тобой, больным, делать? – рассудила я, ногой пододвигая к нему тапочки моего покойного дедушки, в которых Стас обычно ходил у меня.

– А тебе со мной что делать?

– Не знаю. Зависит от того, зачем ты пришел.

– Можно я сразу прилягу?

– Кажется, уже начинаю понимать, зачем.

– Да нет, просто слабость. Ты же мне веришь?

– Пожалуй. Ложись. Есть будешь?

– А что именно?

– Спагетти с мясом.

– Ненавижу спагетти. Нет, спасибо.

– На «нет» и суда нет.

Он расположился на моей постели, а я уже собиралась отправиться обратно на кухню к своим конспектам, но, когда я проходила мимо кровати, Стас поймал меня за руку.

– А ты прилечь не хочешь?

И все-таки я, похоже, правильно определила цель его визита.

– Ты что, уже простил меня? – хохотнула я.

– Ну а что с тобой сделаешь... – беспомощно пожал плечами Стас.

– Смотри, у тебя наблюдается склонность к растягиванию бесперспективных отношений на долгие годы, – предупредила я. – Если хочешь, я обращусь к подруге – у нее много психологических книг, она даст тебе почитать что-нибудь и на эту тему...

– Обязательно, – пообещал он.

К конспектам я в тот вечер уже не вернулась.

Глава 8

– Ты, наверное, хочешь, чтобы я больше не приходил, – предположил Стас, ковыряя вилкой спагетти. С утра они уже не вызывали у него такого омерзения.

– Да не так уж ты меня и объедаешь, – хмыкнула я.

Мы завтракали вместе – мой зачет был утром, так что на сей раз встать пораньше нужно было мне. И будильник, к счастью, ставила я, так что проснулась под Bring Me To Life от Evanescence.

То, что я успела прочитать семь листов конспекта из двадцати шести, меня слегка забавляло, но я надеялась все же

справиться с предметом с первого раза, потому что пересдача была назначена на следующий день, а больше пар не намечалось. Ехать в университет ради одного зачета... меня не грела эта мысль.

– Обьедаю? – переспросил Стас. – Господи, я не о том. Нельзя так все упрощать. Просто между нами исчезло то... связующее звено.

– Вот как? – вежливо отозвалась я. – Я так понимаю, ты об Алле.

– Ну вот, ты гораздо прозорливее, чем пытаешься показать. Мы никогда об этом не говорили...

Он пристально посмотрел на меня, и его взгляд вдруг почему-то показался мне оупевшим. Когда люди долго смотрят в одну точку, у них всегда появляется именно такое выражение лица – и сосредоточенное, и отрешенное одновременно.

– Мы никогда об этом не говорили, – повторил Стас, – но, по сути, наши отношения с тобой были завязаны на моих отношениях с Аллой. Мне нужна была отдушина, а тебе... кстати, тебе-то что было нужно? Не будешь же ты утверждать, что я.

– Впервые об этом задумался?

– Ну, не впервые, конечно... но, ясное дело, меня больше заботили собственные интересы.

– У меня так всегда, – понимающе покивала я.

– И какой у тебя здесь был интерес?

– Много будешь знать – скоро состаришься.

– Ну а серьезно?

– Помнишь, что ты мне ответил на вопрос, почему пришел тогда знакомиться с моими родителями?

– О-ох, ну сколько можно мне это припоминать...

– Ты сказал «я подумал – почему бы и нет». Вот и я тоже.

– Четыре года продержаться на таком хилом топливе? Ты меня поражаешь.

– Но ты же сам признался, что не думаешь, будто существовало какое-то более сентиментальное объяснение.

– В этом я не сомневаюсь. Что ты, что Алла любить не способны, – вынес вердикт Стас.

– Не всем же быть такими способными, как ты, – парировала я.

– Ладно, ладно, у меня тоже куча недостатков, – великодушно признал он. – И все-таки как ты думаешь, что будет с нами теперь, когда я разошелся с Аллой?

Этот разговор мне совершенно не нравился. По-моему, любого из нас напрягают неожиданные обсуждения перспектив, а в моем случае это был еще и первый раз за несколько лет (или первый раз в принципе?), когда Стас решил поговорить о нас с ним, а не о них с Аллой. И наверняка неспроста. Уж не собирается ли он ко мне переехать? Или, чего доброго, предложить мне руку и сердце?! Хотя... может, напротив, он понял, что дальше тянуть не имеет смысла, и хочет расстаться. Тогда я обойдусь малой кровью.

Слегка расслабившись, я стала разглядывать повернутое в мою сторону лицо Стаса – треугольное, с заостренным подбородком и большим лбом, маленькими темно-кариими глазами и довольно тонкими губами. Лицо скорее несимпатичное. И все же что-то в нем есть, заключила я.

– Эй, – окликнул меня он. – Я задал вопрос.

– Не люблю принимать решения. Может, лучше ты мне расскажешь, что нас ожидает? – предложила я.

– Ну, одно из двух: мы можем продолжать все как раньше, но теперь уже на другой основе, наверное, а можем разбежаться.

– К чему ты склоняешься?

– Честно говоря, не знаю. Это смешно, но я вообще до сих пор не разобрался, что у меня к тебе. У меня голова вечно была забита одной Аллой...

– И сейчас тоже, я смотрю.

– Не-ет, теперь уже все, – категорически заявил Стас. – Кажется, это наваждение наконец начало меня отпускать. То, что она ни разу не навестила меня в больнице, раскрыло мне глаза. Да она даже не удосужилась спросить, в какой именно больнице я лежу и что со мной! Ты вот как-то узнала, нашла меня и пришла, а она нет. После семи лет!

– Ты что, удивлен? Я – не очень, – пожала плечами я, убирая со стола посуду.

– Такое впечатление, будто ты ее знаешь лучше меня. Или я достаточно подробно о ней рассказывал, или ты умнее ме-

ня.

– И то и другое, дружище.

– А ты с ней лично никогда не встречалась?

Вот интересно, что бы он сказал, заяви я ему, что не только встречалась, но и видела ее голой? Ха, разумеется, он об этом никогда не узнает. По крайней мере от меня. Если я объявлю Стасу, что Алла ему еще и изменяла, он, во-первых, захочет знать детали, а потом полгода будет в таких же деталях со мной все это обсуждать, а во-вторых, может отвернуться от нее окончательно. И тогда, действительно, не очень понятно, что у него будет со мной. Пока у меня на самом деле оставалась надежда, что они возобновят отношения и все будет по-старому.

А о том, что мы с Аллой виделись полтора года назад – если она не рассказала, мне-то зачем? Хотя... любопытно, как бы он на это отреагировал? Может, умилился бы, что она собиралась за него бороться? Это могло бы быть мне даже на руку.

– М-м... вообще-то, было один раз, – решила я («почему бы и нет?» – мой неоспоримый аргумент).

– Когда? – с интересом, но не слишком живым, спросил Стас. Похоже, за столько лет тема Аллы его действительно утомила.

– В прошлом году, когда она нашла мое сообщение у тебя в телефоне.

– Ого, она мне и не говорила.

– А это могло бы тебя порадовать. Она хотела, чтобы я оставила тебя в покое. Знаешь, мне кажется, она так и не поверила, что ты ей изменял. Скорее, решила, что у нас что-то наклевывается.

Стас усмехнулся, но ничего не сказал.

– Интересно, знает ли она, что ты до сих пор общаешься со мной? – продолжала я, присев обратно за стол.

– Честно говоря, мне это уже не так интересно, – сказал он. – Но я вижу, о нас с тобой ты говорить не желаешь...

– Ты же еще не разобрался, о чем тут говорить.

– А ты? Скажи мне, ну чего ты хочешь?

Внезапно он крепко сжал мою руку – видимо, чтобы я сосредоточилась на его вопросе и не посмела опять увильнуть. Тяжелая артиллерия.

– Я тоже не знаю, – сообщила я спокойно.

– Мне сегодня приехать?

– Как тебе удобно.

– Я приеду. Родители будут ругаться, что я не соблюдаю постельный режим, ну ладно.

Я собиралась вставить не очень приличную, но напрашивающуюся реплику, но решила все-таки промолчать.

– Прошу тебя подумать до вечера, – не отставал Стас. – Слышишь меня? Подумай. Это важно. Сейчас мы на распутье, и надо что-то решить.

– Обязательно сегодня?

– Тянуть можно до бесконечности. Чем раньше, тем луч-

ше.

– Тогда приезжай послезавтра.

– Почему?

– Да просто. Ненавижу, когда меня ставят в такие жесткие рамки.

Стас улыбнулся, помолчал и вдруг пробормотал:

– Я тобой восхищаюсь.

Глава 9

С зачетом я таки справилась с первого раза. Поощрить себя решила походом по магазинам и в салон красоты (в конце концов, скоро Новый год, надо же быть красивой).

Купив себе платье и две кофточки, сделав в салоне маникюр, педикюр и еще зачем-то массаж, я потратила три стипендии, отложенные у меня на карточке, но ни капли об этом не пожалела. Домой вернулась уже под вечер – довольная и умиротворенная. Будь я одной из тех «блондинок», что зависают в соцсетях и каждый день обновляют фотографии, я бы, наверное, посвятила остаток дня фотосессии с вытянутой руки. Такую глупость я делать не стала, но перед зеркалом провертелась минуты полторы (для меня это был почти рекорд) и в конце концов пришла к тому, что я очень даже ничего.

Я всегда была о себе неплохого мнения, но настоящей красавицей себя не считала – не совсем правильная форма носа,

широковатые бедра и маленькая грудь слегка портили в целом неплохую картину. Но сейчас все эти мелкие нюансы в глаза не бросались. Ухоженная симпатичная девушка. Захотелось даже, чтобы кто-то увидел меня такой прямо сейчас, и мелькнула мысль зайти к родителям, а потом даже позвонить Стасу, но я отбросила оба варианта. Когда можно вдоволь насладиться одиночеством, зачем упускать этот шанс? С родителями я ужинаю через три дня, а Стас... по-моему, все эти годы ему было все равно, как я выгляжу.

Он почти не делал мне комплиментов и вообще каких-либо замечаний, касающихся моей внешности, вне зависимости от того, была я ненакрашенная, с хвостиком и в халате или только что из салона. И после этого он еще просит меня подумать, хочу ли я быть с ним дальше. Хорошо еще, что я не кисейная барышня, у которой самооценка падает от одного равнодушного взгляда молодого человека. Впрочем, будь я таковой, вряд ли продержалась бы столько времени с человеком, связанным другими отношениями и чувствами к другой.

«Все же хорошо, что я такая, какая есть», – подытожила я довольно, отходя от зеркала, и тут в дверь позвонили. И это был не Стас.

Похоже, мысли материальны, улыбнулась я. Сейчас кто-то увидит меня, так сказать, во всей красе.

Мне повезло вдвойне – за дверью стоял молодой человек. И, возможно, он оценил меня по достоинству, но явился он

не по зову сердца, а по долгу службы. Курьер.

– Ида Климова? Это вам, – с улыбкой произнес он, вручая мне пестрый подарочный пакет.

Странно – вроде бы день рождения у меня в апреле, а Новый год и тем более Восьмое марта еще не наступили... Переспрашивать, уверен ли он, что посылка предназначается мне, не имело смысла – ведь он назвал мое имя и пришел по этому адресу. Не так уж много Ид Климовых живет в моей квартире.

– Спасибо, – вежливо сказала я, принимая пакет. – М-м, я вам ничего не должна?

– Ну что-о вы, все оплачено. – Мне показалось, что курьер слегка подмигнул мне – значит, мои чары все же действуют.

Когда он ушел, я несколько секунд просто стояла и смотрела на посылку, размышляя, не бомба ли это. В памяти всплыла «Азазель» Акунина – там был как раз такой эпизод... Но потом, тряхнув головой, я сказала себе, что слишком много читаю и смотрю детективы.

В пакете оказалась огромная, на вид совершенно безобидная коробочка моих любимых конфет. На всякий случай я открыла ее, чтобы уж наверняка убедиться, что бомбы нет и внутри нее, ну и заодно съесть пару-тройку экземпляров из коробочки. Кроме того, посылка содержала замысловатую открытку, явно дорогую, ручной работы, с написанным от руки текстом: «Когда же наступит послезавтра?». Думаю, надо было быть даже большей «блондинкой», чем те, что зависают

в соцсетях, чтобы долго размышлять, от кого этот подарок. В данном случае меня больше волновало не «кто виноват?», а... нет, и не «что делать». Зачем?

За эти четыре года Стас ни разу не приносил мне цветов (в первый и единственный раз, когда он пришел с букетом, тот предназначался моей маме) и уж тем более не опускался до такой романтики, как отправление подарка с курьером, причем без повода.

Не успела я начать размышлять на эту тему, продолжая поедать конфеты (перед ними я устоять не могу), как в дверь снова позвонили – и опять это был не Стас. Либо он хотел сделать мне еще один сюрприз и явиться без условного звонка – теперь я уже всего могла ожидать.

Но на пороге стоял папа.

– Послушай, дочка... – жизнерадостно начал он. – Ого, я вижу, ты уже открыла пакет...

Я изумленно воззрилась на него – на секунду у меня проскользнула даже странная мысль, что посылка была от него.

– Мы тут с мамой просто вне себя от любопытства – если, конечно, можно так выразиться, но я так выразился, а значит, вполне можно... От кого подарок? Нет, если это личное, то, конечно, не надо, не говори... но... э-э... со Стасом мы уже знакомы... Это он, да?..

– Не хочется быть банальной, но все-таки не могу не спросить: откуда ты и мама знаете о посылке?

– Дело в том, что сначала курьер позвонил в нашу дверь.

Ты, наверное, не слышала, у нас двери толстые, никогда не услышишь, что на лестничной клетке творится. Спросил, здесь ли живет Ида Климова. Мы с мамой сказали, что она в соседней квартире. Он еще очень удивился – ему точно указали именно нашу квартиру. Видимо, какая-то ошибка – хорошо еще, что он к нам попал, а не к соседям справа, потому что те, по-моему, и не знают, как тебя зовут...

Ого. Bravo, Стас.

– Так это от него? От твоего парня?

Я кивнула.

– Какой молодец, а! Он нравится мне все больше и больше! У вас какая-то памятная дата сегодня?

– Нет. Это... просто так, – сообщила я меланхолично.

– Ну ничего себе! Стас такой романтик и так любит тебя! Ты береги его. – Папа расплылся в своей фирменной широченной улыбке. – Ладно, дочка, удачного тебе вечера. Если хочешь, заходи к нам. Кстати, отлично выглядишь. Новое платье?

– Да. Спасибо, пап.

Итак, он специально указал курьеру адрес родителей – это точно. Он отлично знал мой адрес и случайно ошибиться не мог. Номер их квартиры Стас наверняка помнил, а если и нет, то легко мог вычислить, исходя из моего. Зачем он это сделал? Да элементарно – чтобы умилить их и еще больше подняться в их глазах. Красиво запакованный подарок – трогательный жест от по уши влюбленного парня...

Не факт, что я рассказала бы им о посылке (даже скорее всего не рассказала бы), а так они узнали о ней первыми, и теперь он точно заполучил их в союзники. Как говорится, мелочь, а приятно.

И снова – зачем? Зачем ему так нужно быть со мной? Привычка? Боязнь одиночества? Или?..

Глава 10

Я решила не звонить и не писать Стасу. Из того, что я собиралась ему сказать, не было ничего такого, что не могло подождать два дня. Кстати, он тоже больше не объявлялся – только в назначенный день (точнее, вечер) раздались звонки в дверь. Раз, два, три, зачем-то отсчитала я механически и пошла открывать.

– Привет. Ну и холодрыга сегодня, – заявил Стас, размазывая шарф.

– Спасибо за открытку. И, главное, за конфеты. Их уже практически нет, даже угостить тебя нечем, – произнесла я. – К чаю только зефир. Чуть-чуть.

– Обойдусь. Я дома поел. Пока я не хожу на работу, с распорядком дня все гораздо проще и вольнее. Где тут мои тапочки?

– Я их спрятала.

– Зачем? – Он заметно напрягся.

– Я пошутила. Вот они, в углу коридора, – информировала

я.

– О господи, я уж думал, это был знак того, что они мне в твоём доме больше не понадобятся.

– Я смотрю, ты эксперт по знакам. Ошибка курьера, который доставил мне конфеты и открытку, это тоже какой-то знак судьбы, да?

– Нет. Я бессовестным образом подлизался к твоим родителям, – сообщил Стас с улыбкой. – Знал, что ты догадаешься. Им ведь понравилось?

– Едва ли не больше, чем мне. Я потом заходила к ним – даже мама была в экстазе от твоей галантности и романтичности. Полчаса об этом говорила.

– Ура, подействовало.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – резко спросила я.

– Как-то грозно это прозвучало. Лучше я на всякий случай скажу, что не очень, хотя нормально.

– То есть если мы куда-нибудь сходим, вместо того чтобы остаться дома, ты не будешь возражать?

Это был хорошо рассчитанный выпад. Разумеется, мне не хотелось никуда идти, но хотелось подчеркнуть, что в ближайшее время рассчитывать на близость не стоит (как-то мерзко это было бы – после подарка и «подкупа» моих родителей... не знаю даже, почему) и что вести с ним серьёзный разговор, на котором он настаивал, я тоже не хочу. Зимние улицы, кафе и тем более кино не очень располагают к доверительным беседам. Ну, на мой личный взгляд.

– Сходить? – удивился Стас. – Мы никогда никуда не ходили. Знаешь, я все-таки предпочел бы не бродить особенно по морозу, я ведь еще недостаточно окреп...

Ну и слава богу – ведь мог бы взять и согласиться.

– Отлично. Тогда давай здесь посмотрим какое-нибудь кино, – продолжала гнуть свою линию я.

– Хм, – отозвался он.

– А что тебя смущает?

– Да ничего... давай посмотрим. Только не детективы твои, ладно? Жизнь и так что-то остросюжетная пошла.

– Жаль. Ну, нет так нет. Значит, сейчас глянем, что идет по телевизору. Правда, у меня нет программы, но можно открыть ее в интернете...

– Лучше наугад, – скучающе перебил меня Стас и, присев в кресло, взял пульт. Ему явно не нравился такой поворот, но он не мог ничего поделать.

Как назло, ни по одному каналу не показывали ничего даже более или менее приличного. Вечер – уж могли бы постараться! Но увы. То какая-то передача про садоводство, то новости, то мексиканский сериал (а я уж думала, их давно перестали показывать).

– Ну что ж, давай оставим это, – сказала я, когда Стас дошел до сериала.

– Да нет уж, лучше это. – Он мстительно переключил на садоводство.

«В зоне укрывного виноградарства наиболее распростра-

нена веерная бесштамбовая четырехрукавная чеканка», – сообщил унылый голос.

– Очень познавательно. Жалко, я ни слова не поняла, – закручинилась я.

– Хотела что-нибудь посмотреть – пожалуйста, давай. Чем ты недовольна-то? – возразил Стас. – Слышишь, там прозвучали слова «побеги» и «листы» – я уже начал понимать, о чем речь. Еще чуть-чуть – и вообще втянусь...

– Ладно, может, идея была не очень. Я не люблю телевизор.

– А кто тебя за язык тянул?

– Рассчитывала на детектив. С другой стороны, нужно и разнообразие... – Я потянулась к пульту с соседнего кресла, но Стас ловко убрал его из зоны доступа.

– Нет уж, пожинай плоды...

– Отдай.

– Ну что, что ты сделаешь, разозлишься и ударишь меня? Вряд ли. Тебя бесит, только когда тебе врут.

– Просто врут – это полбеды. Не люблю, когда врут слишком нагло.

– Но из-за такой ерунды как пульт ты ни за что не распалишься.

– Верни его. В конце концов, он мой.

– А иначе что ты со мной сделаешь? Выгонишь? А если я не уйду?

Его лукавство не то чтобы злило меня, но определенно

раздражало. По-моему, оно было просто неуместным. Вся эта борьба за пульт вообще напоминала шутовскую перепалку влюбленных, а такие ассоциации заставляли меня морщиться.

– Ладно. Делай что хочешь, – махнула рукой я и удалилась со сцены. То есть на кухню.

«У меня все равно осталась там немытая посуда, а он пусть смотрит свою передачу по садоводству, если она ему пришлась по душе».

Как показывает практика, уйти от конфликта – решение, вызывающее в сопернике куда больше негативных эмоций, чем любой скандал. Особенно это действует с такими пупами земли, как Алла, но и Стас тоже не исключение.

Отбросив пульт, он немедленно последовал за мной.

– Эй, ты куда?

– Посуду помою.

– Черт, ну почему ты такая?

– Какая?

– Не знаю... непокорная... и равнодушная. Редкое сочетание. Своенравность без агрессии.

– Да я просто почти всегда поступаю так, как мне удобно. Стараюсь, по крайней мере, – пояснила я, открывая кран.

– Тебе помочь? – вызвался Стас.

– Что я слышу? Кажется, впервые. Нет, спасибо. Три тарелки я в состоянии вымыть сама.

– Ну ладно.

Я вспенила моющее средство на губке и принялась за первую тарелку (буквально их было, конечно, не три, но немногим больше). Стас наблюдал за мной из угла кухни, скрестив руки на груди.

– Что интересного? Любишь смотреть, как другие работают? – осведомилась я.

– Я же предлагал помощь. Нет... думаю. Это уже становится увлекательным.

– Ты о садоводстве?

– Да о каком садоводстве – о тебе. Ты такая... это даже интригует, – заметил Стас.

– Ты слишком часто думаешь обо мне в последние несколько дней. Честно говоря, ты меня пугаешь, – правдиво отозвалась я.

– Просто не могу тебя разгадать. Ты то ли слишком таинственна, то ли, наоборот, слишком естественна, а я от такого в людях уже отвык...

– Не копай чересчур глубоко – если помнишь, я раскрыла свой секрет пару минут назад. Я просто делаю так, как мне хочется, – повторила я.

– Просто тебя трудно предсказать. Вот твой маневр с телевизором я разгадал...

– В каком смысле?

– В обоих. Не хочешь ни разговора, ни... меня.

– Проницательно.

– Тут – да. Получилось. Но, думаю, потому что ты жела-

ла, чтобы я это понял. А вот с пультом вышла накладка. В какой-то момент я представил, что ты сейчас накинешься на меня, начнешь вырывать пульт, а я тебя сгребу в объятия, поцелую... а ты взяла и удалилась. Да с таким достоинством, что мне даже стыдно стало от своих мыслей.

– Возможно, мне просто не хотелось обниматься и целоваться.

Что за народ эти парни, да и вообще все эти люди – вечно им все приходится разжевывать, подносить на блюдечке.

– Скорее всего, – весело согласился Стас. – И по-прежнему не хочется?

– Может, у кого-то на этот счет найдется другое мнение, но по мне так мытье посуды и объятия с поцелуями совместить сложно, – сообщила я.

– Но там же три тарелки. Ты скоро закончишь.

– Стас.

– Понял. Не лезу. Пойду посмотреть про садоводство, – вздохнул он.

– Черт с тобой. Давай поговорим. – Я выключила воду и решительно повернулась к нему.

– Ого. Вот и этого я предугадать не мог.

– Ну давай, говори.

– Я?

– А что, я, что ли?

– Я просил ТЕБЯ подумать...

– С памятью у меня все нормально. Но ты-то как, разо-

брался в себе?

– Нет...

– Вот и я нет. Поговорили? Исчерпывающие результаты?

– Да нет. – Похоже, он начал слегка сердиться, как мать, которая с умилением и ласками уговаривала ребенка поесть, но через полчаса обнаружила, что даже ее терпению приходит конец. – Ты просто не желала об этом думать, а у меня мыслей оказалось слишком много, и я запутался. Нечестно говорить, что мы оба...

– Нечестно утверждать то, чего не знаешь. Может, я всю голову себе сломала, – равнодушно произнесла я, вытирая руки висящим над раковиной полотенцем.

– Эх, бесполезно, – досадливо махнул рукой Стас. – И вот что с тобой делать?

– Если хочешь, вкрути мне лампочку в торшер, а то все никак руки не доходят, – предложила я. – С ним уютно читать перед сном.

– Отлично. Давай почитаем, – оживился он. – Что ты так недоверчиво смотришь? Я знаешь как давно к художественной литературе не притрагивался? Соскучился уже... А то все по работе да по работе читаю... Серьезно, это лучше, чем передача про садоводство. Смотри, как здорово – главу ты вслух, главу я... А устанем – погасим торшер и спать. С лампочкой сейчас разберусь.

– Ну ладно. Что будем изучать, если не детективы?

– Я про какого-то автора слышал много, хотел почитать...

погоды, вспомню... как же его... точно, Айрис Мердок!

– Ты не поверишь. Это женщина, – хмыкнула я.

– Серьезно? То есть... нет, я знал, что это женщина, а что, разве я назвал ее мужчиной? Я ведь сказал «автор»... Ладно, поищу в интернете. Неудобно читать с телефона, конечно...

– Успокойся. У меня чуть ли не целое собрание сочинений Айрис Мердок. Ее любила моя бабушка.

– Замечательно! – У Стаса так загорелись глаза, что я уже засомневалась, не поднялась ли у него опять температура.

Похоже, он был счастлив просто от того, что мы определились хотя бы с планами на ближайшие несколько часов.

– К сожалению, у меня на Мердок аллергия, – хладнокровно испортила ему удовольствие я. – Слишком много философии, пространных рассуждений, отступлений и психологических ходов. Но, кажется, один роман у нее был вполне... его можно и перечитать.

– Перечитать? Ты что, читала все ее книги? – пораженно спросил Стас.

– Да, все, какие здесь есть. Я тебе даже больше скажу: процентов восемьдесят из того, что есть в этом доме, я прочитала. Это все бабушкино – она была книжным червем, дедушка в этом ее не очень понимал...

– Стой, в этой квартире, если не ошибаюсь, два книжных шкафа и одна забитая книгами тумбочка! Ты все это прочитала?!

– Процентом восемьдесят, я же сказала.

– Как?!

– Потихоньку.

– Не знал, что ты настолько любишь это дело.

– Да я и не скажу, что прямо обожаю. Просто перед сном иногда приятно что-то полистать.

– Слушай, я только сейчас связал это – изобилие книг в этом доме и... Я даже не задумывался, любишь ли ты читать. – Вряд ли именно это упущение так расстроило Стаса, но, закончив эту фразу, он вдруг схватился за голову. – Да боже мой...

Я терпеливо переждала, пока он справится с внезапно нахлынувшими эмоциями (понятия не имею, какими, но приступы разных чувств со всеми случаются, тут ничего не поделаешь), и подытожила:

– Значит, ищу Айрис Мердок. Мне кажется, это на нижней полке...

Глава 11

Стасу не очень понравилось, как я читаю вслух. Он пожаловался, что я бубню без выражения и убиваю этим весь замысел автора. Поэтому начиная страницы с пятой читал все время он – и, похоже, получал от этого удовольствие.

Как только я приладилась к постоянным звуковым колебаниям, которыми сопровождалась все диалоги (Стас пытался подражать голосам героев), мне удалось задремать. Не то

чтобы я крепко спала, но периодически выпадала из реальности на целую главу. Похоже, Стас мог бы так прочитать всю книгу, даже не заметив, что я давно не слушаю, но главе на десятой его прервал звонок. Наверное, оно и к лучшему – в последние полчаса я все время просыпалась от его кашля. Видно, не стоило ему так напрягать горло, еще не оправившись после болезни.

Когда он ответил на звонок, голос у него был совсем хриплым.

– Привет. Все нормально. Зачем? Это неважно. Нет. Алла, нет. Я не приеду. Пока. Нет. Пока. Не звони мне больше, я же говорил. Пока.

Услышав «Алла», я сразу расслабилась. Видимо, организм отреагировал на привычную ситуацию – несмотря на то что пребывание Стаса у меня означало, как правило, их разлад, раньше он частенько разговаривал с ней по телефону в моем доме. И злился иногда, и расстраивался, и обижался... каких только эмоций не было. И «прощай, все кончено» тоже проскальзывало.

Но вот «не звони мне больше» меня как-то встревожило, даже сквозь полудрему. Это звучало хуже, чем «все кончено» – даже не знаю почему. К тому же в этот раз Стас очень уж долго и упорно стоял на своем. На него это было не похоже. Серьезная обида? Усталость? Все сразу?

Я открыла глаза и искала взглядом Стаса, но он оказался в углу комнаты. А потом в другом. И снова в этом.

– Хватит расхаживать, в глазах рябит, – призвала я.

– Зачем она звонила? Неужели думает, что после всего этого я соглашусь к ней приехать вот так просто? – нервно отозвался он.

– Почему бы нет. Ко мне же ты приехал после больницы, хотя обвинял меня в том, что заболел, а также в черствости, бездушности и непонимании, – напомнила я. – Успокойся и ложись. Завтра к ней заедешь – поговорите.

– Не о чем нам разговаривать!

– Но ты же хочешь.

– Ни капли. Алла выпила из меня все соки и вместе с ними все чувства, которые я к ней питал, – трагически объявил Стас. – Я только не понимаю, почему до нее это никак не доходит. Когда-то это должно было случиться.

– Но пока этого не случилось. Расслабься. Ты все еще переживаешь из-за нее. Сам же видишь.

– Нет. То есть, да. Но со временем это пройдет, как прошла любовь.

– Можно чуть меньше драматичности, а то мне не по себе стало?

– Да, да, ты права... ладно. Читать больше не будем?

– Хватит на сегодня, ты уже охрип.

– Да. А интересная книга, здорово. Надо будет продолжить... Ну, а пока давай спать.

Я кивнула и повернулась на другой бок.

Проспать долго мне не удалось. Очень скоро (по ощуще-

ниям – на самом деле, наверное, прошло часа два) меня разбудила хлопнувшая дверь. Из коридора слышался приглушенный голос Стаса – он снова разговаривал по телефону. Слов я не разобрала, но мне не очень-то и хотелось. Через некоторое время он вернулся, прошел на цыпочках мимо моей кровати и грохнул телефон на стол.

– Не слишком последовательно ты себя ведешь для человека, который бережет чей-то сон, – проворчала я.

– А, ты проснулась, – мрачно отозвался он. – Извини. Это какой-то бред.

– Что, опять Алла звонила?

– Да. Два часа ночи. И, по-моему, она была пьяна.

– Пьяна? Я думала, она вообще не пьет.

– И я думал. Но голос был такой, как будто она оприходовала пару бутылок, причем не пива и не вина.

– Что не пива – слава богу. Мерзость редкостная.

– Ид, она такую околесицу несла. А объяснять отказалась.

– Ну-ка, ну-ка. Даже интересно. – Я приподнялась на подушке.

– Попробую передать дословно. «Наверняка она тебе сказала, вот ты и злишься. А обвинить меня напрямую не можешь, потому что это будет означать, что ты с ней по-прежнему якшаешься. А раз это так, то я ни о чем и не жалею. Да я и так не жалею. Но вкус у тебя дурной. Она типичная серая мышь. Удачи вам».

– Я серая мышь? Ну, это было еще до салона красоты, –

уязвленно произнесла я.

– Почему, ты классно выглядишь... стой, ты думаешь, она о тебе? Она тебя видела? Ты что-нибудь понимаешь, а?

– Ты только что впервые в жизни сделал комплимент моей внешности. Bravo.

– погоди, объясни мне...

– Она, кстати, так и сказала – «якшаешься»? Ну и словечко. Тысячу лет его не слышала.

– Если речь о тебе, то что в таком случае ты должна была мне рассказать и о чем она не жалеет?

– Понятия не имею.

– А по-моему, очень даже имеешь.

– Ошибаешься. Ничего, если я немного посплю? Хоть завтра и суббота, мне до вечера надо сдать двадцать тысяч знаков.

– Господи, Ида, ну почему просто не пояснить, что она имела в виду?! – раздраженно спросил Стас.

– Откуда мне знать, что имела в виду эта чокнутая. Так я все-таки посплю, о`кей?

– Ладно, но я заснуть не смогу. Пойду на кухню.

– На здоровье. Можешь даже поесть.

– Я просто посижу подумаю. Может, что-нибудь в голову придет.

– Удачи.

– Я всех ненавижу, – оскорблено сообщил Стас и удалился, снова хлопнув дверью.

После этого я наконец смогла проспать до десяти утра.

Войдя на кухню, чтобы сделать завтрак, я обнаружила там Стаса – он дремал. Когда я включила свет, он поднял голову со стола и с сонным недоумением уставился на меня.

– Который час?

– Начало одиннадцатого, – сообщила я, включая чайник. – Хорошо спалось?

– Замечательно, только шея затекла, да и поспал я всего ничего. Зато до меня дошло.

– И что же?

– Когда вы виделись с Аллой в прошлом году, после того как она нашла твое сообщение в моем телефоне, она наговорила тебе гадостей про меня. Вот и все. Так ведь и было, правда? По крайней мере это единственное логичное объяснение, которое приходит мне в голову.

– Ну да, довольно логично, – согласилась я. – Тебе бутерброды делать?

– Да, четыре штуки, пожалуйста. Два с сыром, два с ветчиной. – На этот раз аппетит его не покинул.

– Как в тебя столько влезает, – подивилась я, нарезая батон.

– Слушай, я сейчас лопну, если ты не скажешь, прав я или нет, – грозно предупредил Стас.

– Если ты не лопаешься от четырех бутербродов, от любопытства точно не лопнешь.

– Это не просто любопытство! Неужели ты не понима-

ешь?!

– Почему для тебя это так важно, если с Аллой, как ты говоришь, все кончено? Забудь да и все, – посоветовала я.

Ответом мне было молчание.

– У меня ощущение, как будто меня все кругом обводят вокруг пальца, – признался Стас спокойно, уже когда я поставила перед ним бутерброды. – Но ты права. Я должен забыть. Плюнуть и растереть. Я начинаю новую жизнь.

– Ну вот, молодчина.

– И ты права еще кое в чем. Не нужно сейчас пытаться определиться с нашим статусом. Ну, я имею в виду нас с тобой. Это только все усложнит, прошло слишком мало времени... лучше пока оставить все как есть.

– Ого, да ты за эту ночь прямо поумнел, – отметила я.

– Ага... – Стас с сомнением посмотрел на бутерброды. – Ты очень хочешь есть?

– Не знаю... а что?

– Да я подумал... после завтрака ты, наверное, засядешь печатать и перестанешь обращать на меня внимание...

– Решил, пока не поздно, воспользоваться шансом?..

– Вот именно.

– Хм... ладно.

Он встал из-за стола и шагнул ко мне, но в этот момент раздался звонок.

– Родители, – констатировала я.

На домашний телефон могли звонить только они. Осталь-

ные предпочитали связываться со мной по мобильному.

Стас с легкой досадой посторонился и дал мне выйти из кухни.

– Они приглашают нас на ужин, – с усмешкой сообщила я, вернувшись через пару минут.

– Нас? – переспросил он.

– А что ты удивляешься – сам же так старался им понравиться.

– Было дело. Во сколько нам надо прийти?

– В шесть.

– О, времени куча. Кстати, мы отвлеклись...

– Я помню.

Глава 12

– Поразительно, – произнес Стас, наблюдая, как я укладываю волосы стайлером перед зеркалом. – Родители моют тебя, кормят, одевают, а через каких-то двадцать лет ты уже не можешь прийти к ним, не приведя в порядок прическу.

– Я почти всегда делаю укладку, после того как посушу волосы феном, – сообщила я.

– Правда? Я не замечал.

– Ты вообще мало что замечал. Тебе фен не нужен?

– Мне? Терпеть не могу эту штуку. У меня голова сохнет быстрее. – Он заглянул в зеркало из-за моей спины и небрежным движением поправил чуб. – Вот и вся моя укладка. Не

хочешь опять в душ пойти, когда вернемся?

– А ты, конечно, у меня остаешься. Ну, кто бы сомневался. Твое стремление к чистоте, конечно, похвально, но... я еле успела напечатать то, что нужно.

– Я в ударе сегодня. – Стас обнял меня сзади за талию.

– Ты мне мешаешь, – сказала я. – К тому же ты сейчас обожжешься – стайлер горячий.

– Да ла-адно... ай!

– Ну вот, я предупреждала.

– Когда ты уже соберешься, а? Без двух минут шесть, между прочим.

– Все, все, я почти готова. Не нервничай – вряд ли мои родители станут относиться к тебе хуже, если мы опоздаем на три минуты. А если ты еще скупишь для мамы целый розарий или на ее глазах подаришь мне ключи от «Ламборджини», все пройдет совсем гладко.

– Кстати, я подумываю о машине. Не об иномарке, конечно... ты бы какую хотела?

– Что? – Я обернулась.

– Нет, ничего. Так и знал, что ты в этом не понимаешь...

Ну скажи хотя бы, какого цвета.

– Стоп, при чем здесь я?

– Да я просто спросил. – У Стаса был слегка смущенный вид.

– Погоди, у тебя есть какие-то свои планы, связанные со мной, в которые ты при этом меня не посвящаешь.

– Эй, я пошутил.

– Точно?

– Да точно. Не получится пока с машиной. Надо еще поднакопить... Ну что ты так смотришь? Идем уже.

Если кого-то и можно было обвинить в официальности, неуместной в отношениях родителей и детей, так это мою маму. Она снова надела свое праздничное платье, но на сей раз еще и испекла пирог.

– Слушай, не стоило так стараться, – шепнула я, садясь за стол рядом с ней.

– Это всего лишь шарлотка, – застенчиво отозвалась она, и я ощутила легкое угрызение совести за то, что вынудила маму оправдываться.

– Интересно, почему никто больше не идет ужинать? – Я ощутила потребность что-то сказать.

– Отец показывает твоему парню свою коллекцию пепельниц.

Пепельницы были папиной страстью с ранней юности.

– О, как это мило, – пробормотала я. – Тебе очень идет это платье, мама.

– Тебе твое тоже. Оно новое?

– Да, купила пару дней назад.

– Очень симпатичное. Может, наденешь его на Новый год? Кстати...

Она не успела договорить – на пороге кухни появились папа и Стас.

– Очень богатая коллекция, – проговорил последний с искренним восхищением.

– Собираю с пятнадцати лет, – с удовольствием ответил папа. – Девочки, мы тут обсудили кое-что в нашей... хм... маленькой мужской компании. Это насчет Нового года.

– Я как раз собиралась сказать Иде... – начала мама.

– Но скажу все-таки я, – бодро перебил ее папа, и я с ужасом поняла, что произойдет в следующую минуту.

Меня пытаются связать по рукам и ногам. Притянуть за уши к шаблону «счастливые отношения». И это только начало. Скоро родители начнут прикидывать, какого цвета будут глаза у наших со Стасом детишек.

– Мы просим вас обоих явиться к нам тридцать первого декабря в двадцать один ноль ноль для торжественного провозжания старого года и последующей встречи нового, – серьезно произнес папа и тут же засмеялся. – Ида, Стас уже дал согласие.

Кто бы сомневался. Ну что ж, мой ход.

– Ох... это так приятно и так... неожиданно. Дело в том, что мы решили отметить праздник нашей университетской группой. Понимаете, пятый курс, наш последний год вместе... это будет символично, – нарочито виноватым голосом проблеяла я. – Мне безумно жаль, я просто еще не успела никого предупредить.

Я кожей ощущала полный скепсиса взгляд Стаса, но поворачиваться к нему не стала.

– М-м... ну ладно, вы можете прийти первого января, – нашелся папа.

– Мы подумаем, – быстро сказала я. – Большое спасибо.

На несколько секунд повисло молчание, которое нарушил Стас:

– Очень вкусный пирог. Давно такого не ел.

Чертов подлиза.

– Очень рада. – Мама расцвела так, будто ей признались в любви, и снова принялась оправдываться:

– Я хотела приготовить торт, но в доме было все для шарлотки, и я подумала...

– Торт? Мам, зачем, ведь нет никакого повода, – улыбнулась я.

– Как же нет – вы пришли, вот и повод.

Опять это «вы». Мне захотелось крикнуть, что Стас тут совершенно ни при чем. Он вообще не имеет ко мне никакого отношения, просто наши пути случайно пересеклись.

Внезапно я осознала, что симпатия родителей к нему раздражает меня больше, чем что-либо в последнее время. И вообще, мне безумно хочется сбежать.

Как только я мысленно произнесла слово «бежать», у меня появилось ощущение, будто я сижу на раскаленных углях. Сама не зная зачем, я вскочила. Все взгляды, разумеется, тотчас обратились на меня.

– Я соврала, – сообщила я. – Мы с одноклассниками не собираемся встречать вместе Новый год. Между прочим, я

никому из вас этого не говорила, но группа у меня чудовищно недружная. Мы были сплоченными, может, только в первые пару недель. Потом все разбилось на группки. А у меня там друзей нет, только так, приятели. И сейчас, когда на учебу приходится ходить редко, я с ними вообще почти не общаюсь. – Поскольку все выжидающе и напряженно смотрели на меня – даже у папы с лица сползла улыбка, – я продолжала выступление. – Я соврала, потому что не хотела говорить вам, мама, папа... что мы со Стасом расстаемся.

Глава 13

– Ида... – Не знаю, что собирался сказать Стас – возможно, он и сам этого не знал. Его взгляд стал каким-то растерянным.

– Да, я понимаю, – повернувшись к нему, произнесла я, решив прибавить тону немного горечи, – ты надеешься, что все еще уладится, потому и ухватился, как за соломинку, за предложение папы. Потому посылал мне с курьером мои любимые конфеты.

Я уже хотела добавить, что потому он пришел тогда знакомиться с моими родителями – это было давно, но пусть они думают, что между нами не просто легкая ссора, наши отношения уже долго висят на волоске. Но Стас перебил меня – он наконец сформулировал свою мысль:

– Ида, зачем портить вечер? Не стоило вообще об этом говорить. Твои родители – приятнейшие люди. Мама приго-

товила вкусный пирог, папа показал мне чудесную коллекцию... они были так любезны, что пригласили нас на праздник... все было так хорошо...

Ага, пытается сохранить их расположение. Дешевый трюк. Еще бы слезу пустил.

– Они должны были знать, – возразила я. – А что касается Нового года – теперь, когда... все прояснилось, я могу спокойно прийти к вам одна, да, мам, пап?

– Конечно, – немного испуганно сказала мама.

– Очень жаль, – протянул папа. – Очень жаль – мне кажется, вы хорошая пара. Временные разногласия – они бывают у всех, так что, может, не стоило спешить...

– Все решено, пап. Мы, пожалуй, останемся друзьями.

– Ладно. Не буду лезть не в свое дело. Давайте просто продолжим ужин. Пирог в самом деле прекрасен.

– Никто не смотрел долгосрочный прогноз погоды? Очень хочется узнать, будет ли снег в новогоднюю ночь. – Голос мамы прозвучал на пару тонов выше, чем обычно.

– Наверняка нет. По закону подлости именно перед Новым годом на улице становится слякотно и мерзко. – Только папа поддержал ее попытку разрядить атмосферу. После его реплики снова воцарилась тишина.

Стас молчал угрюмо и обиженно, я – торжествующе. Однако постепенно торжество сменилось усталостью и даже легкой брезгливостью.

Я сама повернула так, что все начали обсуждать мою лич-

ную жизнь – надо же было как-то прекратить весь этот спектакль. Да, наверное, оно того стоило... но пока от этого было не менее противно.

– Ладно. Я пойду, – произнес Стас, вставая из-за стола. – Похоже, я здесь лишний.

«Я тоже», – с усмешкой подумала я. Много я бы отдала за то, чтобы оказаться где-то еще.

– Зачем же? – возразил папа. – Ида утверждает, что вы остались друзьями. Ты находишься здесь в качестве друга нашей дочери. Нам приятно видеть тебя в гостях... и в этой роли тоже. Какая в принципе разница. Раз вы уже пришли вдвоем...

– Я вчера перечитывала Айрис Мердок, – произнесла я первое, что пришло в голову. – По-моему, «Под сетью» – неплохая книга, довольно увлекательная. А вот «Дикая роза» неспешная и потому тоскливая. Кстати, в моем детстве вроде шел сериал, который тоже назывался «Дикая роза», никто не помнит?

– Да, было дело, – отозвалась мама. – Но мы почти не смотрели.

– Бросили после пары-тройки серий, – добавил папа.

Стас дожевал второй (если не третий) кусок пирога и вдруг заявил:

– Она все преувеличивает.

– О чем ты? – переспросил папа.

– Об Иде, конечно. Мы не расстались. Просто сейчас все

довольно сложно... Дело в том, что она никак не может мне простить одну вещь. – Он повернулся ко мне. – Может, это повредит моей репутации, но я вам скажу. До того как я встретил Иду, я был увлечен другой девушкой. Вернее, я был сильно влюблен в нее, причем много лет.

– Так бывает, – вставила мама.

– В начале наших с Идой отношений... то есть довольно долго... иногда мне казалось, что... что, в общем...

– Что ты все еще любишь ту девушку, – зачем-то подсказала я. – И не только казалось.

– Ты по-прежнему с ней встречался, – осенило папу.

– К сожалению. Ида об этом знала. Я все время пытался ее забыть – не Иду, конечно, а ту... но как-то все не получалось... А сейчас это позади. Я многое для себя понял. Каждый может ошибаться, разве нет? Главное – вовремя осознать...

– Боюсь, что никакое осознание тебе не поможет, – сообщила я с почти неподдельным сожалением. – Я не воспринимаю наши отношения всерьез, и вряд ли это изменится.

– Зато я воспринимаю. Мне кажется, я вл... я л...

Не может быть. У меня по коже пробежал озноб. Только не это. Похоже, он серьезно.

– Тебе опять кажется? – вмешался папа.

Не знаю, как бы я вела себя на месте родителей, но думаю, я не стала бы ворошить все это. Скорее под каким-нибудь предлогом оставила бы нас одних. Но, похоже, они чув-

ствовали себя полноправными участниками этого спектакля и даже не думали удаляться со сцены.

Мама с беспокойством смотрела то на меня, то на Стаса.

– Мне не кажется. – Стас взял чашку, но, передумав пить чай, поставил ее обратно на блюдце. – Я... мне не кажется.

– Ты не обязан сейчас все это объяснять, – с нажимом проговорила я.

– Нет. Я хотел бы. Я... по-моему, я... думаю, можно...

– Хороший комментарий, а теперь предлагаю сменить тему.

– ...начать все сначала. – Стас отважно поднял взгляд на меня. – Мне неловко... я какой-то... сам не свой... мне как-то даже... жарко. Ида, я все время думаю о... я когда слышу тебя, когда вижу тебя, у меня все... переворачивается... и я не хочу, не могу ни о чем думать, но все равно... в голове все так путается... все так сложно. Понимаешь?

– Как трогательно, – прошептала мама, тем самым, кажется, вдохновив Стаса на еще более бессвязное продолжение:

– Знаю, ты не... тебе это не особенно... поэтому я... не хочу, чтобы ты... просто я начинаю видеть тебя...

– Замечать, – подсказала я хладнокровно.

– Замечать, – покорно повторил он, – и все, что я вижу, я... меня очень...

– Какая глупость, Стас, – не выдержала я. – Все, что ты можешь видеть, это мое неизменное равнодушие к тебе и ко всему, что ты делаешь. Только на этом все и держится. Ина-

че я давно сошла бы с ума. Ты меня не знаешь – даже я тебя знаю лучше, потому что ты хотя бы был со мной откровенным.

Он униженно закивал, будто раб, которого хозяин приказывает высечь розгами за серьезный проступок.

– Да, твое равнодушие, твоя холодность, даже твой эгоизм... и твоя жизненная философия... все это манит меня как магнит. Может, я мазохист?

– Ты точно мазохист. Это я поняла давно. И сейчас тебе позарез нужно нырнуть из одной одержимости в другую – только тогда ты будешь чувствовать себя в своей тарелке. А настоящая одержимость возможна лишь тогда, когда ее объект постоянно тебя отталкивает. Именно поэтому тебя тянет ко мне. И мне тебя жаль. Но я в этом участвовать не хочу.

Внезапно я заметила, что родителей уже нет на кухне. Когда они успели уйти?

– Ты не понимаешь. Я перед тобой весь распахнулся, а ты не видишь, – в отчаянии продолжал он. – Не слышишь меня... не веришь... ну хочешь, я на колени встану?

– Душераздирающая была бы сцена, но главные свидетели покинули спектакль, – сообщила я.

– Думаешь, все это ради них? Нет.

– С утра ты говорил, что я права и не стоит сейчас пытаться расставить точки над «i»...

– Ну да, я соврал, чтобы ты расслабилась. Знаю, выяснения отношений тебя напрягают.

– Тогда зачем ты все это сейчас затеял?

– Вообще-то, затеяла ты.

– Я придумала, как выкрутиться из нежелательной ситуации, а ты внезапно впледел сюда свои чувства, про Аллу вдруг рассказал – превратил все в какую-то... сентиментальщину.

– Прости. Я не собирался. Даже не знаю... я даже не знаю. – Стас беспомощно развел руками.

– Я смотрю, когда доходит до чувств, ты становишься дико косноязычным. А о чувствах к Алле ты мог рассуждать долго и цветисто. Странно, да? – заметила я.

– Говоря ей о любви, я тоже мялся и блял, – внезапно рассмеялся он. – Может, дело в том, что сейчас я признаюсь тебе лично... смешно получается, правда? Ты прости. Я сам обескуражен всем этим, но в последнее время меня не оставляет ощущение, что я попал в водоворот и меня засасывает все глубже.

– Выбирайся, пока не поздно, – посоветовала я.

– Поздно, мне кажется, – сокрушенно отозвался он. – Я... это... это кошмарно. Это... вообще не знаю, как...

Его сбивчивые речи сковывали меня. Мне казалось, будто мне не оставляют выбора: только принять эти слова, эти чувства, как же иначе? Безысходность. Я решила, что, как ни прискорбно, пора подводить черту.

– Ужасно обидно, что все так обернулось. Мы могли бы общаться и дальше, но раз так, нам лучше перестать видеться. Если только ты не совладаешь с собой.

– Прости... – покачал головой Стас. – Буду честен: боюсь, я сейчас на это не способен.

– Хорошо. Тогда... сам понимаешь.

– Хочешь, чтобы я ушел... прямо сегодня? Сейчас?

– Тянуть смысла нет, – неумолимо отозвалась я.

– О-ох, – произнес он таким тоном, будто его мучила зубная боль. – Ладно... ладно. Извинись за меня перед родителями. Или лучше я сам...

В какой-то момент я даже не поверила, что он действительно встанет и уйдет, но он и правда это сделал. Из коридора послышались голоса родителей, потом хлопнула дверь.

– Он тебя очень любит, – вернувшись на кухню, сообщила мама тоскливо.

– Но это твое дело, – вставил папа, заходя следом. – Давайте доедим пирог.

Часть 2. Теплый источник

Глава 1

На следующей неделе я справилась с зачетами и занялась новогодними подарками. Маме купила красивый кулон, папе – теплый свитер. Пришлось еще подыскать подарок Жанне, потому что она сказала, что зайдет ко мне в первых числах января. Посмеиваясь, я выбрала для нее симпатичный маникюрный набор – пусть хотя бы задумается, для чего он нужен.

Новогоднюю ночь я провела с родителями. Было довольно уютно: телевизор, диван, шампанское и легкая беседа. Никаких острых тем мы не касались: мама лишь спросила, поздравил ли меня Стас, а выяснив, что он этого не сделал, не стала больше об этом говорить.

Первого числа я обнаружила в почтовом ящике открытку. Ручной работы. Неподписанную. Ни минуты не сомневаясь, от кого она, я решила, что вежливость требует поблагодарить отправителя. Хотя меня слегка раздражала эта неуместная романтика: анонимная открытка (претензия на загадочность), оригинальный способ связи (хорошо еще, почта не голубиная)...

И почему люди вечно пытаются оправдать все чувствами? Мол, да, я был дураком, я втоптывал тебя в грязь, но теперь-то я люблю тебя, и перед сиянием моей великой любви должны померкнуть все прежние обиды. Возможно, в голове Стаса что-то и изменилось, но почему он думает, что я стану сладко вздыхать над его таинственными посланиями – после четырех лет вполне комфортных, но совершенно не романтических отношений?

Я написала SMS «спасибо за открытку». Прошло полчаса, прежде чем пришел ответ – довольно неожиданный: «Я ничего тебе не присылал».

Сначала я восприняла это как продолжение игры в анонимность и была раздосадована: уже перебор. Но если бы Стас чего-то от меня хотел, то стремился бы хоть как-то под-

держат разговор, а этого не происходило. Прошел уже час, когда я нехотя допустила, что это и правда не он. Но кто тогда? Может, почтальон ошибся ящиком?

Мне представилось, что у какой-то из живущих в моем доме девушек, а скорее даже замужних женщин, есть тайный далекий возлюбленный и они завели традицию обмениваться неподписанными открытками на Новый год... А в этом году она не получила открытку и сейчас рыдает о потерянной любви, вытирая покрасневшие глаза тайком от мужа и детей...

«Извини за беспокойство. Думала, это от тебя, – набрала я и милостиво добавила: – С наступившим». Стас коротко ответил: «И тебя».

К вечеру, успев забыть об открытке, я убирала на кухне под музыку радио. Она звучала вроде бы не очень громко, но я не сразу различила звонок в дверь – то есть звук я вроде бы слышала, но не распознала как звонок. Видимо, потому что он был короткий и какой-то робкий – я-то привыкла к настойчивому условному знаку Стаса. Лишь когда он раздался снова, я пошла открывать, размышляя, кто бы это мог быть: родители ушли в гости, а Жанна должна была прийти только на следующий день.

На пороге стоял незнакомый молодой человек. В первую секунду у меня было дежавю – я уже приготовилась к тому, что он спросит, здесь ли живет Ида Климова, а потом улыбнется и вручит мне блестящий пакет. В этом случае я совсем

разочаровалась бы в фантазии Стаса: повторять один и тот же трюк несколько раз – фи.

Но этот парень оказался не курьером.

– Привет. Я живу на седьмом этаже, – сообщил он, ласково глядя на меня.

Да, кажется, я где-то его уже видела. Возможно, в лифте. Но что ему нужно? Я живу на четвертом – следовательно, заливать его я никаким образом не могу. И моя музыка, совершенно не громкая, вряд ли его потревожила. Может, зашел за солью или еще за чем-то? Тогда почему именно ко мне? Мы ведь даже не разговаривали ни разу.

– Привет, – отозвалась я после короткой паузы, так и не придумав ни одной причины для его визита. – Чем могу помочь?

– Просто хотел поздравить с праздником. Кстати, я Гена.

Надо же, а не такой уж и крокодил. Я чуть не сказала это вслух.

– Я Ида. Очень приятно.

Он продолжал топтаться на пороге, и я поняла, что он ожидает приглашения. Ну... почему бы и нет.

– Заходите, выпьем чаю, – предложила я, и он с готовностью ответил:

– С удовольствием.

Мы зашли на кухню. Я все еще недоумевала, почему вдруг этому парню пришло в голову меня поздравить.

– Не знала, что вы придете, – заметила я, убирая с видного

места веник и совок.

– Да я... просто... хотел спросить, получили ли вы мою открытку.

Вот это сюрприз.

– Вашу... твою открытку? – переспросила я, перейдя на «ты» (кто-то же должен был это сделать – в конце концов, на вид разница между нами была максимум в пару лет).

– Значит, еще не получили... не получила. Я хотел зайти уже после того, как вы... ты... ну, чтобы это не было такой уж неожиданностью.

Тут он прогадал – ничего ожидаемого в его визите для меня не было.

– Я плохо выразился. Имел в виду, чтобы была какая-то... ну... предыстория, – поправился Гена и почему-то с надеждой воззрился на меня.

– Я получила открытку, но не могла представить себе, что она от тебя. Я ведь даже не знала твоего имени.

Я хотела добавить, что и видела-то его, наверное, один или два раза – теперь вроде бы припоминала, – но потом усомнилась: мало ли, вдруг мы каждый день сталкиваемся в подъезде, а я его не замечаю. У меня частенько бывает такое: задумываюсь о своем и ничего вокруг не вижу.

– Я тоже твоего не знал. Но давно хотел познакомиться. Уже около полугода. С тех пор как переехал сюда.

– О господи! Полгода, – пробормотала я, ставя перед Генной чашку и блюдец.

У меня промелькнула мысль, что он, возможно, не возражал бы против четырех бутербродов, но, увы, получит только печенья. Обойдется.

– Все не решался, – продолжал Гена, смущенно улыбаясь. – Но ведь праздник – хороший повод... Я подумал... может, нам сходить куда-нибудь? На каток, например?

Ого, как он гонит лошадей. Сейчас еще спросит, согласна я выйти за него в феврале или все-таки придется дожидаться марта. Видно, решил сразу наверстать упущенное.

– Я лет пять не была на катке, – произнесла я задумчиво. – Но идея неплохая, почему бы и нет.

– Можно просто прогуляться, – просияв, добавил он. – Ну, завтра-послезавтра, если ты свободна.

– Завтра ко мне придет подруга, а послезавтра – что ж, можно. Если погода будет нормальная.

Папины прогнозы не оправдались: Новый год «обрадовал» нас совершенно не слякотью, а нечеловеческим холодом. Тридцать первого декабря стукнуло минус тридцать. Первого числа, правда, температура поднялась до двадцати двух. Но, очевидно, внезапно свалившегося на меня поклонника такие мелочи не смущали.

– Хорошая песня, – заметил Гена, и я вспомнила, что так и не выключила радио и уже воспринимаю его как фон.

– Это Roxette, – информировала я, сосредоточившись на музыке. – Неплохая группа.

– Поразительно! Я много раз ее слышал.

Не знаю, что поразительного он в этом нашел.

Отпив глоток чая, Гена добавил:

– Даже увлекался ею немного лет пять назад, когда еще в школе учился.

Упс. Если пять лет назад он еще учился в школе, сколько же ему?! Может, он, конечно, на пятом курсе, как и я...

– Мне двадцать один, – будто прочитав мои мысли, уточнил он. – Ты думала, меньше?

– Сначала подумала, больше. Мне двадцать два.

– Ну, год разницы – совсем не много. Или тебя это тревожит? – Гена встрепенулся.

Господи, какой чувствительный. Да и что может меня тревожить? В самом деле, я же не собираюсь за него замуж. Мы впервые разговариваем и пьем чай, а я уже должна беспокоиться из-за его возраста.

– Это ерунда. Все нормально, – пожала плечами я.

– Хорошо... очень хорошо. – Гена снова расцвел, его большие голубые глаза загорелись. – Слушай, давно хотел тебя спросить: что ты читаешь?

С ума сойти. Сколько еще вопросов он заготовил для меня за эти полгода?

– Я много чего читаю, – ответила я. – Детективы люблю, но не только их.

– Хочешь, принесу последнюю книгу Акунина? Ну, ту, что вышла месяц назад?

Здесь он попал в точку – как раз эту книгу я все хотела

купить, но никак руки не доходили, а в интернет ее еще не выложили.

– Хочу, – не стала врать я. – Даже очень.

– Могу прямо сейчас сбегать!

– Нет-нет, сиди, это не срочно. – Я не удержалась от улыбки, и он, кажется, слегка сконфузился.

– Ладно, только потом не забыть бы, – пробормотал он, но при этом у меня создалось впечатление, что он не то что не забудет, а станет думать об этом каждую секунду.

Такие излишества в отношении к себе меня всегда пугали и отталкивали, однако в связи с Геной я пока ощущала только насмешливое любопытство. Гнать его как-то не хотелось. Он был милым и к тому же симпатичным: неплохая фигура, довольно приятное лицо, да еще эти огромные глаза...

Тут я поняла, что он все еще ничего не съел, хотя посматривает на печенья.

– Угощайся, – предложила я.

– Ой, да, точно, – сконфузился он, будто я напомнила ему о правилах этикета, которые он по рассеянности нарушил.

Может, бедняга не хочет есть, а я его заставляю? Или он на диете? Или ненавидит именно эти печенья?

– Не хочешь – не угощайся, я не обижусь, – заверила я.

– Нет, я обязательно!.. Прости, я совсем... просто поверить не могу, что решился к тебе зайти, – признался Гена с обезоруживающей откровенностью.

Я усмехнулась и подумала, что, похоже, теперь он не оста-

вит меня в покое.

Я была права.

Глава 2

Гена казался идеальным кавалером и не повторял ошибок моих бывших. В отличие от моего первого молодого человека, на удивление быстро почувствовал некую грань, за которой знаки внимания начинали меня раздражать, и почти не докучал мне (при этом всегда находясь где-то рядом). В отличие от Стаса, замечал, во что я одета, как причесана – однажды даже обратил внимание на то, что у меня новый лак для ногтей. Был внимателен и чуток ко всем изменениям моего настроения. Никогда не являлся без приглашения. Признавался в чувствах, но не слишком часто и не всегда прямым текстом.

А еще Гена не смел лишний раз ко мне прикоснуться. С ума сойти – оказывается, джентльмены и романтики еще не перевелись.

Честно говоря, я не смогла бы ответить, встречаемся мы или нет. В привычном понимании между нами ничего не было – разве что один поцелуй в щечку. При этом он не скрывал своего обожания. Кроме того, мы постоянно виделись, и в моей вазе всегда стояли свежие цветы.

Наши отношения, совершенно не похожие на то, что было у меня со Стасом, укладывались при этом в ту же самую формулу: если бы я захотела считать, что у меня есть парень,

это было бы абсолютно естественно, но я могла с таким же успехом считать себя свободной. Как пожелаю. И, видимо, для меня это был самый оптимальный вариант.

Гена был из тех, кого обычно знакомят с родителями, и я этим воспользовалась, приведя его к ним на ужин как «нового друга». Оказалось, мама с папой давно любезно здоровались с Геной в подъезде.

Мама была в восторге от того, что я пришла именно с ним. Когда Гена сообщил, что его хобби – чтение и что его отец работает в консерватории, я думала, она вот-вот зарыдает от счастья.

Папа, как всегда, улыбался и шутил с гостем, но иногда, как мне показалось, странно поглядывал на меня (наверное, недоумевал, что я с такой скоростью меняю бойфрендов). Однако именно папа пригласил Гену вместе со мной на чашку кофе в субботу, и я с удивлением обнаружила, что меня это не покорило. Казалось, даже если бы родители начали воспринимать нас как единое целое, я бы только мило посмеялась над этим, но у меня не возникло бы ощущения безысходности и связанности по рукам и ногам. Я не знала даже, как это объяснить.

После той ночи, когда Стас читал мне вслух Айрис Мердок, я одна закончила тот роман и принялась за новый, того же автора. В итоге заново перечитала почти всю Мердок – мне даже начали нравиться те ее вещи, от которых я зевала раньше. Узнав, чем я увлеклась, Гена немедленно одолжил у

меня одну из книг и уже через два дня вынес вердикт: «Здорово, совсем даже не сентиментально». Он, очевидно, был в плену предрассудков – считал, что если пишет женщина, особенно о любви, то обязательно должно получиться слащаво. Мердок писала не только о любви, но и любовные линии у нее выходили небанальными и глубоко психологичными – все эмоции переливались сочными и яркими красками. Не считавшая себя сильно впечатлительной, после некоторых ее романов я по несколько минут сидела без движения, осмысливая прочитанное.

Однажды – было это где-то в середине марта – Гена зашел ко мне как раз тогда, когда я только что закончила очередную книгу Мердок и, можно сказать, еще не пришла в себя. Книга не просто понравилась мне – она затронула во мне что-то глубинное, струны, о которых я сама не подозревала. Самой было интересно, почему она так на меня подействовала – я ведь уже читала ее раньше... кажется, даже до конца не добралась.

«О, это Гена!» – подумала я, услышав звонок в дверь, и с удивлением обнаружила, что рада ему гораздо больше, чем обычно. Впрочем, ларчик просто открывался – мне хотелось... нет, необходимо было поделиться впечатлениями – впервые в жизни. Может, это помогло бы мне понять причину этого томительного ощущения...

– Привет, – улыбнулся Гена.

В его поведении, в его взглядах и жестах, как всегда, не

было ничего будничного – ничего указывающего на то, что он уже видел меня вчера, позавчера и три дня назад и для него это вошло в привычку. Можно было подумать, будто каждый раз он встречается меня после долгой разлуки. Было даже интересно, сколько времени это продлится. Конечно, бывает всякое, но мне не приходилось сталкиваться с людьми, которые так ведут себя друг с другом после тридцати лет брака. Хотя... какой еще брак?!

– Привет. Как же здорово, что ты пришел! – Я закрыла за Геной дверь.

– Правда? – просиял он.

Ну да, представляю – скупая на эмоции и слегка насмешливая Ида внезапно выдает такое, да без всякого сарказма. Я бы на его месте тоже удивилась.

– Я всегда тебе рада, – решила окончательно сразить его я. – Чай будешь?

Он кивнул.

– Ты сегодня очень красивая. И одухотворенная. Думаю, тут не обошлось без очередного романа Айрис Мердок.

– Да. Ты такой внимательный.

Внезапно я обняла его – сама даже не знаю, как это получилось. И он осторожно, как стеклянную вазу, прижал меня к себе. Это человек ценил меня. Не то что Стас.

В груди что-то настойчиво трепыхалось, трепыхалось... В какой-то момент я даже ужаснулась: господи, да я влюбилась.

Но буквально через несколько секунд ощущение отступило – похоже, оно было слишком неправдоподобно, чтобы продлиться дольше. С легкой улыбкой посмотрев на Гену, я осознала, что к нему мои эмоции не имеют никакого отношения. Мне все еще было беспокойно и непривычно, но я могла мыслить здраво.

В конце концов я пришла к выводу, что откуда ни возьми появившаяся сентиментальность – действительно всего лишь влияние творчества Мердок. Она уж слишком натурально описывает чувства. Ну, возможно, романтичность Гены тоже действует на меня – с кем поведешься, как говорится.

Но он, несмотря на всю свою чуткость и внимательность, не мог знать об этих выводах и, вдохновленный моим порывом в коридоре, осмелел. Позволил себе обнять меня снова, даже погладить по волосам. Стас никогда не гладил меня по волосам.

А потом он поцеловал меня в щеку, близко к губам, а я торжествующе думала, что Стас никогда не бывал так нежен, зато теперь я получаю то, чего на самом деле достойна.

«Господи, а я чуть было не решила, что влюблена в Гену. Будь я влюблена, всех этих мыслей, всех этих сравнений не было бы и в помине. Была бы только окрыленность... или нет? Кто знает... похоже, я никогда толком не влюблялась», – промелькнуло у меня в голове.

Гена замешкался, тревожно глядя на меня. Кажется, он

почти решился поцеловать меня по-настоящему, но тоже понял, что что-то идет не так. Видимо, он иначе представлял себе наш первый поцелуй.

Я вдруг подумала, что от словосочетания «первый поцелуй» веет обветшалостью и почему-то советскими фильмами. Или это я такая испорченная и искушенная?

Эту мысль я сочла хорошим знаком: во мне ничего не изменилось, я все та же Ида. Только внутри все равно что-то отчаянно сигналило, пытаюсь привлечь мое внимание.

– Я еще под впечатлением от книги, – вывернувшись из объятий Гены, сообщила я – как будто это могло объяснить, почему я не хочу с ним целоваться. – Сейчас поставлю чайник.

Гена покорно отошел от меня и присел за стол, ничем не выдав своего разочарования. Решил поддержать разговор:

– Так ты уже дочитала? Если не ошибаюсь, «Отрубленную голову»?

– Не ошибаешься, дочитала.

– Расскажи, что тебя особенно впечатлило.

Это-то и было мне нужно.

– Знаешь, там была такая сцена... ну, это, конечно, надо знать сюжет... Если коротко, смысл такой. Герой мечется между любовницей и наполовину потерянной женой. Жена ушла к его лучшему другу, но при этом не отпускает его окончательно из тщеславия. Он, сам не зная зачем, почти что потворствует ей... им обоим. К любовнице относится неж-

но, чуть ли не по-отечески, но ничего серьезного у него к ней нет – при этом бросать ее он не хочет. Все запутывается больше и больше, и тут в один момент героиня понимает, что на самом деле любит не жену и не любовницу, а еще одну женщину, которая до этого казалась ему совершенно не симпатичной...

– Прямо сериал какой-то, – не удержался Гена, но, побоявшись, что я обижусь, поспешно добавил:

– Очень интересно, продолжай.

– Все не так банально, как кажется.

– Тут все явно небанально!

– Ты же знаешь, ты уже читал Мердок, она глубокая. То, что я пересказываю, – всего лишь голый сюжет. Подожди...

Я умчалась в комнату за книгой и, вернувшись, заявила:

– Я должна зачитать тебе.

– Пожалуйста, я весь внимание.

В моем сознании на секунду всплыл образ Стаса с книгой на моей кровати, и проскользнула глупая мысль: может, и на него так роман подействовал, что на следующий день у моих родителей он...

– Ты хотела прочитать что-то, – напомнил Гена, как бы невзначай коснувшись при этом моей руки.

– Точно. Слушай. Вот тот момент, когда он понял, что влюбился. «Я будто увидел ослепительно яркий свет. Я понял, что именно это так непривычно и страшно терзало меня и довело до болезни. Но понял и то, что это неизбежно

должно было случиться. Гонория непременно должна была возникнуть на моем пути, словно горизонт или распростертые крылья Сатаны. Хотя у меня пока не было определенных планов, я чувствовал, что другого выхода нет. Я никогда еще не был так уверен в правильности выбранного пути, и это само по себе возбуждало. Стоит нам распознать страстную любовь, она становится совершенно очевидной»¹. Тут дальше еще... «Я не ждал ничего особенного, я вообще не ждал ничего определенного, будущее было так размыто, так неясно, что настоящее казалось конкретным и легкодостижимым. Я должен был ее увидеть, вот и все»²...

– О. – Гена был поражен – либо ощущал, что должен быть поражен, чтобы мне понравиться.

От переизбытка чувств у него даже слегка «сел» голос (у Стаса тоже «сел», когда он читал Мердок вслух, но по другой причине).

Внезапно все в Гене показалось мне фальшивым – наверняка несправедливо. Может, он иногда делал и говорил что-то только ради моего одобрения, но более открытого и прямодушного человека надо было еще поискать.

– Знаешь, – проговорил он, – это безумно похоже на то, что я испытал, когда впервые увидел тебя! Точнее, уже после того как увидел. Сначала была просто красивая девушка,

¹ Айрис Мердок «Отрубленная голова». – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – С.175

² Там же, с. 176

поднимающаяся по ступенькам к двери подъезда – как шикарно у тебя развевались волосы, как изящно твои тонкие пальцы набрали код замка...

Я еле удержалась от смешка.

– Тогда я ничего не понял! Проводил тебя взглядом – и все, даже следом не зашел почему-то... подождал и зашел позже... я был ошеломлен, но даже не придал этому значения... думал, это усталость или что-нибудь в этом роде... А потом я думал о тебе весь день и так внезапно понял, что это! И все было именно так: «яркий свет», и уверенность, и неясность перспектив, и даже ощущение фатальности... и моей ближайшей целью стало увидеть тебя! Ида...

Он прошептал мое имя так, словно я была каким-то божеством, а я смотрела на него... нет, я смотрела сквозь него – удивленно и слегка недоверчиво.

Не может быть...

Глава 3

Гена, разумеется, думал, что все эти эмоции вызваны его рассказом (что было далеко от истины) и вдохновенно добавлял все новые и новые подробности к своей истории. К истории любви, которую он теперь, наверное, считал сбывшейся – нашей.

Я внезапно ощутила нелепость ситуации, и захотелось немедленно разбить все его иллюзии на свой счет. Но это могло подождать. Мне нужно было обдумать то, что я осо-

знала. И вот это было срочно.

Как назло, Гена впервые в жизни не почувствовал, что я хочу остаться одна. Он все говорил и говорил (возможно, уже не о любви – я почти не слушала), и во мне родилось такое острое желание стукнуть его по голове скалкой, что я стала то и дело бросать на нее тоскливые взгляды. Но постепенно – наверное, от безысходности – я расслабилась.

В конце концов, обдумывать было особенно нечего. Более того, обдумывать этот ужас вообще не стоило. Озарение прошло. Теперь нужно было просто принять все как факт и постараться смириться. Так воспринимают плохую погоду – да, дождливо и холодно, но какой смысл клясть лужи и столбик термометра или анализировать свои ощущения на этот счет? Проще подстроиться под обстоятельства.

И все-таки мысли не уходили. Все, что я могла сделать, – постараться не вкапываться глубоко, а пройти по кромке, раз уж моему сознанию это так необходимо.

Итак, я люблю Стаса, сказала я себе. Не знаю, как давно это во мне живет – неважно. Важно только одно – смогу ли я жить с этим. Точнее, жить-то я, конечно, смогу, вопрос в том, будет ли эта жизнь так же спокойна, как и прежде. Я совсем не была готова к тому, чтобы привязать все свое существование к одному человеку, который, несомненно, того не заслуживал. Может, он и влюбился в меня под конец, но до этого его вообще мало интересовало все, что связано со мной. Он был заиклен на себе и на чертовой Алле. А потом

– ох ты батюшки, он соизволил обратить на меня внимание – и почему я не пала ниц в благоговении и восторге? Да даже если бы эта вспышка у него продлилась долго – нужны ли мне серьезные отношения с таким человеком? Нужны ли мне вообще серьезные отношения?

Я по-прежнему ни капли не жалела о том, что заставила его уйти. Мы не общались уже два с половиной месяца (за исключением той короткой переписки первого января), и до сих пор это не тревожило меня ни капли. Не будет тревожить и теперь, решила я.

Этим я отличалась от героя Мердок: мне не хотелось видеть Стаса. Это было совершенно ни к чему. Во всем остальном ощущения Мартина из «Отрубленной головы» были безумно похожи не только на Генины, но и на мои. Относительно уникальности своих эмоций я не обольщалась – возможно, так бывает вообще у всех или у большинства: яркая вспышка – внезапное понимание – неопределенность и вместе с тем уверенность и очевидность, да даже доля фатализма (это должно было случиться).

Я вспомнила, как Стас бессвязно описывал свое состояние: все сложно, все запуталось, какой-то водоворот... Мне вдруг стало жаль его – не снисходительно, а чисто по-человечески. Бедняжка, не хотела бы я оказаться на его месте. И не окажусь. Никаких сложностей, никаких водоворотов. Чувство есть, бороться с ним нет смысла, потому что оно все равно окажется сильнее. Пусть себе живет – главное, чтобы

не мешало. И предпринимать что-либо в связи с ним я не собираюсь. Чего, собственно, мне надо? Семью, детей от него? Чушь. Любовь ничего не изменит. Это просто... просто любовь.

Я даже не могла объяснить толком, в чем же она проявляется, но решила, что уж об этом размышлять не стоит. Все равно я никому не собиралась это объяснять – так зачем пытаться облечь в красивые слова?

Гена наконец заподозрил, что я охладела к его обществу, и поспешил распрощаться под предлогом недоделанного реферата.

Он ведь еще учился в полном смысле этого слова: почти каждый день ему нужно было ходить в институт. А я с самого Нового года находилась в свободном полете: последняя сессия была закрыта, пары закончились, осталось только сдать госэкзамен (в конце марта) и диплом (в начале июня).

До диплома было еще далеко, и я, разумеется, не продвинулась дальше введения, а вот гос предстоял уже через десять дней. Пора было раскрыть хотя бы список вопросов, да руки не доходили. Сама не знаю, чем это я была все время занята. Мое время занимали только сон, чтение, подработка и эпизодические дела по дому. Ну и встречи с Геней.

«Хорошо все-таки, что у него есть какие-то более постоянные дела – если бы их не было, он, возможно, давно бы мне надоел».

Я пожурила себя: надо же, забыла о присущем Гене чув-

стве такта и его чуткости, благодаря которым (а вовсе не учебным обязанностям) он мне не докучал! Неужели только потому, что у меня нет к нему чувств – иными словами, он не Стас? Но с чего я вообще ругаю себя за такую мысль о Гене, она ведь вполне мне присуща...

Проводив его в прихожую и с улыбкой попрощавшись с ним, я осознала простую причину, по которой меня в нем ничто не раздражало и я не чувствовала себя скованной, когда родители приглашали его как моего парня. Мне попросту было все равно.

Когда Стас появился с букетом для моей мамы, я ощутила в основном удивление. А вот в тот вечер, когда мы расстались, я чуть не лопнула от того, как мне было неудобно. Что же получается – я влюбилась в него уже тогда?! Ну, по крайней мере что-то я к нему испытывала...

Тут я силой остановила себя: одно дело бегло оценить ситуацию, другое – заниматься самоанализом. Последним, что я подумала в связи со своим новым чувством, было: «А может, я так устроена, что раздражение у меня – первый признак любви? В конце концов, моя лучшая подруга бесит меня до невозможности... Кстати, что-то давно от нее ничего не слышно».

Глава 4

Жанна появилась на пороге моей квартиры максимально не вовремя. Через три дня мне предстоял гос, а к вечеру нуж-

но было напечатать несколько листов. Отказываться от подработки ради подготовки к экзамену я сочла необязательным – на тот момент мне не казалось, что я переоцениваю возможности, но я не знала, что на мою голову свалится еще и подруга. Заплаканная.

– Я поживу у тебя немного, да? – произнесла она и принялась отчаянно грызть ноготь на большом пальце. Очевидно, дарить ей маникюрный набор было пустой тратой денег.

– Если нужно, – отозвалась я. – Проходи. Что произошло? Почему так долго не появлялась?

– Проблемы были.

«Зато сейчас у тебя, я вижу, все отлично», – чуть не сострила я, но почему-то удержалась.

Расспрашивать Жанну не стоило – уже через пару минут, сняв пальто и пройдя в комнату, она начала рассказывать сама.

– Дело в нем. А он все кричал, что во мне.

Разумеется, я сразу же поняла, что речь идет о ребенке – вернее, о безуспешных попытках его завести.

– Правда, Сема обвинял тебя?

Впрочем, это было в его духе.

– Да. Причем он, оказывается, все знал. Я ходила на все обследования с ним, но он... представь себе, дал взятку, чтобы доктор сказал мне, что с ним все в порядке!

Я отметила, что Жанна даже не сказала «доктор Голицын», хотя всегда называла его так – из ее уст это почему-то

звучало благоговейно, как «Дева Мария». Очевидно, медик потерял ее уважение окончательно.

– И как ты об этом узнала? Неужели Сема тебе рассказал? – осведомилась я, присаживаясь на диван рядом с ней.

– Да, в пылу. Я заплакала, увидев на страничке «ВКонтакте» фотографию новорожденного ребенка моей знакомой, и Сему это взбесило. Он кричал, что вообще детей не хочет и что все это моя блажь. Он ведь даже лечиться не стал!

– А что ж сразу не сказал, что не хочет?

– Может, сначала хотел, не знаю... возможно, он вообще разочаровался в семейной жизни и не желает обременять себя еще и ребенком... или просто я неподходящая мать для его детей. – Жанна вытерла слезу.

– И надо же, он не только молчал о том, что дело в нем, но еще и сваливал все на тебя, зная, что ты и так страдаешь. Чуткий муж.

– Мы тогда помирились, – продолжала она, не став комментировать мою реплику. – Я смогла даже убедить его пройти лечение, а для начала вообще проконсультроваться с другим врачом – вдруг доктор Голи... тот доктор ошибся. В конце концов, недорого стоит слово врача, который легко соглашается соврать о таком его жене ради денег. И вряд ли больших! Больших-то у Семы просто нет.

– А доктор мог бы и так не говорить? Врачебная тайна и все такое...

– Не думаю, ведь это напрямую касается меня, да и обсле-

довались мы как бы в связке, с общей целью. Как бы... Ну так вот, Сема никуда не пошел. На словах вроде как был готов, но сначала откладывал, а после моего очередного напоминания, опять взорвался. Мол, он работает и устает, у него нет времени на ерунду, это только я могу позволить себе по сто раз проходить обследования, потому что мне вообще делать нечего, это его дико раздражает, и ему кажется, что ребенка я хочу завести, только чтобы оправдать собственное сидение дома! Ты представляешь?!

– Представляю. – Я тоскливо глянула в сторону компьютера, но тут во мне проснулась даже не совесть, а нежная жалость – ей надо выговориться, я должна проявить к ней внимание.

Я изумилась: прежде ничего настолько... скажем так, приятного я к Жанне не испытывала.

– Представляешь?! – переспросила она. – Для тебя это нормально?

– Нет, скорее для него.

– О чем ты? Хотя... я не буду притворяться, что не понимаю. Да, у меня далеко не идеальный муж. И, похоже, никакие психологические методики тут не действуют.

Жанна снова заплакала, размазывая слезы по щекам с такой силой, что будь у нее на ресницах тушь, все лицо превратилось бы в гротескную черную маску.

Я подвинулась к ней.

– И ты решила на некоторое время уйти из дома. Дума-

ешь, это поможет?

Она отчаянно замотала головой.

– Нет, нашим отношениям – ни капли. Если чему-то и поможет, то только осуществлению его эротических фантазий с другими девушками. Помнишь ту фифу в красных сапогах?.. Она, кстати, тогда сказала, что поедет в больницу к какому-то Славе, а при этом так выразительно смотрела на тебя. Ты еще ей что-то ответила, как будто и не удивилась, да? У меня тогда голова была другим забита, я только позже подумала: у вас что, есть общие знакомые? И ее ты тоже видела не в первый раз?

Хотя тема Аллы и была ответвлением темы супружеской драмы, Жанна хоть немного отвлеклась, и это меня искренне обрадовало. (Что такое со мной творится?! Слишком много добрых чувств сразу.) Я решила ответить как есть.

– Ну да. «Какой-то Слава», он же Стас, был моим... наверное, можно сказать, что бойфрендом.

– Да ладно! – Она вытаращила глаза, будто я призналась, что в свободное время дрессирую тигров. – Ида, ну ты тихоня! Я тут тебе все как на духу, а ты даже не сказала, что у тебя есть... был... стоп, уже был?

– Был. Одновременно он был и ее парнем.

– Парнем этой...

– Аллы.

– Аллы, – повторила Жанна (никогда не слышала, чтобы она вкладывала в одно слово, да еще имя, столько неприяз-

ни). – Потрясающе. Ты об этом знала?

– Конечно. С самого начала.

– И считала, что это в порядке вещей? В твоём стиле. Иногда мне кажется, что у тебя вообще нет сердца... ой, прости! – спохватилась она.

– Все нормально, – успокоила я. – Чудовищно, но временами мне это тоже приходило в голову. Однако никаких анатомических аномалий у меня пока не обнаруживали.

– Тебе просто надо сходить к другому врачу, – улыбнулась сквозь слезы Жанна. – Послушай, и чем кончилось-то – он все-таки ушел к Алле?

– Понятия не имею. Может и да.

– Хм... то есть вы расстались, и ты не знаешь, где и с кем он сейчас. Тебя это совсем не волнует?

– Я только надеюсь, что его нынешняя пассия хорошо его кормит. У него ведь язва. – Я сама не ожидала, что скажу это.

Жанна открыла рот, чтобы что-то ответить, но вместо этого снова зарыдала.

– Ну что ты, перестань. Все будет в порядке, – обняв ее, пробормотала я (ничего менее банального в голову не пришло).

– Ты меня никогда не обнимала, – всхлипнула она, уткнувшись мне в плечо. – Так приятно...

– Все будет хорошо, – настойчиво повторила я. – Побудешь пока у меня...

– Да... разберусь в себе...

– Разберешься... в чем именно?

– В том... – Вздохнув, она заговорила тверже. – В том, хочу ли я сохранить наш с Семей брак.

– Ну, если уж ты начала колебаться... – изумленно проговорила я.

– Да. Я уже на грани, Ида. Мне надо хорошенько все взвесить. На расстоянии от него. И... слушай... ничего, если?..

– Что?

– ...мы будем иногда об этом разговаривать? Мне это просто необходимо. – Она умоляюще посмотрела на меня.

– Ну конечно. Обсудим все, что хочешь, – сердечно ответила я и опять подумала, что меня, как в песне кота Матроскина из мультика, «как будто кто-то подменил».

Жанна попросила дать ей успокоительного, потому что никак не могла перестать плакать. В результате ей захотелось спать. Когда она легла, я наконец смогла сесть за компьютер.

Где-то на час или даже больше в комнате повисла блаженная тишина, которую нарушал только стук клавиш, и то едва различимый – я старалась печатать потише. От резкого звонка в дверь я подскочила и случайно напечатала лишний символ. Ну кто это еще?!

Выходя из комнаты, я бросила взгляд на диван – Жанна заворочалась, но, слава богу, не проснулась.

На пороге стоял Гена. При виде его несчастной физиономии на меня нахлынула волна сочувствия.

– Слушай, я сейчас занята, набираю текст по работе, в

комнате подруга спит – зайди позже, а? – прошептала я.

– Ты говоришь это всю неделю, – грустно заметил он.

– Ничего подобного – задание я получила только вчера, а подруга приехала вообще сегодня, – справедливо возразила я.

– Неважно. Ты не хочешь меня видеть. Думаешь, я не чувствую?

Ну вот, сейчас начнется мелодрама. Все это очень трогательно, но совершенно не ко времени.

– Если не можешь меня впустить, давай поговорим на лестничной площадке. – Судя по отчаянной решимости в голосе, Гена уже настроился на то, что я дам ему отставку, и не хотел тянуть с объяснением.

– Ладно, – не стала разочаровывать его я и, перешагнув через порог, прикрыла дверь.

Стоило повернуться к Гене, он бросился обнимать меня, повторяя «ну зачем, ну не надо, не уходи». Это было совершенно не похоже на него – я чувствовала, как его бьет нервная дрожь. Бедняга...

Откуда-то появившееся во мне в последнее время чело-веколюбие мешало закончить эту сцену. На секунду я даже пожалела, что совесть не позволяет мне, как раньше, произнести пару дежурных фраз и удалиться.

– Слушай, Ген, – примирительно начала я, слегка отстранившись, – ты не обижайся. У меня сейчас правда очень много дел. Как только я с ними справлюсь, мы обязательно

сходим куда-нибудь, погуляем, поболтаем... Я не хочу прекращать нашу дружбу.

К счастью, характер наших отношений позволял мне «не заметить», что Гена рассчитывал на большее. Ну да, он признавался мне, но это еще не значит, что мы были вместе. Он, судя по всему, тоже это понимал и, возможно, уже раскаивался, что не проявлял решительности в этом вопросе. Хотя... можно подумать, если бы мы официально встречались, это помешало бы мне с ним порвать. Просто объяснение было бы более сложным. Наверное.

– А, ясно. – Он беспомощно потоптался на месте. – То есть ты... не... ты не...

– Я ни в коем случае не буду прерывать наше общение, – выдала еще одну расплывчатую формулировку я.

– Ну не надо так отстраненно. Ты же все видела, все понимала. Я и не скрывал, – внезапно выдал Гена.

– Да, – вздохнула я и улыбнулась. – Ну... так вышло...

– Как? Как вышло? Погоди, не говори. Сам знаю... чувствую.

– Ну вот.

– Значит... удачи тебе. Вам.

Он все заглядывал мне в глаза, пытался увидеть в них подтверждение своей догадки. Я продолжала улыбаться, не отводя взгляда и почему-то ощущая себя героем на расстреле.

Тогда Гена повернулся и, пробормотав надтреснутым голосом «пока», зашагал к лифту.

Глава 5

– Кто это был? – сонно спросила Жанна (все-таки проснулась).

– Сосед.

– Ты кого-то затопила?

– Нет. Он заходил... за горчицей.

– Господи. Он ее получил?

– Сполна. Как спалось? – Я снова приземлилась на свой стул за компьютером.

– Неплохо. Ты не слышала, никто мне на мобильный не звонил?

– Думаю, нет. Если только ты звук не выключила.

– Нет... он включен... эх.

– Сема знает, где ты?

– Нет.

– Ну и хорошо.

– Что печатаешь? – Жанна подошла ко мне из-за спины и наклонилась, опершись рукой об стол.

Я заметила, что ее запястье украшает буро-зеленый синяк. Черт бы побрал этого Сему.

– Какой-то математический бред, – пробормотала я.

– Да, я тоже тут ничего не понимаю, – озадаченно согласилась она, уставившись на экран. – А что дальше планируешь делать?

– Закончу – выпьем чаю с конфетами. Идет?

– Дальше – в смысле после института. Не будешь же ты с высшим образованием зарабатывать себе на жизнь компьютерным набором.

– А, понимаю, – вбив очередную порцию непонятных символов, произнесла я. – Сейчас скажешь, что я должна удачно выйти замуж – и поскорее?

– Нет. Я начинаю склоняться к мысли, что зарабатывать необходимо самой, – печально отозвалась Жанна. – Если бы деньги были мои или даже наши, я бы полностью взяла общение с доктором на себя. Я бы и выбрала его сама, подружки же давали мне кое-какие рекомендации, но Сема все отверг... И уж я бы не позволила бы им сговориться за моей спиной!

– Так это только из-за истории с доктором?

– Не только. Похоже, лучше в принципе ни от кого не зависеть.

– Шикарный вывод, я готова выпить за него. Точнее, за то, что ты его сделала. А что ответить на твой вопрос по поводу моих планов, даже не знаю. Не хотелось бы работать по специальности. Какой из меня пиар-менеджер, я слишком инфантильна.

– Ты не подумала об этом, когда выбирала, куда поступать? – скорее с интересом, чем осуждающе спросила Жанна, все еще нависая надо мной.

– Я же сказала, я очень инфантильна, – усмехнулась я. – Мне говорили, что там довольно легко учиться, родители не

возражали – профессия звучит солидно, модно... ну и все.

– А я еще удивлялась: чем это тебя вдруг привлекли связи с общественностью? Ну ладно, ты-то, может, найдешь нормальную работу... а я? Кому нужен заочный диплом регионоведа, причем довольно посредственный?

– Знаешь, у меня такое впечатление, что диплом сейчас вообще никому не нужен. Работодателей гораздо больше волнует опыт работы.

– Можно подумать, он у меня есть! Хотя... помнишь, в десятом классе я целый месяц раздавала листовки? Это считается, а?

Жанна отошла от меня, рухнула на диван и снова начала всхлипывать. Я со вздохом сохранила документ, закрыла Word и присела рядом.

– Слушай, все не так страшно. Ты можешь записаться на курсы, научиться чему-нибудь полезному... и стать, например, массажистом. Или визажистом. Или мастером по маникю... – Я бросила взгляд на ее обгрызенные ногти.

– Ты права, – к моему удивлению, оживилась Жанна. – Здорово! Я пойду на танцы. А потом стану учителем танцев – это же так здорово! Смотрела фильм – кажется, с Дженнифер Лопес?..

– Хм, а у тебя ведь должно получиться, – подумав, заключила я. – По крайней мере, ты самая грациозная девушка из всех, кого я когда-либо знала.

Она прямо засияла.

– Правда? Меня мама в детстве хотела записать в танц-кружок, а я все упиралась, дурочка... ну что ж, наверстаю упущенное! Если бы я решила стать балериной, то это было бы, конечно, уже поздно, а так... – Внезапно Жанна снова помрачнела. – Но, чтобы записаться на курсы, нужны средства. А если я уйду от Семы, мне даже жить будет не на что! Неужели родители должны будут высылать мне деньги?

– Ты же решила ни от кого не зависеть. Придется поначалу подрабатывать кем попало, – не стала обнадеживать ее я.

– Так надо начинать поскорее! Еще же квартиру снимать... Ид, а ты мне разрешишь у тебя пожить? Ну, первое время только! Ты не пугайся, деньги пока есть, я взяла с собой часть из того, что мы откладывали вроде как на обследования и лечение. Они не совсем мои, но Сема переживет, других у меня все равно нет... А еще я буду по хозяйству помогать!

Я представила себе ее «помощь» и с трудом удержалась от улыбки. Так и тянуло ответить, что поджигать яичницу я могу и сама. Но вместо этого я сказала:

– Я рада помочь, но посмотрим... может, вы еще помиритесь...

– О, спасибо, спасибо, спасибо!

– Но как же все твои прежние планы? – Я боялась, что, едва я произнесу слово «ребенок», Жанна опять разрыдается.

– Откладываются. У меня ощущение, что у нас с Семей никогда не будет детей. Судьба не хочет. Возможно, она дает

мне время заняться собой, пока я не встречу другого человека? – Печально глянув на свое запястье, она добавила: – Который будет со мной более нежным и понимающим.

Что я слышу! Неужели свершилось?!

Я даже не знала, что сказать.

– Я люблю его, – продолжала Жанна, – но, наверное, так больше продолжаться не может. Я не чувствую, что живу. Не чувствую, что я красива, любима... мне и следить за собой не хочется! Нет, с этим точно надо что-то делать.

– Сходить в салон, – подсказала я без особой надежды.

Но на сей раз, как ни странно, подруга воодушевилась.

– Салон красоты? А что, это идея! Если только не слишком дорогой, а то накопления быстро кончатся. У Семы-то я денег просить не стану...

– Я знаю один недорогой, но хороший салон, и там отличные скидки. Если удачно сдам гос, побалую себя массажем и стрижкой. – Я не дала ей снова сбиться на большую тему. – В последнее время у меня уже в привычку входит такое самоощереение. Вот и тебя с собой возьму, ага?

– Ага... слушай, а когда у тебя гос?

– Через три дня.

– Ты готова?

– Не-а.

– Так что ж ты ерундой занимаешься?! Ну-ка беги готовься!

– Сейчас допечатаю и пойду.

– Все-все, я не отвлекаю. Если б я знала...

Я послушно вернулась за компьютер и некоторое время неустанно молотила по клавиатуре. Но к тому времени как я доделала то, что было нужно, ни сил, ни желания открывать учебники у меня не было.

– Давай лучше все-таки чаю выпьем, – предложила я обреченно.

– Ну, раз ты все равно передумала становиться пиар-менеджером... – был ответ.

Глава 6

Следующие два дня пришлось все-таки заниматься подготовкой. Жанна, надо отдать ей должное, мне не мешала – наоборот, даже помогала: умудрилась приготовить сносный обед, ничего при этом не спалив, и помыть посуду, ничего не разбив. А в день сдачи экзамена поехала со мной в институт.

Похоже, после того как из жизни Жанны временно исчез Сема, все свое внимание она решила посвятить мне. Я отдавала себе отчет в том, что этот горячий дружеский порыв пройдет, и все же приятно было, выходя из аудитории, видеть ее взволнованное лицо и слышать: «Ну как? Все нормально?»

Я сдала на «отлично». Не думаю, что заслужила эту оценку – на обычном экзамене за такой ответ мне не поставили бы выше четверки, а тут комиссия была в основном лояльна, – но в принципе мне было все равно. Главное – результат.

Разумеется, из института мы направились сразу в салон красоты, потом пообедали в кафе и домой возвращались уже затемно, с купленными в супермаркете конфетами и бутылкой вина. Тающий снег (скоро настоящая весна, осталось совсем чуть-чуть), многообещающе подмигивающие звезды – и мы, а впереди приятный вечер со звоном бокалов, со вкусом шоколада и вкусом моей маленькой победы (пусть экзамен – нечто прозаическое, но ведь это победа!) Во всем этом было что-то очень уютное.

Когда мы подходили к подъезду, мне пришло в голову, что раньше я никогда не радовалась так мгновениям, разделенным с кем-то еще. Все самые важные воспоминания, все желания и надежды я связывала с одиночеством, а встречи, пусть даже с симпатичными мне людьми, были всего лишь эпизодами. Я никогда не ценила людей.

А теперь смотрела на хрупкую Жанну, в ее унылом коричневом пуховике, Жанну, которая весь вечер бурно радовалась всему на свете, а иногда внезапно терялась и в задумчивости по привычке тянула в рот наращенные в салоне ногти, и чувствовала к ней какую-то слабость. Во многом она по-прежнему меня раздражала, но от этого слабость становилась даже сильнее. Я начинала осознавать, что несовершенные люди вызывают во мне – как, наверное, и в большинстве людей – более теплые чувства, чем безликие идеальные манекены (толпы таких девушек ходили по моему институту). Наверное, так было всегда, просто не было повода об этом

задуматься.

В прихожей я встряхнула перед зеркалом своим длинным каре и улыбнулась собственному отражению, точно героиня рекламы шампуня.

– Хорошо тебя подстригли. Надо и мне будет подстричься там. Тем более скидки и правда соблазнительные, – произнесла Жанна, разуваясь. – Господи, как люди с длинными ногтями справляются с молниями?

– Зато красиво же? Ну признайся.

– Красиво, красиво... жаль, конечно, что я забыла у маникюрши все свои кольца. Сняла, отложила и все...

– Жанна, прости, они были ужасны. И стоили наверняка по пятьдесят рублей каждое.

– По тридцать. Все-таки надо будет за ними сходить... или нет... – Она вытянула руку, полюбовавшись ногтями, и вздохнула. – Интересно, Семе бы понравилось? Кстати, он звонил, пока ты сдавала экзамен. Опять спрашивал, где я и когда вернусь. Я сообщила, что я у тебя и возвращаться пока не хочу. Он трубку повесил...

– Слава богу, он не из тех, кто станет после этого караулить тебя в кустах у подъезда, – заметила я.

– Напротив, он использует мое отсутствие максимально.

– Понимаю, тебе больно, но я все-таки рада, что ты сняла свои розовые очки и отбросила психологию.

– Про психологию не надо. В моем случае от нее мало толку, а так я ее люблю. – Жанна вдруг изумленно посмотрела

на меня. – Слушай, как же я раньше не додумалась! Вот на кого мне учиться-то надо! На психолога же!

– Имей в виду, второе образование у нас в стране платное, – предупредила я.

– Зачем второе образование? Нужно окончить какие-нибудь курсы! Это тоже платно, ну ладно. Заработаю. И у родителей попрошу...

– А танцы?

– Танцы потом! Танцы подождут! Ух, сколько планов! Не так уж и плоха жизнь, а? – Она извлекла из сумки бутылку вина и триумфально взмахнула ей. – Есть тост!

Со стороны могло показаться, что Жанна полностью ослабилась и весь вечер пребывала в хорошем настроении. Она даже вспоминала какие-то эпизоды из их с Семой совместной жизни и улыбалась так, будто эта тема не была для нее печальной. Но мое обострившееся в последнее время восприятие не могло не уловить витавший над нашим пиром дух чумы. Празднование моего маленького достижения превращалось для Жанны в своего рода акт самоотречения – мол, у меня жизнь не клеится, но я готова забыть об этом и радоваться твоему успеху. Мне все время хотелось намекнуть ей – не знаю даже зачем, – что я это чувствую. Но я, разумеется, не стала ничего говорить – возможно, мои слова растревожили бы ее окончательно.

Не спеша попивая вино, я смотрела на подругу и мысленно убеждала себя, что любовь на расстоянии, несчастная

любовь, любовь, питающаяся только воображением, – самая правильная, самая благотворная. Человеку кажется, что он мучается, а между тем он берет от этого чувства все самое лучшее. Он смотрит на мир глазами, полными любви, распаивает ему навстречу свое раненое, пульсирующее, чутко реагирующее на все сердце – и ловит все импульсы из окружающего мира, вдыхает жизнь полной грудью... И при этом объект чувств остается для него неприкосновенным, не запятанным бытовыми мелочами. Он не может внезапно упасть с пьедестала, напротив – чем дальше, тем желаннее, тем выше он кажется влюбленному.

Вот Жанна – она продолжает любить Сему, но сейчас это приносит ей только боль, страдание, разочарование. Все потому что для нее все было слишком реально, слишком приземленно: замужество, стремление родить, ссоры, измены...

А вот я – совершенно изменила взгляд на мир и, вероятно, вот-вот изменю взгляды мира на себя. Раньше я представляла собой глыбу льда, к которой тянулись лишь изнуренные жарой, а теперь я теплый источник, к которому скоро потянутся многие. Не то чтобы я нуждалась в повышенном внимании, просто иногда на меня нападало незнакомое раньше желание кого-то согреть, кому-то помочь, быть полезной.

Все это сделала со мной любовь. Я была неправа, думая, что она ничего во мне не поменяет. Но при этом я даже ни разу не видела Стаса с тех пор, как поняла, что влюбилась в него. И ведь мне это было не нужно.

Я улыбалась собственным мыслям – они нравились мне своей стройностью и красотой. Но в какой-то момент, когда опустел очередной бокал вина, мне вопреки всему вдруг так остро захотелось, чтобы Стас оказался рядом – прямо сейчас, срочно, – что я даже вздрогнула.

Когда мы закончили «пир» и легли спать, я долго ворочалась, размышляя, что было бы, позвони я ему теперь, после довольно длительной разлуки. Как бы он отреагировал? Отказался бы говорить? Разговаривал бы холодно и отчужденно? Или примчался бы по первому моему зову? Я склонялась ко второму варианту. «Скорее всего, никаких чувств ко мне у него не осталось, а значит, он и не презирает меня, и не тоскует, и не обрадуется мне...» Эта мысль казалась одновременно и совершенно естественной, и дико неправдоподобной, причем вообще в масштабах человечества. Как будто я уже с трудом представляла, что одному человеку может совсем не быть дела до другого, особенно если между ними были какие-то – неважно даже какие – отношения.

К четырем утра вино, бессонница и раздумья образовали чудовищно густую массу, из которой выплывал незапятнанным только образ Стаса. Мне как никогда хотелось набрать его номер и хотя бы услышать его голос. Время для звонка было неподходящее – наверное, только мысль о том, что я могу нарушить его покой, уберегла меня от этого шага.

Похоже, это был критический момент: перетерпев его, я тут же провалилась в сон – так легко и быстро, будто перед

этим долго боролась с ним и наконец сдалась.

Глава 7

В субботу ко мне пришли родители. Жанна собиралась встречаться с какой-то подружкой вечером, так что на ужине она не присутствовала, но накануне помогла мне все приготовить. Правда, не вырезала черные «глазки» из картошки, так что мне пришлось выковыривать их уже из пюре.

– Так значит, теперь ты живешь с Жанной, – произнесла мама, едва мы сели за стол.

– Это временно – пока она не помирится с мужем, – отозвалась я.

В глубине души я надеялась, что этого не случится вовсе, но у нее вот-вот должны были кончиться деньги, а содержать я и себя-то пока полностью не могла.

– Но сейчас Жанны нет – таким образом, ты очень правильно сделала, что не надела свое любимое парадное платье, – поддел маму папа.

Она, как всегда, не отреагировала и, повернувшись ко мне, почти сочувственно заметила:

– Ты слишком добрая, дочка.

Конечно, для такого интроверта, как она, присутствие лишнего человека в доме могло стать трагедией. Я вдруг подумала, каким для нее, в сущности, подвигом было приглашать к себе Стаса, потом Гену... наряжаться, готовить для них... и все ради меня. Милая мамочка.

– Не знаю уж, когда теперь тебе удастся надеть платье, которое я подарил на Восьмое марта, – гнул свою линию папа. – Вообще, наряжаться стало совершенно незачем. Стас ушел в прошлое, а во вторник даже Гена не явился. Что-то не то у тебя с кавалерами, Ида.

– Гена был очень занят, пап. А Стас... мы давно не общаемся.

Я интуитивно почувствовала, что как-то выдала себя, произнеся имя Стаса. Может, дрогнул голос, или я покраснела, или еще что-нибудь... Мне это не понравилось: становиться настолько сентиментальной все же не входило в мои планы.

– Ага, взгляд опустила – значит, есть что скрывать. Видимо, все-таки общаетесь, – по-своему истолковал мое смущение папа. – Наверняка он умоляет тебя вернуться, а ты... ладно. Не буду лезть не в свое дело. Но имей в виду: он нравился мне больше, чем этот твой... Гена.

– Почему? – удивилась вместо меня мама.

– Ну, знаешь, Стас был какой-то более настоящий, что ли. Со своими недостатками... нормальный. А этот... прости меня, Ида... ну все в нем чересчур хорошо. И сам он весь из себя положительный, и книги умные читает, и к тебе прямо-таки с придыханием относится, и даже родители у него работают в консерватории...

– Отец, – почему-то строго поправила мама, с подозрением поглядела на «глазок», который я не заметила, но по-

сле некоторых колебаний все же отправила в рот очередную ложку пюре.

– Отец, мать или оба – какая разница. Не очень я люблю таких людей, которые из сплошных достоинств состоят.

– Думаешь, у каждого из таких есть тайный порок? – заинтересовалась я.

– Да, и чаще всего этот порок – занудство. С ними просто очень скучно. А ты думала, я скажу, что они втихаря пьют кровь младенцев? Бывает, наверное, всякое...

Я усмехнулась, а мама опять не отреагировала. Такое впечатление, будто шутки папы она пропускала автоматически, как примечания мелким шрифтом в учебнике. Поразительно, как могут долго уживаться вместе такие разные существа, как мои родители.

– Если тебя раздражают люди, состоящие сплошь из достоинств, как же ты полюбил маму? – полушутя спросила я отца.

– Хм, я и сам не знаю! У мамы действительно нет ни одного недостатка. Хотя вру – она вечно недосаливает еду и частенько на меня ворчит. – Папа весело посмотрел на маму, и она – поразительно! – даже соизволила слегка улыбнуться. – Когда любишь человека, все критерии теряют смысл. Потому что нельзя любить за что-то или за отсутствие чего-то, ведь правда?

Я кивнула.

– Просто человек с недостатками кажется мне более жи-

вым и естественным, – подытожил папа. – С ним даже больше хочется общаться.

– Это он к тому, что Стасу он показал свою драгоценную коллекцию пепельниц, а Гене не захотел, – вставила мама.

– А зачем? Я и так знал, что он широко улыбнется и скажет «о, как чудесно». Все святые предсказуемы.

– А Стас что, разнес коллекцию в пух и прах? – спросила мама.

– Нет, он тоже был вполне вежлив, но в его глазах я видел искренний интерес – он даже вопросы мне задавал об отдельных экземплярах, а этот Гена, мне кажется, только и умеет, что кивать и восхищаться... Ох, прости, Ида. Наверное, тебе неприятно, что я так набросился на твоего нового парня, ну прости меня – может, конечно, я его пока плохо знаю... да и чувства, как я сказал, не всегда поддаются логике...

– Он не мой парень, мы просто друзья, – уточнила я. – Гена довольно интересный человек. Хотя, безусловно, что-то занудное в нем есть.

Сказав это, я даже слегка устыдилась – вспомнила несчастный взгляд, с которым он говорил, что я не хочу его видеть, и его беспомощность, и отчаянные объятия. Надо будет как-нибудь пригласить его погулять. Ну, по-дружески. Попозже – к примеру, через месяц-два, сейчас-то от этого может стать только хуже.

– Вы не вместе? – переспросил папа. – Что ж, как друг он,

наверное, лучше. Впрочем, не мне судить. Послушай, Ида, мама бы меня, наверное, заругала – и заругает – за то, что я сейчас скажу...

– М-м?

– Наверное, это прозвучит не слишком деликатно...

Я уже стала недоумевать, что же такое он может мне сказать, и тут он ткнул вилкой в тарелку:

– Мясо шикарно. Оно у тебя всегда получается прекрасно. Но картошка... нет, все неплохо и довольно вкусно, но, прости ради бога, она слегка недоварена. Я не хочу тебя обидеть, это просто на будущее: вари чуть подольше, ладно?

Папа оказался еще вполне деликатным – ничего не сказал про «глазки». Все-таки опрометчиво с моей стороны было лишний раз подпускать Жанну к плите.

– Да, – согласилась я. – Сама чувствую. В следующий раз поварю подольше. Спасибо.

Раньше я бы непременно сдала Жанну – и глазом бы не моргнула. В конце концов, почему я должна отвечать за ее ошибки? С другой стороны, это ведь моей ошибкой было разрешить ей готовить для нас с родителями.

Но я промолчала не потому что чувствовала свою вину. Просто не хотелось подставлять подругу. Она ведь старалась, хотела помочь. Она молодец.

Глава 8

Мой дипломный руководитель решил взяться за меня по-

что сразу после госэкзамена. Видимо, предчувствовал, что иначе я приступлю к диплому еще нескоро.

То ли он был «жаворонком», как мои родители, и утром был больше настроен на беседу, то ли только это время удалось освободить – он назначил мне встречу на начало девятого утра. Я надеялась, что дипрук пригласил меня для обсуждения плана работы, а не для оценки того, что написано мной – по той простой причине, что написано так ничего и не было, кроме двух страниц введения.

Я не вставала рано уже несколько месяцев, и это оказалось сложнее, чем я думала. Я долго игнорировала будильник, в полусне внушая себе, что он не звонит, а в итоге меня растолкала сонная Жанна. Если бы не она, я бы точно не встала.

Завтракать пришлось второпях. Делать бутерброд и даже ждать, пока закипит чайник, не было времени, так что я залила мюсли питьевым йогуртом вместо молока и то ли съела, то ли выпила эту странную смесь, оказавшуюся неожиданно вкусной. Мне многие рекомендовали такой завтрак, и я все собиралась попробовать, но никак руки не доходили, а тут Жанна купила йогурт и мюсли на двоих.

Через некоторое время я уже шла по улице, поеживаясь (утро было не слишком теплым), зевая и недоумевая, как это я раньше спокойно ходила в университет к первой паре. На первых курсах почти все занятия начинались рано.

Я надеялась, что свежий воздух сразу взбодрит меня, но этого не произошло. Голова категорически отказывалась ра-

ботать, организм требовал еще несколько привычных часов сна. В чудодейственное влияние кофе я не верила.

Остановившись, я стала копаться в сумке, надеясь найти плеер. Пара громких песен – вот что должно было помочь. Путешествуя рукой по дну сумки и полностью погружившись в это занятие, я даже не сразу поняла, что меня кто-то окликнул. А потом до меня дошло.

– Стас, – не поднимая головы, констатировала я и тут же усомнилась: возможно, мое больное воображение готово принять за Стаса буквально любого человека со знакомым голосом? К тому же я еще толком не проснулась...

Но это действительно был он.

– Поверить не могу, что ты рано встала. – Такой репликой встречал меня этот человек после долгой разлуки. Сказал бы хоть, что рад меня видеть.

– Да, прямо как в старые добрые времена. Слава богу, у старшекурсников расписание помягче, – отозвалась я, разглядывая его и надеясь впечатать в память каждую черточку – на случай, если в следующий раз мы встретимся очень нескоро или вообще больше не встретимся.

Руки в карманах. Взгляд – независимый, вроде бы равнодушный, но где-то глубоко притаилась настороженность, напряженность. Тонкие губы плотно сжаты. Я в очередной раз подумала, что он не слишком красив – в то же время я в жизни не встречала никого прекраснее.

Рядом с ним я, со своей любовью, почувствовала себя

естественнее – как ученый, который всю жизнь собирал сведения о далекой стране и написал о ней пару диссертаций, а потом наконец съездил туда сам. Но сказать, что я оставалась спокойной в присутствии Стаса, было нельзя. На самом деле во мне бурлило множество разнообразных чувств, просто все это происходило на благоприятном, гармоничном фоне.

– Я иду на встречу с дипломным руководителем, – сообщила я зачем-то.

– А, теперь ясно. Ну а я – на работу, как всегда, – без всякого выражения произнес Стас.

– И вообще все как всегда? – довольно сумбурно выразилась я, но он понял.

– О, тебя интересует, как я живу, или ты, как обычно, спросила просто так?

– Ты идешь от родителей.

– Ага. Не от Аллы.

– Следовательно, вы опять в ссоре.

– Ну, есть такое дело. Пустяки.

Это что-то новенькое. Не катастрофа, не конец света? Что же изменилось?

– Я женюсь, – объявил он.

– Ну-ну, – сглотнув, отозвалась я.

– Не знаю, зачем я тебе это сказал.

– Я тоже. Поздравляю.

– Спасибо.

– Когда свадьба?

– В следующем году.

– А зачем так тянуть?

– Алла хочет, чтобы все прошло по высшему разряду. Как в голливудских фильмах. На это нужна куча денег.

– Она так и не работает?

– Это неважно. Думаю, справимся. Тем более меня повысили.

– И с этим тоже поздравляю.

– Угу. Ну... а как у тебя?

– У меня новостей куда меньше. Собственно говоря, их нет. Сдала гос на «пять». А так все по-старому.

– Как родители?

Традиционный вежливый вопрос друга семьи, усмехнулась я.

– Хорошо.

– Вот и замечательно. – Стас посмотрел на часы, явно собираясь заявить, что ему пора.

– Ладно. Не буду задерживать, – опередила его я.

– Рад был повидать, – произнес он намеренно небрежным тоном.

– Взаимно, – кивнула я. – Пока. Удачи.

– И тебе.

Стас исчез из поля моего зрения моментально – будто его ветром сдуло. Я медленно побрела дальше, воткнув в уши наушники, и только возле дверей института обнаружила, что забыла включить музыку.

Глава 9

Встреча с дипруком оправдала мои лучшие ожидания: о ходе моей работы он спросил лишь вскользь (на данном этапе ему, похоже, было достаточно просто убедиться в том, что я не забыла о предстоящей защите) и дал мне подробный план действий. Правда, теперь уже забыть о дипломе не было возможности, потому что через две недели я должна была сдать первую главу. Это меня вполне устраивало. Я даже зашла писать в тот же вечер. Правда, ничего путного из этого не вышло.

Пока я размышляла над первым предложением главы, Жанна, сидя на диване, подкрашивала губы перед крохотным зеркальцем в своей пудренице. То, что у нее вообще появились помада и пудреница, было чудом.

– Опять встречаешься с подругой? – с усмешкой поинтересовалась я.

– Ну да, – слегка покраснев, ответила она. – Как тебе этот цвет помады? Я днем купила на распродаже – скажи, мне идет?

– По-моему, да. Как я понимаю, ночевать ты тоже будешь у подруги.

– Хм, возможно, мы засидимся допоздна...

– А зовут ее, я так полагаю, Семен Некрестов.

– Ох, Ида. Я боялась, что ты меня не поймешь, назовешь бесхарактерной...

– Он зовет тебя обратно?

– Да, я пока не соглашаюсь. Но не видеться с ним хотя бы время от времени я не могу. Так скучаю! Мне кажется, он изменился. Готов к разговору, ведет себя так... покладисто... говорит, что ему меня не хватает...

– Думаешь, дело в макияже и маникюре?

– Ида! Нет, конечно. Просто у меня такое ощущение, будто мы только что начали встречаться. Хочется производить наилучшее впечатление.

– Всецело одобряю такое желание.

– Ой, как хорошо, что ты на меня не ворчишь и не подавляешь сарказмом. Прямо гора с плеч! Но ты, кажется, какая-то грустная сегодня. Тебя обидел дипрук? – Жанна спрыгнула с дивана и грациозно, как всегда, порхнула ко мне, чтобы обнять.

– Да, и очень сильно. Заставил сесть за диплом. Видишь, как я мучаюсь.

– Бедняжка. Зато скоро станешь дипломированным специалистом! Ну ладно, я побегу. До скорого.

– Имеет смысл сказать «до завтра». Если, конечно, после вашего бурного свидания ты вообще сюда вернешься. – Я чмокнула Жанну в снова слегка порозовевшую от смущения щеку.

Не думала, что через несколько лет брака, да еще такого проблемного, девушка может волноваться и прихорашивать себя перед встречей с мужем.

– Вернись, – проворчала она. – У тебя ведь завтра особенный день.

– Да хватит, ничего особенного в нем нет. Если не получится, я не обижусь.

– Ида, все у меня получится.

– Хорошо, буду рада. Удачного свидания.

Оставшись в одиночестве, я заварила себе чай и вернулась к компьютеру, но через несколько минут стало ясно, что работа не продвинется, по крайней мере сегодня. Сосредоточиться никак не получалось. Ну что ж, диплом пока мог подождать.

От нечего делать я включила телевизор и улыбнулась, попав на передачу о садоводстве. В конце концов решила посмотреть фильм в интернете и даже почти определилась с выбором, но тут кто-то позвонил в дверь.

«Опять Жанна не взяла запасные ключи, – подумала я, выходя в коридор. – Она ушла всего полчаса назад – неужели они уже успели поссориться? Или забыла что-то?»

Но на пороге почему-то стояла не Жанна, а Стас – от неожиданности я даже слегка попятилась.

– Прости, из головы вылетело, что надо звонить три раза, – тут же раскаялся он. – К тебе можно?

– Раньше ты не спрашивал, – заметила я, немного придя в себя.

– Мало ли, вдруг у тебя тут свидание.

– Нет, но сегодня свидание у моей подруги, так что ее

нет, – зачем-то констатировала я.

– Ты стала жить с подругой? А говорила, ничего нового...

– Проходи.

– О, ты не спрятала мои тапочки. В них, наверное, кто-то другой ходил.

– Хочешь узнать, был ли другой – спроси напрямую.

– Нет, меня это не интересует.

– Оно и видно. Чаю? Или голоден?

– Ого, даже еду предлагаешь! Нет, спасибо. Извини, что я пришел, но... по сути, ты мой единственный друг, как ни крути... а у меня столько всего происходит. – Стас зачем-то пригладил волосы. – Ты не думай, я не хочу... ну... БОЛЬШЕ не хочу тебя использовать... или... ты могла бы решить, что...

– Я смотрю, любовь к Алле захватила тебя полностью. Выражаешься сумбурно – верный признак. Значит, ты пришел поговорить.

– Поговорить, – повторил Стас виновато.

– Отлично. Говори.

Глава 10

Разумеется, главной темой была Алла: сложности их взаимоотношений в свете предстоящей свадьбы.

– Когда я сделал ей предложение, то был не уверен, что она согласится, – совершенно расслабившись и откинувшись на спинку кресла, рассказывал он. – Но она так обрадова-

лась, сразу стала составлять список гостей... И я подумал: почему я раньше-то этого не сделал... Но сейчас... понимаешь, меня что-то гложет.

– Что же? Ваша очередная ссора?

– Нет, это ерунда. – Я уже знала, что он так скажет. – Дело в том, что, по-моему, ей больше нужна эта свадьба, чем я. Она захлеб обсуждает с подружками по телефону диджеев, фотографов, операторов, букеты невесты и цвет бокалов для шампанского, но на меня почти не обращает внимания. Даже не позволяет участвовать в обсуждениях. Вчера сказала, что от меня все равно никакого толку не будет, она хочет все организовать сама, а девчонки, которые уже выходили замуж, ей помогут. Короче, моя роль сводится к тому, чтобы за все заплатить, а потом постоять рядом с ней в парадном костюме. Мне не очень это нравится – я ей так и сказал.

– Кому бы это понравилось, – согласилась я. – Меня поражает одно – ты что, не ожидал, что так будет?

Стас развел руками.

– Ладно, ее можно понять – для нее это особенный день... и все равно мне обидно.

– Естественно.

– Как думаешь, что мне делать?

– Потерпеть. Всего годик – и проблема свадьбы исчерпает себя... возможно, даже навсегда.

– Узнаю прежнюю Иду. – Он рассмеялся.

– Если серьезно, то ты совершенно прав: свадьба – особая

тема для большинства девушек. Лучше не мешай ей, пусть погрузится в это целиком... Или ты сам хотел бы выбрать цвет бокалов для шампанского? – заподозрила я.

Стас снова улыбнулся.

– Ее не заинтересует мое мнение. Вот в чем беда. Ну да ладно, я почти привык. Может, то, что Алла испытывает ко мне, – ее эмоциональный максимум. Что-то же она, в конце концов, испытывает, иначе не согласилась бы выйти замуж... да и вообще, мы так давно вместе.

– Ты ведь все ей прощал. Прости и эту мелочь.

– Наверное, я и правда могу все простить. Кроме... – Он задумался и жестко закончил: – Кроме измены.

Я хмыкнула.

– А сам-то...

– Это другое дело.

– Ох, ну конечно. То есть если бы ты узнал, что Алла тебе неверна или, скажем, бывала неверна, ты не женился бы на ней?

– Совершенно верно.

– Но она-то подозревала тебя в интрижке со мной и все равно выходит за тебя.

– Это другое, – повторил Стас упрямо.

– Парням можно, а девушкам нет? Так вы рассуждаете?

– Не так. Ты не поняла.

На самом деле поняла: наверное, он боялся скорее того, что у Аллы появятся чувства к другому человеку. У него-то

ко мне ничего толком не было.

– Я был ей неверен только тогда... перед Новым годом, – пояснил он, подтвердив мои догадки. – Но мы были в ссоре, я ощущал себя одиноким, так что...

– ...это не считается, – закончила я.

– Вроде того.

– Хорошо пристроился.

– Я хотел сказать... спасибо, что ты тогда меня... прогна-
ла. Вот было бы глупо, если бы...

– Да.

– Все-таки ты намного умнее меня.

– Ты сомневался?

– Ха. Нет.

– Я вот сейчас подумал: если бы вдруг, допустим, я же-
нился на тебе, было бы то же, что и с Аллой... только Алла
игнорировала бы меня подчеркнуто и эмоционально, а ты –
просто... равнодушно.

– Скорее всего.

Теперь Стас что-то недоговаривал и вообще чувствовал
себя далеко не так невозмутимо, как хотел показать.

– Слушай, удивишься, но ты изменилась. – Судя по тону,
он ожидал возражений.

Если я и удивилась, то только тому, что он это заметил.

– Почему же?

– Не знаю. Сначала кажется, все как раньше: и иронич-
ность та же, и отстраненность... а вот нет. От тебя исходит

другая энергия. Более теплая, светлая... ты влюбилась, что ли?

– М-м... – отозвалась я.

– Да? Ты влюбилась? Поверить не могу! Ты – влюбилась!

– Повтори еще пару десятков раз и, может, свыкнешься с этой мыслью.

– Подожди. Я в шоке. – Стас энергично помассировал себе виски, будто пытаясь избавиться от головной боли. – Подожди.

– Да сколько угодно.

– Ладно, я не буду ни о чем спрашивать... а кто он?

– Один человек.

– Спасибо, теперь все ясно!

– Если тебя это успокоит, могу добавить: мужского пола.

– Ого, сколько информации сразу – так, глядишь, и до имени доберемся.

– Стас. Прекрати. – Интересно, что бы он сказал, узнав, что имя я только что назвала?

– Ну хватит тебе, ты что, не поделишься со старым другом?

– Обычно мы со «старым другом» обсуждали только его чувства, вот и не будем ломать традиции. Может, все-таки выпьем чаю? Или кофе? Поздновато, конечно, для кофе, но он все равно на меня никогда не действует бодряще.

– Ты на меня обижаешься?

– Ни капли.

– Ну да, я был идиотом, я... о, черт, я и сейчас такой же. Опять пришел к тебе со своими проблемами. Дорогая моя. – Стас встал с кресла и подошел ко мне. – Давай про все забудем и выпьем за встречу. Только не кофе, а что-нибудь покрепче. В конце концов, мы сколько не виделись?

– Долго.

– А я вот подсчитаю... эх, около ста дней! Мне тебя очень не хватало.

– Что, прямо всю первую неделю?

– О, что ты, первую неделю я волком выл. Думал, несчастнее меня нет никого на свете. – Стас погладил меня по волосам (впервые в жизни) и улыбнулся – слегка сентиментально, будто старой шутке.

– А потом ты решил сделать предложение Алле, и все сразу наладилось? – предположила я.

– Приблизительно так и было. Я пришел к ней тридцать первого декабря, мы помирились и решили встречать праздник вместе – правда, она уже сговорилась с подружками, но согласилась взять меня с собой. Ну и в новогоднюю ночь... я даже сам от себя не ожидал...

– Как банально. Куча пар обручаются именно в эту ночь. Ты сделал ей предложение прямо при ее подружках?

– Да, и они рыдали от восторга и умиления. Может, потому что были жутко пьяны. Сказали только, что кольца не хватает. Она тоже это заметила, так что... в общем, купил я и кольцо. Слушай, кстати, ты мне что-то первого января

писала... от кого открытка была?

– От поклонника.

Я вдруг подумала – вот было бы мило, если бы сейчас в дверь позвонил Гена, я открыла, Стас приревновал, и... и что, собственно? Получилась бы тупейшая мелодрама.

Слава богу, мы с Геной пока не общаемся, да и шанс, что он придет без предупреждения, всегда был крайне мал. Он сделал это только дважды – когда отважился познакомиться (да и то был же своеобразный предварительный «сигнал») и когда отчаялся и решил вызвать меня на разговор.

– Поклонник. Здорово. – Стас обнял меня за плечи. – Это не тот ли, в которого ты?..

– Ничего не скажу.

– О, я на правильном пути. Так мы выпьем или нет?

– У меня из алкоголя только ликер, и то чуть-чуть.

– Завтра же суббота?

– Прикидываешь, стоит напиваться или нет? Там треть бутылки, говорить не о чем, – усмехнулась я.

– Пойдем куда-нибудь. Засидимся допоздна, выхлещем пару бутылок водки, вернемся к тебе и займемся... шучу. Просто посидим в кафешке, выпьем немного... текилы, например, поболтаем под приятную музыку, я провожу тебя домой и пойду к себе.

– Шутник. А чего тебе здесь не хватает, кроме текилы? Приятную музыку могу включить, правда, насколько я помню, у нас есть некоторые расхождения в музыкальных вку-

сах...

– Да просто мы с тобой никуда не ходили. Пора исправить.

– О, неужели.

– Ну а почему бы нет. Когда я стану женатым человеком, боюсь, мне ни жена, ни совесть не позволят в пятницу вечером сидеть в кафе с красивой незамужней девушкой.

– Похоже, ты, как и Алла, слегка помешался на теме свадьбы. Хорошо, пошли. Мне только надо одеться.

– Хочешь, чтобы я вышел? Ладно-ладно, – посмеялся Стас. – Учти, я все равно буду подглядывать. Шучу.

– Что-то ты развеселился, я смотрю, – заметила я.

– Немного нервничаю. Не спрашивай, сам не знаю.

– Похоже на правду. А спрашивать и не собиралась.

– Ну разумеется... а помнишь наш с тобой первый ужин?

– Припоминаю. Что это ты вдруг о нем заговорил?

– ...это было так мило – холодная пицца и пирожные. На счет пирожных я не помню, но та пицца... извини, но сейчас ты уж точно готовишь лучше.

– Я все это купила.

– Блин, серьезно? Мне это почему-то в голову не пришло, прикинь. Когда я понял, что никого больше не будет, так восхитился: специально для меня пекла, да задолго до моего прихода все сделала, раз остыло! Я растаял прямо. Проникся к тебе еще больше...

– Так если бы я сразу объявила, что это из кулинарии, у нас бы тогда ничего не случилось?

– Ой, все! Прекрати.

Глава 11

Кажется, Стасу хватило бы и одного бокала вина. По себе знаю – когда что-то гложет или сильно устанешь, пьянешь мгновенно. Наверное, в таких случаях у организма есть потребность в отдыхе, поэтому он спешит расслабиться при первой же возможности.

Мы выпили три бутылки мартини. Я удивлялась, как вообще в меня столько влезло. Мои чувства во всей своей гамме не то чтобы притупились – скорее смялись, их будто придавило сверху камнем.

Но Стасу было куда хуже. Он все время смотрел в одну точку и твердил: «Мне плохо, мне плохо». Проходящая мимо официантка с тревогой спросила, не нужна ли нам помощь – возможно, боялась, что его начнет тошнить. Он отмахнулся от нее поистине королевским жестом, который почти что умилил меня.

– Ничего она не понимает. Ничего все они не понимают. Мне вот здесь плохо! – Он воинственно стукнул себя кулаком в грудь.

– Что с тобой? – Я пыталась заглянуть ему в глаза, вернее, сфокусировать на них взгляд, а он еще и отворачивался, отчего у меня начинала кружиться голова.

Он не давал внятного ответа, только бормотал что-то вроде «никто никогда», «не могу, хватит» – и опять: «плохо,

плохо, плохо».

– Тебя никто не понимает? – переспросила я.

Стас агрессивно закивал и, схватившись за голову, снова уставился в одну точку.

– Чего именно никто не понимает?

– Я запутался и устал, Ида. Работа эта все соки выпивает... и в остальном стабильности никакой... никогда... пристанища... нет... и не будет...

У меня возникло дикое желание увести его оттуда – будто он вывернул душу наизнанку и окружающие оскверняли ее любопытными взглядами.

– Пошли, – сказала я, поднимаясь.

Перед глазами тут же все поплыло – пришлось как следует тряхнуть головой, чтобы прийти в себя. Потом я вполне уверенно проделала пару шагов до вешалки и даже сняла с нее собственное пальто. Ну нигде не прокололась.

– Сейчас. Расплатиться надо. – Стас махнул официантке, заботу которой только что отверг – она, кивнув, торопливо удалилась и уже через полминуты принесла счет.

Поразительно, о деньгах-то я и забыла. А ведь мы немало потратили. Один только martini стоил неприлично дорого (дороже, чем в магазине), а у нас была еще неприлично дорогая тарелка фруктов. Может, и зря мы решили долго не выбирать и зашли в первое попавшееся заведение.

– Давай пополам, – предложила я.

– Не-е. – Он заглянул в чек и небрежно достал из кошель-

ка несколько купюр. – Сдачи ждать не будем.

– Слушай, у тебя и так много трат с этой свадьбой.

– Да ну... все равно все это никому не нужно, – сумбурно выразился он. – Родители у меня ничего не берут. Говорят, чтобы на себя тратил. А на себя мне даже скучно стало. Мне вообще стало скучно... и противно... можно я у тебя переночую?

Я усмехнулась – то ли от неожиданности, то ли от того, что никак не могла попасть рукой в рукав пальто.

– Ну не идти же тебе к родителям в таком состоянии. А с Аллой ты в ссоре.

– Вот да. Надо будет им позвонить. Или сообщение послать. Что я не приду.

Свежий воздух вроде бы слегка отрезвил нас обоих. У меня даже голова стала меньше кружиться. Стас шагал со мной под руку – периодически спотыкаясь, но все равно довольно ровно. У меня во дворе, правда, угодил ботинком в самую сердцевину слегка подернутой льдом лужи (несмотря на начало апреля, вечерами столбик термометра опускался ниже нуля) и прокомментировал это событие парой крепких слов.

Дома Стас сразу же лег на мой диван и вроде бы уснул. Я осторожно укрыла его пледом и решила расположиться на раскладушке, где обычно спала Жанна. Собиралась почитать немного и выключить свет, но в итоге села и минут пятнадцать не отрываясь смотрела на него, пока голова снова не пошла кругом.

Потом Стас открыл глаза. В его взгляде застыла паника.

– Что такое? – подойдя, спросила я с тревогой.

– Я не помню ее лица, – прошептал он. – Я вдруг понял, что не помню ее лица! Мы не виделись всего два дня!

– Господи, ты пьян, успокойся и спи.

– Ты не понимаешь. У нас ничего не выйдет. Вообще ничего не выйдет. Я ошибся. Я идиот. Обнимешь меня?

– Стас...

– Обними меня, а то я не усну! – не капризно, а даже с отчаянием потребовал он.

Я выключила свет и, не раздеваясь, легла рядом с ним.

– Тебе кто-то звонит.

– Алла, конечно. Возьми трубку и скажи, что... что с меня хватит, – пробормотал Стас, прижимаясь ко мне. – Хотя, может, это родители...

– Ты их так и не предупредил, что не придешь.

– Незачем – они сами это заметят. – Он поймал губами мои губы, и мы несколько минут не спеша целовались под Metallica или что-то в этом роде. Лично у меня на звонок родителей стояла отдельная мелодия – из репертуара Аврил Лавинь.

– Я тебя люблю, – сообщил мне Стас, слегка отстранившись. – Выйдешь за меня?

– Ты меня с кое с кем перепутал, – предположила я.

– Нет, Ида, я ни с кем тебя не перепутал. – Его голос звучал твердо и совершенно осмысленно, и у меня мороз про-

бежал по коже. – Ты та, которая мне нужна. Наверное, тебе на меня плевать, как и... ей, но ты все равно теплее, чем она... и с тобой я чувствую себя гораздо лучше. Если мы поженимся, я никогда об этом не пожалею.

– А я?

– И ты. Я от тебя без ума. – Эту фразу он произнес уже менее отчетливо («без ума» и вовсе прозвучало как «бзма»), а потом уткнулся лицом мне в плечо и тут же уснул.

Телефон зазвонил снова. Потом снова замолчал.

Глава 12

Ничего неожиданного не произошло. Как я и думала, наутро Стас был слегка разбитым, растерянным и полным раскаяния.

– Успокойся. Тебе не в чем себя упрекнуть, – поспешила убедить его я.

– Знаешь, даже если бы было в чем... это не так важно. Хотя... У меня ощущение, что теперь я запутался окончательно. И мне дико стыдно. Прости. Господи, как жарко-то. – Стас стянул свитер и бросил его в сторону кресла, но он приземлился рядом на пол.

– Конечно, всю ночь спать в одежде под пледом... Значит, ты все помнишь?

– Ага.

– Я знаю, что это ничего не меняет. Я не так тупа. Seriously. Просто забудь об этом.

– Не выйдет. Теперь уже я сам себя раздергал, и... наверное, я неспроста к тебе пришел вчера. Видимо, что-то такое было... а я сам же верил, что только дружба... черт. Не могу выражаться яснее. Дурацкий мартини, дурацкие чувства.

– Не усложняй.

– Ну да... ой, я же родителям не позвонил. Они с ума сойдут.

– Я написала SMS твоей маме.

– Правда?

– Да, телефон разрывался от звонков, и я позволила себе эту вольность.

– И что ты написала?

– «Не волнуйтесь, сегодня не приду. Я у Аллы».

– Зачем?

– Аллу они знают, меня – нет.

– Можно было вообще не писать, где...

– Так им спокойнее, поверь мне. Всем родителям лучше знать конкретно.

– Ты ангел, – почему-то испуганно произнес Стас, глядя на меня.

– Ничего похожего, – хмыкнула я.

– Мы давно не виделись, ты влюблена в другого, а тут я на твою голову со своими проблемами и еще со всем этим бредом – и ты так спокойно реагируешь... Я бы на твоём месте выгнал меня из дома.

– Если тебе так хочется, выгони себя сам.

– Не очень хочется. Мне здесь хорошо. Я больше никуда не смог бы так прийти.

Таким искренним и слегка беспомощным я любила его даже больше, чем обычно. Хотя, наверное, любовь измерить нельзя – только силу эмоций, накал страстей.

– Прости... прости за вчерашнее, – повторил он.

– Зачем ты снова это ворошишь? Я уже все забыла. Что, вообще-то, вчера было? Ты помнишь? Я – нет. Вот и все.

– Я сделал тебе предложение.

– Я не рассматриваю предложения, сделанные мне чужими женихами. Расслабься.

– Не могу...

– Ты сам себя загоняешь в тупик. Видишь, я не воспринимаю все это всерьез, а ты зациклился. Может, ты боишься ответственности из-за свадьбы и подсознательно пытаешься создать себе препятствие? – Я напредила себе Жанну с ее увлечением психологией.

Кстати о Жанне – она ведь должна была вернуться. Но, наверное, позже.

– Я еще не загнал себя в тупик, – подумав, сделал вывод Стас. – Еще нет. Но уже близок к тому.

– Главное, уясни себе, что я здесь ни при чем. Все вертится вокруг тебя и Аллы, ваших взаимоотношений, твоей обиды, вашего недопонимания... я всего лишь глоток свежего воздуха. Как всегда.

Я искренне не хотела, чтобы он запутался окончательно.

Но он уже сплел себе сети и стремился попасть в них с завидным упорством.

– На этот раз нет. Да, вчера я пришел к тебе ради себя, как и раньше. Но когда я все это тебе говорил, честное слово, я говорил это именно ТЕБЕ. Такой, какая ты есть.

– Ты был пьян.

– Был. И не был. Я и сейчас... немного...

– Похмелье.

– Да нет же. – Он приобнял меня. – Давай проведем день вместе. Пожалуйста. Если можешь.

– Не могу.

– Ну да... я понимаю... твой парень.

– Скорее уж мои родители. Они будут здесь через пару часов. А потом еще подруга придет.

– А по какому пово... о не-ет! – Стас с убитым видом откинулся на подушку. – Я себя ненавижу. Прости! Прости меня! Господи, я забыл про твой день рождения.

– Это нормально, я сама только что вспомнила. Мне же не пять лет, чтобы считать дни и ждать подарков. Сейчас от праздников одни хлопоты. Но в этот раз мы договорились, что я не буду готовить – родители купят торт, и мы посидим скромненько, по-домашнему. Ну, если только вот Жанна присоединится попозже.

– Можно я тоже, а? Прошу тебя...

– И что мы скажем родителям? Они решат, что мы снова вместе.

– И хорошо.

– А потом мне снова говорить им, что мы расстались? Не люблю я все путать, врать...

– Они знакомы с твоей нынешней любовью? Кстати, он тоже придет?

– Собирается.

– Шикарно. Вот и познакомимся. Что сказать родителям – разберемся. А сейчас я пойду выбирать тебе подарок. – Стас решительно откинул плед и слез с кровати.

– Не утруждайся. У тебя наверняка болит голова. Лучше полежи. Я переживу, – улыбнулась я.

– Я хочу утрудиться, – заявил он. – Когда, ты говоришь, они все соберутся?

– Родители придут часа через два, Жанна – наверное, через четыре.

– А он?

– Не знаю.

– Не терпится с ним познакомиться. Ты ему обо мне ничего не рассказывала?

– Ха, нет. Не хочешь позавтракать?

– Ты не очень-то любишь готовить мне завтраки, перекушу на улице.

– У тебя язва. Лучше обойтись без фастфуда. И, Стас, ты мне совершенно ничего не должен.

– Ты мне тоже. Однако оставила меня у себя, написала моей маме, накормить собираешься, да еще беспокоишься

за мое здоровье... и все это... как-то... от души. Я считал тебя более черствой. Я тебя вообще не знал.

– Если на фоне Аллы я кажусь тебе такой святой, представляю, что она вытворяет.

– Да ну. Просто... ты настоящий друг. Правда. А я тебе ничем не отплатил. Я тебя даже на свадьбу пригласить не могу. Черт, что я несу...

Я подумала, что если он еще хоть раз заикнется о свадьбе, о нашей «дружбе» или о том, что он запутался, я взорвусь. Всему же, в конце концов, есть предел.

К счастью, Стас решил не развивать эту тему и ушел в ванную. А я стала застилать постель, размышляя, какую неожиданную хворь мне придумать своему воображаемому бойфренду. Может, пусть внезапно сломает ногу? Или у его двоюродной бабушки случится инсульт? И она даже умрет? Чего мелочиться-то, он же ненастоящий – следовательно, и бабушка у него ненастоящая, так и пусть себе умирает, ничего страшного.

Глава 13

У меня слегка гудела голова, и я делала все в два раза медленнее, чем обычно – в результате к приходу родителей даже не успела надеть праздничное платье, а звонок в дверь различила с трудом из-за шума пылесоса. Перед этим я мыла раковину на кухне и так и не сняла резиновые перчатки. Вдо-

бавок ко всему, уже открывая дверь, я осознала, что на мне медицинская маска, которую я обычно использовала, когда вытирала пыль (иначе начинала чихать). Видок у меня был, наверное, тот еще.

– С днем рождения! – послышалось с порога.

Одной рукой я успела наполовину сдернуть маску (она каким-то образом запуталась в волосах), а другой – принять букет, который «вошел» в квартиру раньше родителей. По размерам он напомнил мне тот, что принес Стас на знакомство с ними. Я удивилась: раньше родители почти не дарили мне цветов.

Когда из-за этого куста роз показалось лицо Гены, я вскрикнула от неожиданности.

– Привет-привет! Не думала, что я приду? Зря! Я не мог забыть такую дату, – заявил он, улыбаясь во весь рот.

Как будто это не он недели две назад уходил от меня по-нурий и разочарованный во всем на свете. Я что, говорила ему, когда у меня день рождения? Наверное, обмолвилась случайно, а он запомнил. Не то что некоторые.

– Спасибо... действительно не ожидала, – пробормотала я, принимая цветы.

Из-за спины Гены наконец появились мои родители.

– Подумать только – мы с Геной столкнулись прямо у твоей двери, – довольно сообщила мама (на ней было новое парадное платье – должно быть, то самое, которое папа подарил ей на Восьмое марта). – С праздником, дочка!

– С твоим днем, доченька! – вторил ей папа и, переступив порог, крепко обнял меня. – У нас тут скромненький подарочек... эй, где торт?

– У меня, вот!

– Я уж думал, придется возвращаться... Нет, торт – это само собой, у нас другой подарок. Дорогая Ида!..

– А он у тебя?

– Ну конечно же!

Я подождала, пока весь этот гвалт утихнет. Время мне как раз понадобилось, чтобы освободиться от маски и перчаток и пригладить волосы.

– Дорогая Ида! – снова начал папа. – Не будем говорить, что ты у нас самая лучшая – это ты, вероятно, сама знаешь.

А вот мог бы и сказать.

– Лучше сразу пожелаем тебе счастья и любви...

– А вот и я! – послышалось с порога.

Надо же, все сразу.

Мама, папа и Гена, стоявшие спиной к двери, как по команде обернулись и на секунду застыли при виде Стаса с огромной подарочной коробкой в руках. Кажется, у него развивается гигантомания. Да и у Гены тоже.

– Ой, как здорово, что ты тоже пришел! – опомнившись, воскликнул папа. – Скорее проходи!

– Наш подарок теперь кажется мне еще скромнее, – с опаской проговорила мама.

– Не волнуйтесь, ничего особенного, это всего лишь кра-

сивая ваза, – сообщил Стас жизнерадостно. – Черт, испортил сюрприз.

– Ну, а у нас... Ида, сама посмотри. – Папа протянул мне небольшой пакет, в котором оказались мои любимые духи.

У подарка была предыстория: когда мне было еще лет тринадцать, их кто-то презентовал маме, но ей они не подошли, зато я буквально с ума сходила от их волшебного запаха. Поэтому она отдала духи мне. Правда, у нашей классной руководительницы была сильная аллергия на парфюм – она буквально начинала задыхаться, – и, чтобы не стать невольной убийцей, я наносила духи только в те дни, когда она не вела у нас уроки, то есть только дважды в неделю. И, разумеется, в выходные.

Вторник, четверг, суббота и воскресенье стали для меня праздниками – на радостях я выливала на себя целое море любимых духов. Неудивительно, что они быстро кончились. Больше таких ни я, ни родители в продаже не видели. Мне оставалось лишь вдыхать почти выветрившийся аромат из пустого флакона.

– Господи... – прошептала я, глядя на подарок. – Я сейчас заплачу.

– Ты никогда не плачешь, – почему-то с гордостью произнес папа. – Пользуйся на здоровье, дочка.

– Я вас так люблю!

Я обняла по очереди маму и папу. У них были радостные и слегка удивленные лица – похоже, они уже не помнили,

когда я в последний раз говорила им такое.

Потом, положив букет на стол (рук на все не хватало), я схватила в охапку коробку с подарком Стаса и, бегло поблагодарив его, потащила ее в комнату со словами:

– Сейчас будет куда поставить эти замечательные розы.

В коробке оказалась не только ваза (довольно красивая, с оригинальным рисунком), но и открытка. Я собиралась прочитать ее, но тут за дверь скользнул Гена.

– Давай я сразу налью в нее воды, – любезно предложил он (я подумала, что будь это мелодрама, он бы непременно «нечаянно» разбил вазу на мелкие осколки). – Я так рад тебя видеть! Послушай, познакомишь меня со своим парнем? Я привык, когда меня официально представляют незнакомым людям. – Последние два слова он произнес с едва уловимым пренебрежением. – Мне кажется или я его раньше видел? Ну, может, полгода назад? По-моему, мы сталкивались разок в подъезде. Точно! Я тогда поздно вернулся домой, и мы зашли почти одновременно.

– Да, мы давно общаемся.

Почему-то не без удовлетворения я пронаблюдала, как его лицо каменеет. Какой-то парень приходит ко мне ночью еще до нашего знакомства, потом я из-за него отказываюсь от отношений с Геной – и вот он опять здесь. Я бы на месте Гены тоже почувствовала себя идиотом. Ненадолго вклинился – и то не смог ничего испортить.

– Вот, значит, в чем было дело, – протянул он, силясь

улыбнуться.

– Мы были в ссоре некоторое время.

– Ясно, ясно.

Гена мгновенно исчез вместе с вазой, зато за моей спиной вырос Стас.

– Вот торт... Это он, да?

– Ну да, это торт, – не без иронии подтвердила я.

– Да я не про то. Этот Гена, или как его там, – твой новый бойфренд?

– Э... вроде того. – Вон как все повернулось.

– Он после праздника у тебя остается? – с подозрением спросил Стас.

– Нет.

Все еще не поворачиваясь к нему, я сняла ленточку с торта. Я почему-то была уверена, что, оказавшись с ним лицом к лицу, сделаю какую-нибудь глупость – брошусь целовать или признаваться в любви и все такое.

– Это хорошо. Ты прочитала мою открытку? – шепнул он, наклонившись ко мне.

– Еще нет. Отвлекли.

– Прочитай сейчас. Это важно.

Я послушно потянулась за лежавшей на столе открыткой, но тут с громким возгласом «тебе помочь, дочка?» вошел папа, и я поспешно спрятала ее в карман халата. Кстати, надо было еще переодеться.

– Я уже все накрыла, но вот сама еще не готова, – ответила

я.

– О, хорошо, мы тебя оставим. Стас, давай-ка поговорим, тысячу лет тебя не видел!

Оба вышли, и я наконец достала из шкафа платье и туфли, причесалась, подкрасила губы, надушилась (о-о-о, какое наслаждение!) и убрала на место стоявший посреди комнаты пылесос.

Глава 14

Гену и Стаса я познакомила. Таких натянутых улыбок я не видела ни разу в жизни. Ни один из них даже не пытался скрывать свое отношение к другому. Это слегка развеселило меня. Приход Гены был весьма кстати – теперь, по крайней мере, мне не нужно было «убивать» несуществующих бабушек несуществующих парней.

За столом после традиционных поздравлений и тостов папа доверительно заговорил со Стасом о пополнении своей коллекции пепельниц, а Гена стал рассказывать моей маме что-то о работе его отца. Я была рада перестать быть центром внимания и спокойно подумать – в том числе о том, что же мне сказать родителям, которые теперь, видимо, совсем запутались в моей личной жизни. Темы разговоров менялись, и до меня донеслось Генино «да, это тот каток, на который ходили мы с Идой, он в помещении, туда и летом можно пойти» и «мы с Идой тоже любим это кафе неподалеку, как раз вчера там были» (Стас, как это мило).

Через некоторое время в дверь позвонили, и я побежала в коридор. Пришла Жанна.

– С днем рождения, солнце. – Она вручила мне коробочку с серьгами, которые я тут же и примерила. – Ну как тут у тебя? Много народу?

– Родители и еще два друга. Замечательные серьги, большое спасибо. – Я поцеловала ее в щеку. Несмотря на специфический вкус Жанны, подарок мне и правда понравился. – А ты как провела время? Вы с Семой помирились окончательно?

– Еще нет. Но я заявила ему, что если я к нему вернусь, все будет по-другому. Я хочу заняться своей жизнью. Пойти учиться... он, кстати, одобрил идею со вторым образованием, да и с танцами тоже... он вообще ведет себя куда более деликатно, чем обычно. Испугался, что ли, что я навсегда уйду... Так, стоп, а что это за два друга, я их не знаю?

Жанна сняла пальто, и под ним обнаружилось симпатичное короткое платье кораллового цвета.

– Оказывается, у тебя дома есть нарядная одежда – и даже не коричневая, – отметила я со смехом.

– Да, представь себе! Так что это за два...

В этот момент в коридор вышел Стас и остановился, явно ожидая, что я представлю ему гостью.

– Стас, это Жанна. Жанна, это Стас, – традиционно произнесла я.

Оба отозвались «очень приятно». Я заметила, что у Жан-

ны слегка округлились глаза.

– Это тот самый? У которого подружка в красных сапогах? – не удержавшись, шепнула мне она.

Я кивнула.

– Что вы там шушукаетесь? Давайте к столу уже, – за чем-то распорядился Стас и вернулся в комнату.

– Вы снова вместе? А как же эта особа? – набросилась на меня Жанна.

– Мы не вместе, а на этой особе он женится.

– Господи! А что у вас с ним?

– Мне кажется, он и сам не сможет ответить на этот вопрос.

– Но ты-то сможешь?

– Не уверена. Думаю, скорее ничего.

– Ладно, а второй парень кто?

– Просто хороший сосед.

– Ну, хоть тут какая-то ясность.

– Ладно, пошли в комнату.

С появлением Жанны все разговоры почему-то закрутились исключительно вокруг меня – как будто перед новой гостьей им стало неудобно обсуждать пепельницы, консерваторию и тому подобное в мой день рождения.

Как только представился случай, Гена с победным блеском в глазах поведал ей, что мы с ним постоянно видимся и обмениваемся книгами (именно это, по его мнению, должно было стать доказательством нашей близости). Ее он в подь-

езде ни разу не встречал и не подозревал, что она некоторое время живет у меня, потому от нее не укрылись бы столь частые встречи. Стас в ответ заявил (опять же Жанне), что не так давно мы вместе читали вслух Айрис Мердок. «А мы тоже обсуждали ее книги», – не глядя на него, сообщил Гена. Папу и меня веселило это противостояние – мама, кажется, была слегка сбита с толку и то и дело вопросительно смотрела на меня.

Когда вышла из комнаты, чтобы поставить чайник, Жанна вызвалась помочь с чашками.

– Эти двое готовы за тебя передрасться, – заявила она, почему-то с претензией, едва мы оказались на кухне.

– Гена слишком интеллигентен, так что до драки не дойдет, – успокоила ее я.

– И все равно – ты явно не все мне рассказала... О, у меня отличная мысль! Сообщи Стасу, что выделявала его Алла у меня дома. Тогда он точно на ней не женится.

– С чего ты взяла, что я этого хочу? – Сполоснув чашки, я разлила в них остатки заварки.

– У тебя это на лбу написано.

– Seriously? Не в курсе, что там пишут у меня на лбу, но различать Стаса с Аллой я даже не думала. Пусть будут счастливы.

– Вот-вот! – торжествующе отозвалась Жанна. – Еще когда мы с тобой разговаривали о нем в первый раз и ты сказала что-то вроде «надеюсь, она хотя бы хорошо его кормит»,

я обо всем догадалась. То есть прямо в тот момент я была поглощена собственными проблемами, а догадалась после. Но это точно. Ты его любишь.

– И что с того?

– Как это что? Если ты его любишь и он к тебе неравнодушен, – а это уж точно, – то вы должны быть вместе! Я бы лично расправилась с этой стервой, но ты знаешь: я сторонник более гуманных методов. В твоих руках такая информация, а ты не хочешь ею воспользоваться!

– Ее измены – не наше дело. – Увидев, как вытянулось лицо подруги, я поправилась: – Не мое. Не хочу, чтобы он опять пришел ко мне только потому, что его предала она.

– То есть ты сложа руки будешь ждать их свадьбы, потом развода, а уж потом...

– Надеюсь, они будут счастливы, – повторила я.

– Да ты святая, – как и Стас, почти что в ужасе произнесла Жанна.

– Да нет, это ты святая. Я бы на твоем месте давно разможила Семе голову сковородкой. – Осознав, что ляпнула, я с тревогой обернулась к ней, но она, к моему удивлению, не разозлилась, а напротив – запрокинула голову и заливи-сто расхохоталась.

– Верно! Такое желание возникало у меня не раз, – подтвердила она, отсмеявшись. – Но с психологической точки зрения это неверный ход, поэтому я держалась как могла. Возможно, все еще впереди. Теперь уж буду посмелее. По-

слушай, если я сегодня опять останусь дома... ну, там, у него... ты не сильно обидишься? Просто выходной... а завтра я точно у тебя. Я же пока не вернулась.

– Обижаться? Да вот еще, вали на все четыре стороны.

– Может, и ты сегодня не будешь одна...

– Да вали уже, – шутливо пихнула я Жанну локтем.

– Ну нет, на чай я все-таки останусь! – Она легонько толкнула меня в ответ бедром, и, конечно, ее движение вышло куда более изящным.

Около девяти родители засобирались домой. Гена и Стас оба слегка замялись, но решили, что приличнее им тоже уйти.

«Открытка», – шепнул мне Стас в коридоре, и я понимающе кивнула, хотя так и не успела ее прочитать. Она осталась в кармане халата, а его я повесила в шкаф, путь к которому был перекрыт стулом Гены, так что достать ее незаметно было невозможно.

Жанна, что-то напевая, принялась мыть на кухне посуду. Очевидно, решила, что будет неудобно уйти и не помочь мне убрать после праздника. А убирать-то в принципе было нечего, кроме посуды – все-таки это был не детский утренник, после которого все вокруг заляпано вареньем и шоколадом и на полу валяются игрушки и фантики (я, не особенно любящая детей, именно так все себе представляла).

Я вернулась в комнату, отодвинула стул и наконец проникла в шкаф. В открытке было лишь четыре слова, от ко-

торых меня бросило в дрожь.

Ну зачем?..

Глава 15

Жанна только что покинула квартиру, когда вернулся Стас. Не то чтобы я сильно удивилась.

– Столкнулся в подъезде с моей подругой? – спросила я.

– М-м... нет.

– Удивительно даже.

– А что, она ушла? Честно говоря, я забыл, что она у тебя живет. Но она вернется завтра, так что все в порядке.

– С чего ты так решил?

– Логика. Человек, который уходит из дома в десять часов, вероятнее всего, планирует что-то на всю ночь. Свидание, например.

– Или просто ему что-то понадобилось в магазине.

– Не знаю, по-моему, это не тот случай. Предчувствие. Я, кстати, заходил домой поесть. Мои решили, что я опять иду к Алле.

– Поесть? Тут ты не наелся?

– Не обижайся, но двух кусочков торта недостаточно для человека, который с утра ничего не ел. Я ведь так и не позавтракал.

– Я предлагала.

– А я торопился выбрать тебе подарок. Иди сюда. – Стас

притянул меня к себе за талию.

– Зачем ты это сделал? – спросила я.

– Что?

– Сам знаешь. Зачем ты это написал?

– Это не я написал, это строчка из песни группы «Браво».

Да-ай мне этот день, дай мне эту ночь, дай мне хоть один шанс – и ты поймешь: я то что надо! – довольно фальшиво исполнил он.

– Про день в открытке ничего не упомянуто, – хмыкнула я. – Про шанс тоже. Как и про то, что я что-то должна понять. Только про ночь.

– Ну... день провести вдвоем мы уже не смогли, шанс ты мне не дашь и понять ничего не поймешь, потому что у тебя есть такой замечательный благовоспитанный Геннадий... Где ты его откопала – на выставке старинных... э-э... скрипок?

Мои губы сами растянулись в улыбке.

– Он мой сосед. И это он тогда прислал мне новогоднее поздравление.

– О, точно. Как романтично...

Я перестала улыбаться.

– Ну конечно, это смешно. Со мной же нельзя вести себя романтично.

– ...кстати, я не стал покупать букет, потому что знал, что твой джентльмен непременно притащит веник – это так «оригинально»... Что ты сказала?

– Со мной нельзя вести себя романтично, – повторила я. – Я гожусь только для одной ночи. После которой ты будешь жить долго и счастливо со своей невестой. Знаешь, я сейчас подумала, – а меня не очень устраивает такой расклад. Раньше устраивал, но все изменилось... то есть я изменилась. Дело не в Гене и не в ком-то еще, а именно во мне.

– Стой-стой. – У Стаса был такой вид, будто он не уловил смысл сказанного (я разве по-китайски говорю, что тут можно не понять?) – В декабре я предлагал тебе все. Не только одну ночь. Ты отказалась. То, что я написал тебе в открытке, было продиктовано скорее теми условиями, в которые поставила меня ты.

– Я же говорю, много воды утекло.

– Теперь ты бы согласилась быть со мной?

– У тебя есть невеста.

– А если бы не было?

Весь этот разговор мне не нравился. Более того, он причинял мне боль. И все-таки я должна была довести его до конца.

– Она никуда не делась бы. Ты бы все равно метался, теперь уже не от нее ко мне, а от меня к ней, что было бы для меня еще менее лестно, – иронично произнесла я. – А я... я не создана для отношений. Мне достаточно чувств.

– А они есть? – спросил Стас в лоб.

Я молчала, и он напряженно повторил:

– У тебя есть ко мне чувства?

– Да. Теплые.

– Это не то, что я хочу услышать.

– Я знаю. Ничем не могу помочь.

– Черт. Почему он? Почему этот юный Вертер? – Стас внешне со всей силы ударил кулаком в стену – так, что стекло, под которым висела какая-то невнятная картина, оставшаяся еще от бабушки, испуганно звякнуло в раме.

– Похвально, что ты читал Гете, – сказала я, думая о том, что теперь у него, наверное, болит рука.

– Это все он. Этот... Геннадий. Чертов Геннадий. Я бы набил ему его благовоспитанную морду.

– Он здесь ни при чем, я же сказала. Просто раньше меня устраивали наши с тобой отношения, а сейчас нет. У нас больше ничего не будет. Можешь идти.

– Это третий раз, когда ты выгоняешь меня из своего дома.

– В прошлый раз была квартира моих родителей.

– Но дом-то тот же. Третий раз.

– Последний. Обещаю.

– Что мне делать?

– Иди к Алле, помирись с ней, скажи, что хочешь планировать свадьбу вместе, потому что это будет главный день не только в ее, но и в твоей жизни...

– Я не помню ее лица.

– О, я это уже слышала.

– Когда смотрю на тебя, я ничего больше не помню и не

хочу помнить.

– В таком случае ты плохой жених.

– Совершенно верно. Нам с ней нужно разойтись. Я не готов к свадьбе.

– Делай что хочешь. Только пусть это не касается меня.

Удачи тебе. – Я распахнула входную дверь.

– А если я никуда не пойду?

– Значит, мне придется вытолкать тебя силой.

– У тебя нет столько сил.

– Чего ты от меня хочешь, а? Ну чего?

– Сам не знаю. Уф. Ладно. Если ты скажешь, что я тебе не нужен, что я мешаю тебе жить и без меня тебе хорошо, я уйду. Договорились? – Напряженный взгляд Стаса уперся в мое лицо – по-моему, куда-то в переносицу.

– Ой, зачем так все усложнять, драматизировать...

– Иначе я не уйду.

– Ну... договорились, – кивнула я.

– Итак?

– Ты мешаешь мне жить. Мне без тебя хорошо. Доволен?

– Ты не сказала «ты мне не нужен».

– Это и так ясно.

– Нет уж, скажи – и я сразу уйду. И больше тебя не потревожу. Никогда.

Он наконец осмелился посмотреть мне в глаза и, очевидно, увидел в них неумолимость и твердость, потому что, вздрогнув, сразу опустил взгляд.

– Хорошо. Ты мне не нужен.

Не подозревала, что это будет так сложно выговорить. Казалось бы, обычная ложь – просто взял и выпалил, не вдумываясь, – ерунда. В какой-то момент я даже засомневалась, стоило ли это говорить, но в любом случае было уже поздно.

Стас ушел, даже не попрощавшись.

Часть 3. Антиталисман

Глава 1

– Хочу тебе кое-что сказать. И никак не решусь. – Жанна поерзала на диване, отчего он жалобно заскрипел.

Не оборачиваясь, я готова была поспорить, что она по привычке потянула руку ко рту, собираясь погрызть ногти, но отдернула, вспомнив о маникюре.

– Ты заявляешь это уже в третий раз, – сообщила я.

– А ты даже интереса не проявляешь!

– Просто мне нужно завтра показать дипруку всю практическую часть. Не знаю, зачем он так гонит лошадей – сегодня только восемнадцатое апреля, а защита седьмого июня. И тем более не знаю, почему он выбирает максимально неудобное время. То раннее утро, то выходной...

– Ну все. Сейчас так и не решусь и уйду домой.

– Ты уже две недели ночуешь дома – ты хорошая жена, я тебе скажу.

– Я вернулась. Я же тебе даже ключи вернула.

– И оставила меня одну-одинешеньку... ой, только не пугайся, я шучу. Я люблю одиночество. Так что ты хотела сказать?

Сделав очередную сноску, я повернулась к подруге. Ну не давала мне совесть слушать ее вполуха, когда она была так взволнована, пусть и пыталась это скрыть. У меня внутри все еще работал своеобразный определитель чувств.

– Ты беременна? – вдруг осенило меня.

– М-м... не знаю. Пока не уверена. – Она слегка покраснела. – Я, конечно, очень надеюсь, но это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Сказать я хотела другое. Но ты меня убьешь, и я так никогда и не познаю радости материнства, так что я передумала.

– Дело твое.

– Ладно уж, расскажу. Только смотри, вдруг я все-таки беременна, а на беременных поднимать руку нельзя. В общем, я... ну, грубо говоря, назначила Стасу встречу.

– Как это? Когда? Зачем? – непонимающе уставилась на нее я.

– Тогда, после твоего дня рождения, мы столкнулись в подъезде – он, очевидно, к тебе возвращался. Я не стала ему сообщать все сразу. Представь, какой это стресс для человека, когда почти незнакомая девушка при случайной встрече говорит: «А знаешь, твоя невеста изменяла тебе с моим мужем. Удачного вечера». Все-таки некоторые психологические тонкости мне не чужды. Я сделала иначе – завела непри-

нужденную беседу, упомянула, что вернусь завтра, – на всякий случай, чтобы он знал, что вы можете уединиться и... поболтать спокойно. А потом добавила, что у меня есть информация, которая обязательно его заинтересует, и попросила не говорить тебе о нашем разговоре.

– И что же, он согласился на встречу? – Я так сильно развернулась к Жанне, что компьютерное кресло крутанулось вместе со мной, и я от неожиданности чуть не вывалилась из него.

– Да. Я дала ему свой телефон и сказала, что то, что я собираюсь сообщить, касается Аллы и тебя, и если он заинтересовался, я буду ждать его звонка. Сегодня он написал мне сообщение. Просил увидеться завтра днем. Как раз суббота.

– Ясно, – после короткой паузы проговорила я. – А обо мне-то ты ему что собиралась поведать? Только то, что я знала об измене Аллы?

– И о твоей любви. Уверена, он об этом не подозревает.

– Жанна!

– Ида! Я решила, что ты должна знать. Потому что первая часть моего признания Стасу затрагивает лично мои интересы – наконец-то этой Алле достанется, а то хорошо устроилась: и чужих мужей отбивает, и сама замуж собралась. А вот вторая часть имеет отношение только к тебе. И к тому же не умею я ничего скрывать – слишком честная. И я отчетливо понимаю, что ты сейчас начнешь протестовать, запрещать мне идти на эту встречу... но сначала хорошенько

подумай. Ты ведь ничего не потеряешь. Ты вообще, если что, можешь все отрицать. Скажешь, это я все придумала. Просто дай шанс – себе и ему.

– Ценю твои усилия...

– Господи, я думала, ты разозлишься, – облегченно вздохнула Жанна.

– Скажем так, я точно не просила тебя об этой услуге, но ругать не собираюсь. Только... не ходи на встречу.

– Отменить?

– Да.

– Я знала, но все же надеялась.

– Зря.

– Ид, что ты творишь?

– Это не я, это ты что-то творишь, в то время как я, ни о чем не подозревая, пишу диплом.

– Ты же раньше никогда никого не любила. Думаешь, это так просто – полюбить еще раз? Думаешь, это случится так скоро?

Я с легкой улыбкой посмотрела на Жанну, осознав, что сейчас мы с ней стали ближе, чем когда-либо. Впервые за много лет общения мы были похожи не на поверхностных приятельниц, живущих разными жизнями, а на нормальных подруг: делимся секретами, радуемся и боеем друг за друга – и, похоже, неплохо друг друга знаем.

Конечно, это во многом связано с тем, что дружба со мной на какое-то время оставалась единственным светлым пятном

в жизни Жанны, вот она и сосредоточилась на ней, но ведь и я раньше не подпустила бы ее так близко. Она была для меня кем-то вроде странного зверька – и не наблюдать невозможно, и подходить не хочется.

Теперь я стала другой и смотрела на нее иначе. И не только на нее. Благодаря Стасу. Но, пожалуй, это все, что он мог для меня сделать.

– Я и не хочу еще раз. И – да, возможно, больше и не получится. По крайней мере в ближайшее время, – медленно произнесла я.

– Тогда прежде чем думать, что ничего не выйдет, можно было бы и попробовать, – заявила Жанна.

– Ты так говоришь, будто я не решаюсь с ним познакомиться. Мы были связаны больше четырех лет.

– Так долго! Тогда, может, это просто привычка? Ох, нет – не в твоем духе, я знаю. Мне кажется, ты могла бы пятьдесят лет жить с человеком в одной квартире и даже не заговорить с ним, если бы у тебя не было такой потребности. Ты настолько... сама по себе...

– Каждый из нас в какой-то мере сам по себе.

Происходящее вдруг показалось мне нереальным. Жанна ждет ребенка от Семы (по этому поводу она частенько радовалась раньше времени, особенно поначалу, но на сей раз я почему-то предчувствовала, что это так), Жанна пытается разобраться в моих переживаниях (я и сама-то этим редко утруждалась), я люблю Стаса, Стас женится на Алле... ме-

лодрама.

Так просто, чересчур просто все выглядит, если отбросить промежуточные звенья. Хотя... если их отбросить, так вся наша жизнь – проще некуда: детство, школа, институт, работа, свадьба, детишки, внуки, смерть. И с этой схемой уже ничего не поделаешь. В нее укладывается абсолютное большинство.

Мне очень не хотелось быть большинством, и я внезапно вспомнила, как год назад Стас жил у меня целый месяц и как смертельно меня раздражал. Сейчас бы уж наверняка было не так. В мое сознание крепко впечаталось ощущение от последней ночи, которую он провел у меня – когда я сидела на раскладушке и несколько минут, почти не мигая, смотрела, как он спит. Несмотря на то что у меня тогда была не совсем свежая голова, эмоции были ярче некуда и удивили меня своей противоречивостью: тянуло приблизиться к Стасу, но так, чтобы не спугнуть, так, чтобы он вдруг не исчез. Будто он был мотыльком, случайно присевшим на мое плечо... И при этом даже хотелось его исчезновения – тогда бы все эти сложности разом закончились.

Есть ли место для таких противоречий в обычной жизни? Иными словами, что было бы, если бы этот шквал накрывал меня каждый день? Да я бы рехнулась. А если бы не накрывал, было бы чересчур обыденно. Раньше-то мне нравилось чувствовать покой и равнодушие, а сейчас, пожалуй, этого уже было бы мало.

– Видишь ли, я даже не знаю, чего ради ты пытаешься устроить мне личную жизнь, – осторожно произнесла я, будто готовила Жанну к тяжелой новости. – Потому что я не уверена, что хочу быть со Стасом. Ну, я имею в виду – жить вместе, выходить за него и так далее.

Она нахмурилась, будто спрашивая себя, с какой планеты я свалилась, а потом заметила:

– Ну чего-то же ты хочешь.

– Хочу, чтобы не было путаницы... наверное. И чтобы у него все было хорошо. Это я тебе уже говорила.

Я представила, как Жанна решительно отрезает: «Ида тебя любит» – и уходит, оставив Стаса с кучей вопросов в голове. Возможно, они отвлекут его от мыслей о неверности Аллы (она ведь собирается сообщить и это), но... он может неверно понять Жанну. Подумает еще, что мне что-то от него нужно.

Она, конечно, не сможет ему все объяснить так, как надо, – возможно, потому, что даже я понятия не имею, как надо. И все-таки я, вероятно, подала бы ему это более... правильно, что ли...

Господи, о чем я думаю? Как лучше признаться Стасу в любви? Может, ему тысячу лет не нужна моя любовь, а я тут буду репетировать речи... а может и нужна...

– Слушай, все-таки ничего не отменяй, – сказала я, чем совсем сбила Жанну с толку. Кажется, она только-только прочувствовала мою линию поведения, и тут я опять внесла

неразбериху.

– Погоди, так мне пойти?.. – переспросила она недоверчиво.

– Нет. Я сама с ним встречусь.

– Ого! Ты уверена?!

– Абсолютно.

– И что ты ему скажешь?

– Пока точно не знаю. Но до завтра, думаю, решу. Если что, на месте сориентируюсь.

– Пожалуйста, сообщи ему про Аллу. Ради меня.

– Посмотрим. – Я пожала плечами.

– О-ох, зачем я только тебе рассказала? Все испортила!

Это был неверный психологический ход, – стала сокрушаться Жанна. – Все потому что я волнуюсь, беременна я или нет. А то, что я за твоей спиной договорилась со Стасом, так меня глодало, я просто не могла держать в себе еще и это!

– Ладно, хватит, все будет хорошо. Может, я и скажу про Аллу, – смилостивилась я.

– Тебе просто надо его увидеть, так?

– Не только. Точнее, не просто... довольно сложно. Хотя... наверное, да.

Глава 2

Я побрызгалась любимыми духами и застегнула плащ перед зеркалом. Бросила взгляд на свою обувь – ботинки на высокой платформе... нет, не пойдет. Это утяжеляет образ.

Лучше небольшой эlegantный каблучок. Под плащом – легкое платье, выглядит вроде не нарядно (было бы глупо), но все же это платье, а не джинсы и футболка. Усмехнувшись – ну надо же, готовлюсь, точно к первому свиданию, – я вышла из квартиры.

Погода стояла замечательная – «травка зеленеет, солнышко блестит», и при этом еще не жарко, все-таки апрель. Я наслаждалась стуком собственных каблучков по тротуару (каждый год чуть ли не до мая не могу поверить, что снег и слякоть остались позади), смотрела на свое отражение в витринах и старалась не думать о том, как пройдет разговор со Стасом и о чем он вообще будет. Какая разница.

Мне больше нравилось представлять, как он удивится, как округлятся его глаза, когда он увидит меня.

Я еще не подозревала, что удивиться предстоит мне... и не только.

– Ты? – Алла вскочила из-за столика так, что чуть не опрокинула кофе на свою вульгарную узкую юбку.

– Привет. Встречаешься здесь с кем-то? – отозвалась я.

– Э... да. – Она слегка растерялась.

Вечно я заставляю ее чувствовать неловкость. Бывают же такие люди-антиталисманы.

– Ну, я тоже. Удачное совпадение, – иронично заметила я.

Алла нервно облизнула губы и зачем-то подвинула к себе поближе чашку, будто я претендовала на ее кофе.

– Твоя подруга Жанна Некрестова решила устроить тебе

здесь свидание с моим женихом, так?

– С чего ты это взяла? А! Ты опять читала его сообщения. И когда он уже поймет, что лучше их не хранить... И зря он внес в телефонный справочник ее настоящее имя. Я слышала, один парень, у которого была не совсем адекватная девушка, записал свою новую знакомую как «Дядя, Мегафон».

Мой взгляд невольно приковывало тоненькое кольцо на безымянном пальце ее правой руки. Я никак не могла заставить себя не смотреть на него. Алла вызывающе молчала (сама не подозревала, что молчание бывает вызывающим, но именно таким оно и было).

– А где он сам? Неужто решил подослать тебя вместо себя? – продолжала я, присев за ее столик.

– У него нашлись занятия поважнее. Перед свадьбой такое частенько случается, – наконец справившись с растерянностью, смогла съязвить она.

– Очень за него рада. Но почему же у тебя их не нашлось? Ведь, если не ошибаюсь, женится он на тебе.

– Да захотелось поболтать с этой твоей Жанной. Чтоб не лезла в чужую жизнь.

– Справедливо – ты-то в ее жизнь, конечно, никогда не лезла и не пыталась ее разрушить. С чего бы ей тебе мстить.

– Сдался мне этот ее Некрестов. Я уже давно о нем думать забыла, а она, бедненькая, все переживает.

– Переживает – из-за тебя? Да нет, я бы не сказала, – усмехнулась я.

– Ну а какую еще информацию она могла предложить моему Стасику? – Меня передернуло от того, как слащаво она это произнесла. – Может, конечно, что-нибудь о тебе... но вряд ли. Что такого интересного можно о тебе рассказать?

Ну да, я же серая мышь.

– Сама не знаю. Я в последнее время не делала великих открытий и не покоряла вершину Эльбруса.

Алла внезапно разозлилась – видимо, на нее так действовали географические названия.

– Это ты подговорила свою подружку настроить его против меня, да?

– Ой, как все сложно. Нет. Мне это тысячу лет не нужно, – пожалала плечами я.

– Что у тебя со Стасом?

– Тебя так до сих пор и волнует этот вопрос? Мне казалось, мы все обсудили в прошлом году. Или тебя интересуют обновления? Да их и не было, честно говоря. Он мне даже сообщений не писал, а то бы я дала тебе почитать, хоть развлекла бы.

– Хватит мне голову морочить, – прошипела Алла.

В своей узкой юбке и не менее узком темно-зеленом свитере она вообще была похожа на змею. У нас со Стасом явно не совпадали вкусы. Да и я бы на ее месте так не обтягивала подраспльвшееся тело.

– Не посмею морочить голову столь занятому человеку – свадьба же на носу, столько надо успеть. Но ты молодец, что

выкроила время для воспитательной беседы с Жанной, потому что на меня наша прошлогодняя произвела неизгладимое впечатление. Можешь сказать мне то, что собиралась говорить ей. Обещаю, я передам слово в слово, наверняка она будет трепетать от ужаса. И уж точно пересмотрит свое поведение!

Очевидно, Алла тут только поняла, что кроме пустых угроз вроде «ты за это заплатишь» в ее арсенале ничего нет, и это ее заметно озадачило. Мне стало жаль Стаса – какая все-таки бесполезная жена ему достанется. Даже не умеет толком общаться.

– Почему ты сама ему не рассказала? – внезапно успокоившись, спросила Алла. Повадки истерички – то вспыхивает, то резко гаснет.

Она достала из сумочки сигарету и закурила – я даже не знала, что она еще и курит. А, да, кажется, несколько раз я чувствовала запах сигарет от одежды Стаса.

– Зачем мне было рассказывать? – вопросом на вопрос отозвалась я.

– А сейчас зачем? Это ведь не только твоей Жанны затея. Вы заодно. – Она ткнула в мою сторону кончиком зажженной сигареты, будто целясь из пистолета.

– Ну да, взяли и сговорились все против тебя, бедняжки. На самом деле я знала, что она боится. Она ведь даже напилась когда-то от страха, что до Стаса дойдет слух об ее измене. Вот из таких и получают убийцы. Я не удивилась

бы, если бы этот выход пришел ей в голову. Убрать троих свидетелей – меня, Жанну да Сему на всякий случай – раз плюнуть. Но чего ради? Почему ей так нужно держаться за Стаса?

– Это долгая история. Но разлучать вас я не хочу. Можно мне тоже?.. Тысячу лет не курила.

Алла хмыкнула и протянула мне пачку, а потом слегка подтолкнула ко мне лежавшую на столе зажигалку, поддев ее своим длиннющим ярко-алым ногтем.

– Так вы встречаетесь или нет? – почти миролюбиво осведомилась она.

– Нет. У меня... есть другой.

– А раньше все-таки было?

К моему изумлению, голос Аллы слегка дрогнул, и я впервые подумала, что, пожалуй, и она может испытывать боль.

И внезапно до меня дошло: да она просто не представляет себе жизни без Стаса. Слишком долго они связаны. Неизвестность всегда страшит, а для нее он нечто настолько незыблемое, что без него ее мир просто рухнет. Это будет... ну, все равно как если бы она лишилась дома, в котором родилась и выросла. Вроде бы дом был далеко не идеальным и иногда она подумывала его продать, вроде бы можно найти и другой, но ведь раньше не приходилось ничего искать. Сравнить не с чем, почвы под ногами нет.

– Мы со Стасом друзья. Иначе никогда друг друга не воспринимали. – Не знаю, правильно ли я сделала, что так ска-

зала, но это ведь была почти правда, а от абсолютной правды никому бы легче все равно не стало.

– Я думала, у него нет друзей. И он о тебе никогда не говорил.

– Я давний друг. Наверное, к слову не приходилось. – «И о тебе-то он говорит постоянно».

– Значит, ты пришла рассказать ему... из дружеских побуждений? – с подозрением отозвалась Алла.

Я помотала головой.

– Я точно не знаю, зачем пришла. Как, думаю, и ты. Где же все-таки Стас?

– Спит. Я дала ему снотворное. У него была бессонница в последнее время.

– О, да ты заботливая невеста. А Стас знал о том, что пьет снотворное, или ты... э-э-э... на всякий случай не стала предупреждать и незаметно добавила его в еду? И ты уверена, что сделала это не потому что не хотела, чтобы... – Я не стала заканчивать фразу, вместо этого втянула очередную порцию дыма, подумав о том, что в курении что-то есть, но уж точно оно не стоит того, чтобы им злоупотреблять.

Алла пожала плечами. Ее эмоциональность, похоже, достигла точки минимума.

– Раз ты сама такая умная, зачем спрашиваешь?

– Да и правда.

– Похоже, мне все ясно. – Она потянулась за второй сигаретой. – У вас действительно ничего не было. Ну, по крайней

мере, сейчас у тебя к нему ничего нет. Иначе ты бы точно выложила ему про меня сама, причем давно. А у Жанны твоей свой интерес, я понимаю. Странно, что она только сейчас спохватилась.

– Вообще-то она не мстительная, – автоматически выгородила подругу я.

– Да было бы за что мстить. Я не знаю, что на меня нашло с этим Некрестовым. Пошлость такая. У меня колонки сломались, и мне знакомые его посоветовали как человека, хорошо разбирающегося в технике, – Стас-то в этом ни бумбум, да и поругались мы тогда. Я решила, что справлюсь сама. Узнала телефон мастера, пригласила домой. – Она усмехнулась с таким отстраненным видом, что я засомневалась, понимает ли она, что рассказывает все это мне, а не предаётся воспоминаниям в одиночестве. – Я сразу увидела, что Некрестов положил на меня глаз, но мне он не понравился. А потом... знаешь ли, как раз опять со Стасом разругались и все такое... в общем, как-то внезапно все и случилось.

Алла выжидающе посмотрела на меня, будто концовка ее истории заслуживала аплодисментов. Интересно, почему она вдруг решила обрести во мне закадычную подружку? Может, болтает от облегчения, поняв, что я ей не соперница?

Не зная, как реагировать на ее откровения, я пожала плечами и вроде бы понимающе улыбнулась.

– Потом мы встречались еще пару раз. Тогда, в его квартире, это был последний. И отлично.

– Колонки хоть починил?

– Ну средне. Они опять сломались.

То-то я ни разу не слышала, чтобы Сема был таким уж мастером, иначе денег, наверное, водилось бы больше. Кто-то из Аллиных знакомых ему явно польстил.

– И теперь ты собираешься быть верной женой?

– Я надеюсь, – сказала она так, будто бы это от нее не зависело.

Ну конечно, всякие ситуации бывают – приходит, например, к тебе молодой человек, якобы специалист по починке колонок, отнюдь не равнодушный к женскому полу, а ты, как назло, поссорилась со своим парнем... тут уж сам бог велел пустить все на самотек.

– Я ему ничего не скажу, если мы вдруг увидимся, – внешне пообещала я.

Сама не знаю, с чего – может, прониклась жалостью или... симпатией? Вряд ли.

– Да? – Алла, занятая тушением сигареты о край пепельницы, вскинула голову так резко, будто рядом прозвучал взрыв. – А твоя Жанна?

– За нее отвечать не могу. Но если она это и сделает, то точно не с моей подачи. И сегодня я, кстати, не собиралась ему рассказывать. Ну, процентов девяносто, что не стала бы.

Алла смотрела на меня не мигая. Ее ярко накрашенные губы слегка разомкнулись, и бессознательно, как-то естественно приоткрытый рот напоминал то ли детский, то ли

кукольный.

– Я что-то ничего не понимаю уже, – сообщила она с легкой претензией.

– Я же говорю, это долгая история. Ну, если хочешь, я просто собиралась повидать Стаса.

– А почему договаривалась за тебя Жанна?

– Честное слово, неохота объяснять.

– Но у него есть невеста, зачем вам видеться?

– Встреча с давней подругой за кофе – это преступление? – невинно поинтересовалась я.

– Я не позволю вам оставаться наедине. Если все еще хочешь его увидеть КАК ДРУГА, поехали ко мне, – выпрямилась Алла.

Ого. Что это – провокация?

– Отличный вариант, если ты не возражаешь, – не моргнув, отозвалась я. – Только ведь он, наверное, еще спит?

– А мы подождем на кухне, пока он проснется. Я поставлю чайник.

Возможно, она решила окончательно задобрить меня, а заодно проверить, действительно ли мой интерес к Стасу сугубо дружеский. По ее подсчетам, любовницу точно не прельстило бы общение в присутствии «законной» девушки. Ну а если я все же вдруг оказалась бы его любовницей и согласилась поехать, чтобы отвести от себя подозрения, то должна была ощущать дикий дискомфорт. Тоже ведь неплохо – так мне и надо, разлучнице.

Истеричка, конечно, но не так тупа, как я думала. Приятный сюрприз.

– Кажется, у меня остались конфеты к кофе... и печенья... – Алла нахмурилась, припоминая.

Я уже приготовилась к тому, что она предложит мне целое меню, как в ресторане, но на конфетах и печеньях все и остановилось.

– Это меня устраивает, – не стала привередничать я. – Едем.

Глава 3

Думала ли я, что когда-нибудь... Эту мысль я оборвала – она была слишком банальной.

Снова представила, как округлятся глаза у Стаса (теперь уж точно). Интересно, он станет со мной говорить при Алле? Станет он вообще со мной говорить?

От нетерпения я подалась вперед на сидении, будто надеюсь подтолкнуть маршрутку. Алла безмятежно слушала плеер рядом со мной. От нее веяло одним из тех приятных, но попсовых ароматов, которые выбирает каждая третья. Интересно, из чего исходят люди, покупающие сильно раскрученные духи или туалетную воду – им что, нравится, что в любой большой компании хоть одна девушка обязательно пахнет так же, как они?

У меня мелькнула даже мысль спросить Аллу, что у нее за духи – было ощущение, что она с готовностью ответит.

И, если я попрошу, даст мне второй наушник, как подружке. Что у нее в плеере? Рок? Металл? Электроника? А может, что-то готическое? Меланхоличное? Вряд ли. Скорее что-то вроде Бритни Спирс. Нет, наверное, вроде Рианны – поп и немного агрессии.

Пока я фантазировала, мне стало уже по-настоящему любопытно. Услышав мой вопрос, Алла удивленно подняла бровь и настороженно отозвалась:

– Evanescence.

Я моргнула.

– Серьезно? Какой альбом?

– Да я просто скачала себе все хиты. Классная группа. Не так давно ее для себя открыла.

Наушник она мне не предложила, но мне не очень и хотелось слушать музыку.

В этот момент что-то сдвинулось у меня в голове, и я вдруг увидела Аллу глазами Стаса. Это было странное, почти порочное чувство – на секунду я будто влюбилась в нее сама, правда, страсти здесь не было. Я ощущала Аллу изнутри – так глубоко не проник бы даже Стас. Ее хрупкость, ее эмоциональность, постоянное пребывание на грани отчаяния, неуверенность под маской агрессии, да еще эта никотиновая зависимость, которую она никак не хочет признавать, а потому не может побороть (я знала это, просто видела – и все тут)... Это вечное желание выделиться, чтобы про нее не забыли – откуда? Такой ярко выраженный комплекс должен

иметь под собой серьезную почву.

Скорее всего, это из детства. Родители больше обращали внимание на ее сестру или брата. Или друг на друга. Или даже не так – мать развелась с отцом, нашла нового мужа и буквально растворилась в нем, а ему ребенок был не нужен...

– У тебя с родителями нормальные отношения? – спросила я, не заботясь о плавном подходе к теме.

– Мы уже несколько лет почти не общаемся, – незамедлительно отозвалась Алла и, вынув один наушник, будто в знак готовности к разговору, добавила:

– Я им никогда не была нужна. Странно, что они меня вообще родили и в роддоме не оставили.

Судя по тону, тема не была для нее глубоко личной и сокровенной – видимо, после долгих лет привыкания превратилась в повод для сарказма. Правда, произнеся последнюю фразу, Алла нахмурилась и резко проговорила:

– А что такое?

– Ничего. Просто хотела узнать, помогают ли они тебе со свадьбой, – пояснила я.

– Нет, и думать нечего. Я их и не позову.

– Грустно.

– Да вот еще грустить из-за этого.

– Слушай... и денег они тебе тоже не дают?

– Да они подарили меня Стасу лет с восемнадцати. Мол, ты взрослая, у тебя есть работающий бойфренд – вот пусть тебя и обеспечивает. Ну, иногда звонили, спрашивали, нет

ли у меня коммунальных долгов. Вот тетка – да, она помогает. И деньгами тоже. В общем, всегда на моей стороне.

У Аллы есть еще одна весомая причина держаться за Стаса – возможно, даже более весомая, чем все остальные. Что ж, я об этом догадывалась, но не думала, что он чуть ли не единственный источник средств для нее. Интересно, она хоть пыталась найти работу? Вроде бы какое-то образование у нее есть... должна же она хоть что-то уметь.

– Приехали, – информировала Алла, сворачивая наушники (наверняка в сумке они, как обычно, спутаются клубком).

Я и так приблизительно знала, где она живет, но ей об этом говорить было необязательно.

Никогда еще, только войдя в чью-то прихожую, я не чувствовала с такой очевидностью, что в интерьере осталось от прошлых хозяев, а к чему приложили руку теперешние жильцы. Сдержанные, довольно потрепанные светло-золотистые обои явно были поклеены давно, а вот зеркало в зеленой оправе точно купила Алла. Платяной шкаф выглядел скучно, зато шкафчик для обуви производил впечатление кровавого пятна на полу. Вокруг была масса безделушек, все – любимых Аллой зеленых и красных цветов, несочетаемость которых между собой ее явно не заботила. Стас, видимо, не вмешивался, хотя сам всегда предпочитал классику: черный, белый, темно-синий.

– Кухня вон там, ты пока проходи, а я посмотрю, спит ли... – Сбросив ботильоны на шпильках, она скрылась в глу-

бине квартиры.

Я не спеша расстегнула плащ, рассеянно глянула на брошенную возле зеркала брошюрку «Все о свадьбах». Надо же, столько суеты из-за одного дня, а все, в сущности, бесполезно – если люди живут вместе до брака, то эти церемонии выглядят глупо, а если не жили и с нетерпением ждут этого, то брак для них будет желанным и без масштабных празднеств, от которых попахивает деревенщиной.

Не успела я разуться, как в коридор вбежала Алла с расширенными от ужаса глазами.

– Ида, он не просыпается! Я даже не поняла, дышит ли он!

– О Господи.

Я ринулась в комнату, едва не сбив ее с ног – она в последний момент отпрянула к стене.

Двухспальная кровать. Алое одеяло (ну конечно). Мертвенно-бледное лицо Стаса – может, мне это и показалось при дневном свете, а может, нет...

Поскольку Алла, войдя за мной следом, продолжала стоять с распахнутыми глазами, действовать пришлось мне. Я, правда, и сама толком не знала, что делать в этой ситуации.

Начала с того, что взяла руку Стаса и попробовала нащупать пульс. Поначалу, когда мне это не удалось, я ощутила, как у меня внутри все покрывается колючей коркой льда. Это было больше чем ужас – не описать. А потом я услышала биение его сердца – приглушенное, замедленное, но все же.

– Живой, – выдохнула я. – Сколько таблеток ты ему под-

сыпала?

– Я... не помню, – отозвалась Алла растерянно. – Ну... я же не врач.

– Не врач – так и не связывалась бы с лекарствами. Расслабься, он просто очень глубоко спит.

– А ты мне не врешь?

– Зачем мне тебе врать?

– Ты все еще держишь его руку.

– Я пробую пульс.

– Отойди от моего жениха!

– Да не ори ты, сейчас отойду.

– Я говорю, отойди!

Она прыжком подскочила ко мне и вцепилась в плечи – я даже ойкнула от неожиданной боли, ногти-то у нее были метровые.

– Эй, давай без истерик, – попросила я, тщетно пытаюсь отцепить от себя эти десять заостренных лопаточек. – Я понимаю, ты перенервничала, но все-таки.

– Ты меня обманула!

– В чем, в чем я тебя обманула? Он дышит, успокойся!

– Ты его любишь! Я видела, как ты к нему подбежала! Ни х... тут не дружба!

– Ух, ё-мое, Алла, девушке не пристало так ругаться. Сейчас мы с тобой присядем, выпьем кофе, и ты расслабишься...

– Ты его любишь? – Глаза у нее были бешеные, как у кро-

лика, попавшего в западню. – Любишь или нет?

– Да, люблю, – сказала я.

Глава 4

Она резко отпустила меня – очень вовремя, потому что еще немного и она, кажется, прорвала бы своими ногтями мое любимое платье.

– Давай, Алла, глубокий вдох – выдох, вдо-ох – вы-ыдох, – дружелюбно посоветовала я. – Мне обычно помогает.

Она издала какой-то шипящий звук – возможно, это был выдох.

– Молодец, – на всякий случай похвалила я. – Сейчас отпустит.

Случайно повернув голову, я обнаружила, что Стаса разбудили крики и теперь он, приподнявшись на постели, изумленно взирает на нас.

– Эй, – произнес он неуверенно, когда я посмотрела на него. – Что творится?

– Родной! – взвизгнула Алла, бросилась к нему, споткнулась об его домашние тапочки и чуть не растянулась на полу. – Как ты?!

Она смачно чмокнула растерянного Стаса в губы – я едва успела отвернуться.

– Голова трещит, – пробормотал он, глянул на настенные часы и ужаснулся. – Что?! Как я мог так долго проспать?! Я заболел? Что происходит? – Он слегка отстранил повисшую

у него на шее Аллу. – Мне нужно позвонить. Я опоздал на встречу.

– Не надо, мы уже все уладили, – с усмешкой сообщила я.

– Кто это «вы»? И что...

– ...я здесь делаю? Алла меня пригласила.

– Алла – тебя?... Э-э...

– Я сейчас принесу тебе кофе! – внезапно засуетилась Алла и скрылась на кухне.

– Объясни. А то голова вообще лопнет, – потребовал Стас, повернувшись ко мне.

– Да все очень просто.

Я хотела присесть к нему на край кровати, но передумала – Алла могла вернуться в любой момент, не стоило лишний раз выводить ее из себя. Тем более что она до конца в себя еще и не пришла.

– Садись... куда-нибудь.

– Да я постою. Так вот. Алла узнала о твоей намечающейся встрече с Жанной...

– Каким образом?!

– Самым обычным – стирай иногда телефонные сообщения. Исходящие тоже.

– О мой бог. Ладно, она узнала, и что?

– Пошла туда вместо тебя.

– Зачем?!

– Она подумала, что Жанна расска... что Жанна... с тобой встречается. Ей это, разумеется, не понравилось.

– Бред какой. Так, а ты здесь при чем?

– Я пошла вместо Жанны.

– Это еще зачем?!

– Решила... поговорить.

Взгляд Стаса стал совершенно диким, как будто он вдруг осознал, что находится в сумасшедшем доме, и теперь судорожно размышляет, как бы выбраться. Потом его настиг новый виток изумления – глаза распахнулись, да так, что, кажется, чуть из орбит не вылезли.

– Ты сказала Алле, что ты меня любишь?!

– Было дело, – не стала отрицать я. Зачем, раз человек все слышал.

Если бы я ответила, что ничего такого не было, он мог бы решить, что и правда сошел с ума.

– А зачем ты ей... так сказала? Назло, да?

– Нет, зачем же.

– Так... это правда?

Я не успела ничего ответить, поскольку в комнату вбежала Алла с чашкой в руке. Не знаю даже, каким чудом ей удалось ни капли не пролить, хотя чашка была наполнена кофе до краев.

– Вот, дорогой мой! Пей, это тебя взбодрит! – напряженно и неестественно проговорила она, будто на самом деле не верила, что Стаса что-то может взбодрить. Таким голосом обычно говорят обреченному, что он непременно поправится.

– А я, пожалуй, пойду, – сориентировалась я. – Я тебя повидала, Стас, вот и славно. Спасибо за гостеприимство, Алла...

– Уходишь? Да с вами с ума можно сойти. – Стас сделал два глотка кофе и поставил чашку на прикроватный столик. – Мне тоже надо выйти проветриться.

– Куда? Ты что?! Ты... ты должен лежать! – театрально воскликнула Алла.

– С какой это стати? Я хочу прогуляться, и все тут!

– Я не пущу вас вдвоем.

– Я сделаю так, как хочу, ясно?

– Вы никуда не пойдете вдвоем!

– Вот заладила. Тебе, значит, можно читать мои сообщения, а я не могу пройтись с... с моей...

– Ну, с кем? Кто она тебе? – Алла возвышалась над Стасом, поставив руки в боки, как сварливая жена наутро после пьянки мужа.

– Хорошая подруга, – подсказала я.

– Нет, черт возьми. – Он вскочил и с воинственным видом принялся натягивать джинсы.

– Отвернись! – взвизгнула Алла.

– Что? – удивилась я.

– Не смотри на моего жениха, когда он не одет!

– Ничего нового она там не увидит, – пробурчал Стас.

Господи, ну сейчас будет скандал. Только этого не хватало.

– Он шутит, – пояснила я, уже слабо надеясь спасти ситуацию.

– Не шучу. Мы с Идой давно... любим друг друга.

– Говорю тебе, Алла, он шутит.

– Я серьезен как никогда, Алла. Конечно, надо было раньше тебе сказать, но я не решался.

У Аллы был такой вид, что я побоялась, как бы она не упала в обморок.

– Еще одно слово об этом – и я не заговорю с тобой больше никогда в жизни, – повернувшись к Стасу, предупредила я. – Сейчас я уйду, а ты сядешь со своей невестой, обнимешь ее, успокоишь и объяснишь, что просто глупо пошутил.

– И не подумаю! – заупрямился он.

– А лучше бы подумал. О ней. У этой девушки почти никого нет, кроме тебя. Имей совесть. Если ты ее бросишь, она останется не просто одна, а... ни с чем. Ты ее опора, надежда... ты ее все. А еще ты обещал на ней жениться.

– Я жестоко ошибался. Нам с тобой надо поговорить, – умоляюще проговорил Стас. – Я все время думал о...

– Не хочу ничего знать. Не смей за мной ходить, – отрезала я.

– Что он несет?! – внезапно пришла в себя Алла, уставившись на меня безумными глазами.

Все-таки какие-то психические отклонения у нее наверняка есть, отметила я. По крайней мере в стрессовых ситуациях она ведет себя очень странно.

– Ерунду, вообще не слушай, – посоветовала я.

– Что он несет?!

– Такое бывает, она в шоке, теперь нескоро в себя придет, – махнул рукой Стас. – Ида, мы с тобой можем все обсудить...

– Пока. Я ухожу.

– Погоди...

– Я не буду ничего с тобой обсуждать. Закрой за мной дверь. Пока, Алла.

Я вбежала в прихожую, вошла в ботильоны и, набросив плащ, выскользнула из квартиры. Стас недолго думая помчался за мной – в одних джинсах, даже без майки. Тапочки были ему велики и то и дело соскальзывали, так что у меня имелось некоторое преимущество, но мне было жаль сбивать каблук. В тот момент я пожалела, что все-таки не надела обувь на платформе. Зачем было выпендриваться?

– Ура, поймал!

Стас настиг меня у арки, причем не схватил за край плаща или что-нибудь в этом роде, а сгреб в охапку – так, что было уже не увернуться. Я подумала, что все это было жутко глупо – погоня, как в боевиках. Зачем я вообще убегала?

– Чертовы тапочки мешали, – отдышавшись, произнес он мне в ухо. – Надо было сразу их сбросить.

– Молодец. Без рубашки, да еще и босиком. Хотел все-таки подхватить воспаление легких? Все-таки еще не июль.

– Да я бы за тобой и голым побежал. И зимой. И на край

света, куда угодно. Даже не думай, что я тебя теперь отпущу.

– Звучит как угроза.

– Воспринимай как хочешь.

– Долго будем так стоять? – Я попыталась высвободить руки, чтобы распахнуть плащ и хотя бы частично закрыть им Стаса, но он запротестовал:

– Нет! Не шевелись.

– Да я только...

– Нет, ты сбежишь. Сейчас мне еще и по улице за тобой гнаться, людей пугать – пока мы хоть во дворе.

– Но рано или поздно тебе придется меня выпустить и вернуться хотя бы за одеждой.

– Никуда я не вернусь. Поймаем такси.

– В таком виде? Да никто не остановится.

– О`кей, давай вызовем. У тебя деньги есть?

– Да.

– Потом отдам. Черт, телефона-то у меня и нет. Оставил.

На радость Алле. Позвоним с твоего...

– И куда поедем?

– К тебе. Или у тебя Жанна?

– Нет, она вернулась к мужу.

– Шикарно. Дай телефон, а? Я сам вызову.

– Как я это сделаю, если ты держишь меня за руки?

– А ты обещаешь не сбежать?

– Так и быть, обещаю.

– Ладно.

Глава 5

Машина приехала уже минут через семь. Заходить в подъезд, чтобы согреться, Стас принципиально не желал, видимо, демонстрируя свою стойкость, поэтому успел продрогнуть. Садясь в такси, я пообещала себе заставить его принять горячую ванну, как только мы приедем, но едва мы вошли в мою квартиру, это совершенно вылетело у меня из головы...

До воскресенья я вообще была... очень занята и ни о чем не думала. Точнее, пару раз у меня проскользнула мысль, что надо бы поесть, но Стас все время говорил «да, чуть позже», и в конце концов мы уснули, так и не поужинав (помою, за окном уже рассветало).

С утра он разбудил меня поцелуем, явно собираясь вернуться к прерванному, но теперь у меня в голове появились хоть какие-то разумные мысли, и я решила их высказать.

– Ты должен позвонить Алле.

– С ней все в порядке, я уверен, – отозвался Стас беззаботно. – Сейчас меня волнуешь ты одна.

– Ты не понимаешь.

– Наверное. Только то, что я люблю тебя.

– Кому как не тебе знать, как она импульсивна.

– Эй, а ты меня любишь?

– Да.

– Так и забудь обо всем, я же рядом.

– Нельзя так. Вдруг ей сейчас плохо? А вдруг она...

– Ничего она с собой не сделает. Она больше пугает. Я плохого об Алле не скажу, но устал плясать под ее дудку. – Стас взбил свою половину подушки (на второй лежала я – вчера было совершенно не до того, чтобы доставать еще одну подушку). – Последние две недели были просто невыносимы. На самом деле я только и думал, что о тебе. Думал и пытался заставить себя не думать – и о тебе, и о том, что же собиралась сообщить мне твоя подруга. Этими двумя вещами я и был в основном занят. Все остальное вообще меня не трогало. Вначале я сказал себе, что та информация мне не нужна – ну что такого может сообщить Жанна о тебе и Алле? То, что вы когда-то виделись? Это я и так знаю. Может, еще раз потом встречались? Ну и что с того? Она заставила тебя сказать мне, что я тебе не нужен? И ты послушалась? Чепуха какая-то.

– Ты сам меня заставил это сказать.

– Э... вот именно. Короче, ходил я мучился, а потом решил написать Жанне. Почему звонить не стал – сам, если честно, не знаю. Сообщение по рассеянности не стер... такой издерганный был. Кстати, что все-таки Жанна хотела мне сообщить?

– Что я... равнодушна к тебе.

– О, вот оно что. А как это касалось Аллы? И почему она внезапно пригласила тебя к себе? Я так до конца и не разобрался в этой истории.

– А мне не очень хочется в ней опять копаться. Мне она

осточертела. В принципе теперь все это неважно.

– Да, солнышко. Ты права – сегодня проверю, как там Алла. Когда приду забирать вещи. У нее же куча моих вещей. И телефон, и кошелек, – а в нем кредитка...

– Забирать вещи? Ты уверен? – перебила я.

– Не пугайся ты так, я не перееду сразу к тебе, если ты этого не хочешь. Поживу у родителей, – нежно успокоил меня Стас. – Я люблю тебя...

– Перестань уже мне это говорить каждую минуту, – улыбнулась я.

– Во-первых, я хочу вбить это тебе в голову, чтобы ты уже не смела усомниться. А во-вторых – может, я хочу услышать твой ответ.

– Я тебя тоже! Доволен?

– Счастлив. Поедешь со мной к Алле?

– Боже, это еще зачем?

– Не хочу с тобой разлучаться. И боюсь – вдруг я вернусь, а ты дверь не откроешь. Опять начнешь говорить, чтобы я ушел. Почему ты так рьяно от меня отказывалась?

– Был бы на моем месте – понял бы.

– Ну... отчасти я вроде бы понимаю.

– Вот и хорошо.

– Так ты поедешь со мной? Я, наверное, после завтрака выдвинусь. Надо сразу с этим покончить. Жаль только, нет с собой ключа. Придется звонить в дверь – очень надеюсь, что Алла откроет.

– Взвесь все тысячу раз, прежде чем сжигать за собой мосты, – призвала я. – Вы крепко связаны, Алла без тебя пропадет.

– Подумай, что ты говоришь! – возмутился Стас. – Теперь, когда у меня наконец-то есть ты и я чувствую, что готов быть с тобой хоть до конца жизни (кстати, я, кажется, тебе этого еще не говорил, но так и есть), – я должен цепляться за Аллу, с которой у меня уже не знаю сколько лет все висит на волоске?! Единственной фишкой наших отношений и было то, что они постоянно висели на волоске. Адреналин и все такое... в остальном... нет, я, конечно, желаю ей счастья и буду помогать ей, если это нужно, но...

– Конечно, нужно. У нее же нет своих денег, родители ее не поддерживают.

– Ох, это верно. А откуда ты знаешь про родителей? Я вроде бы не говорил... Впрочем, она не пропадет – у нее есть добрая тетка. Да и не пора ли ей самой найти работу? Уже два года как институт закончила. Один раз попыталась куда-то устроиться, походила туда неделю – не понравилось. И все. Ну нельзя же так, она взрослая девочка, никто не обязан ее обеспечивать.

– Стас, я даже по пальцам не могу пересчитать, сколько раз ты вот так лежал по утрам рядом со мной и говорил об Алле, – усмехнулась я.

– На сей раз ты сама захотела, чтобы наш разговор крутился вокруг нее.

– Привыкла, знаешь ли. Как-то некомфортно без этого.

– Ох, я обожаю эту твою иронию. Все в тебе обожаю. Я так в этом уверен сейчас, что даже, видишь, не запинаюсь.

– Это похвально.

– У тебя случайно нет мужской рубашки? Или куртки? Не хочется опять выходить на улицу полуголым.

– Ох, да вряд ли... то есть, наверное, осталось что-то от дедушки, но не знаю, в каком все это состоянии: он умер пятнадцать лет назад.

– Главное, чтобы это вообще можно было надеть.

– Сейчас посмотрю. Наверное, на антресоли...

Я вылезла из-под одеяла, накинула халат, принесла табуретку.

– М-да... большую часть одежды бабушка куда-то дела. Может, выбросила? Не очень-то сентиментальной она была.

– Но тапочки оставила, – усмехнулся Стас. – Так что там?

– Одна шелковая рубашка, почему-то розового цвета, один съеденный молю свитер и двое штанов. Странный выбор.

– Негусто. Может, где-то еще есть?..

– Едва ли.

– Хм... а если обратиться к твоему отцу?

– Думаешь, он знает, где его теща держала вещи покойного мужа?

– Я не о том. Что, если у него одолжить?

– А как ты ему объяснишь, что явился ко мне в таком

виде? И в чем ты вообще ему покажешься?

– Эх, давай сюда шелковую рубашку дедушки.

Я упустила из виду, что дедушка был довольно крупным мужчиной – рубашка доставала Стасу до колен, а рукава были явно рассчитаны на человека с руками длиннее Стасовых раз в полтора.

– Своеобразный вид, – со смехом заключил он, глядя в зеркало.

– Боюсь тебя обидеть, но, по-моему, тебе не идет розовый, – добавила я.

– Да, наверное, дедушке он шел больше. Не знаешь, твои родители уже проснулись?

– Глупый вопрос.

– Точно. Они «жаворонки».

– Вот именно.

– Ну что, идем? Все равно других вариантов нет, не выйду же я так из дома.

– Ты уверен?

– В чем – в том, что не хочу показываться в этом на улице? Да! Можно, конечно, вызвать опять такси, но у меня же денег нет.

– Я бы одолжила еще.

– Ну-у, я бы, само собой, вернул, но можно вообще разориться, если будешь разъезжать всюду на такси. Лично у меня и так полно трат в последнее время. Я начал копить на машину, но свадьба...

– Эм-м, ты что, все еще женишься на Алле?

– Упаси боже! Про свадьбу – это я по привычке. Просто в последнее время все думал, рассчитывал, как бы концы с концами свести... прости! – Стас умоляюще прижал утонувшие в рукавах рубашки руки к груди.

– Оговорка по Фрейду, – хмыкнула я.

– В смысле?

– Ты все еще не веришь, что между вами все кончено. – Произнеся эту фразу, я почувствовала себя ревнивой любовницей, к которой ушли от жены и она никак не может поверить своему счастью.

По сути, это было близко к правде, только психология у меня была несколько иная... по крайней мере, я на это надеялась.

– Эй! Ты что... Я прямо расстроен, что ты так думаешь. Мои слова для тебя ничего не значат?

– О том, что ты уходишь от Аллы, я слышала раз пятьсот, – напомнила я.

– Не-ет. Теперь все по-другому. У меня есть ты.

– Я и тогда была.

– Тогда все было иначе.

– Стас, я не буду тебе ничего говорить. Сделай как хочешь сам. Я тебе желаю только счастья. – Я сдвинула табуретку обратно к столу и присела на постель.

– Ты потрясающая девушка, и поверь мне, на этот раз я своего счастья не упущу. Ты же пойдешь со мной к своим

родителям?

– Да, только переоденусь.

– Все-таки не понимаю. Это же твои родители – зачем прихорашиваться перед встречей с ними?

– Так уж повелось. Я хоть не вечерний наряд надеваю, как мама. И не особо-то прихорашиваюсь, просто... даже не знаю. – Я достала из шкафа джинсы и футболку.

– Подпускай близких людей чуть ближе. Это не страшно. Я хочу, чтобы у нас с тобой все было по-особенному. Не просто как у парочки, которую объединяют слащавые словечки, походы в кино, быт и постель. Мне хочется знать, что ты чувствуешь, смотреть на мир твоими глазами...

Я внезапно вспомнила, как переключилась на волну Аллы, когда мы с ней ехали в маршрутке, и мне стало не по себе.

– Почему ты так реагируешь? – спросил Стас напряженно (наверное, меня слегка передернуло).

– Да... ерунда, – отмахнулась я и, застегнув джинсы, снова присела рядом с ним.

– Подожди. – Он взял меня за руку. – Посмотри мне в глаза.

– Ну что за мелодрамы.

– Не бойся казаться уязвимой и слабой. Я был слабым перед тобой сотни раз.

– При чем здесь это?

– Не стыдно доверять человеку, который тебя любит и которого... э, надеюсь, любишь ты.

– Я... понимаю.

– Это не повредит твоей независимости. Это делают даже самые независимые люди.

– Наверное.

Мысль об Алле засела ко мне в голову и слегка саднила. Почему-то было ощущение, что ее предала именно я. Возможно, она того заслуживала, но...

– Тебя что-то сильно тревожит, – заметил Стас. – Расскажешь?

– Все в порядке. Правда, – улыбнулась я.

– Я что, зря сейчас распинался о доверии? Я не удовлетворюсь твоим «все в порядке», потому что вижу, что ни черта не в порядке!

– Ох, если серьезные отношения состоят в том, что люди так грузят друг друга, то я не хочу никаких серьезных отношений.

Похоже, моя шутка, в которой, боюсь, была лишь доля шутки, ему не очень понравилась.

– Ладно. Я подожду, пока ты начнешь мне доверять. Я готов терпеть, – обреченно сказал Стас.

– Ты обиделся? – спросила я.

– Нет, солнышко. – Он нежно поцеловал меня в губы. – Ты готова? Идем? Или лучше сначала позвонить?

– Да ладно, пошли так. В воскресенье родители обычно дома.

Глава 6

Мои родители не только были дома, но и принимали гостей. Вернее, одного гостя.

– Какая приятная неожиданность! – открыв дверь, воскликнул папа. – Ида! И... Стас, рад тебя видеть. Почему ты... о боже! – Он громко расхохотался. – Почему ты в рубашке моего тестя?

– Он испортил свою. На ней огромное пятно, – вмешалась я, прежде чем Стас успел ответить. – Мы хотели спросить, не найдется ли у тебя чего-нибудь... ну, в чем он мог бы дойти до дома. С возвратом, разумеется.

– Ну, не надо сводить все к прагматичным целям, мы и повидать вас очень хотели, – заулыбался Стас (опять решил обаять моих родителей).

– Отлично, отлично... сейчас разберемся с этим... вы проходите, очень кстати, мы пьем чай. К нам тут кое-кто зашел, и сейчас, похоже, что-то будет. – Папа потер руки, предвкушая отличную сцену. Неудивительно.

За столом восседал Гена и о чем-то увлеченно рассказывал моей маме – я успела увидеть ее очарованную улыбку, но при виде меня она тут же сконфузилась и погасила ее, будто я застала ее целующейся.

– Привет, моя дорогая. Здравствуй... те, Стас. – Похоже, она забыла, на «ты» она или на «вы» со Стасом, и это смутило ее еще больше.

– Мы тут чай пьем, – почти шепотом добавила она. – Вот,

Гена заглянул.

При виде меня и особенно Стаса гость моих родителей застыл от изумления и даже слегка привстал, подавшись вперед, будто желая получше рассмотреть, действительно ли это мы.

– Привет, – наконец выдавил он из себя. – Я вот за сахаром зашел, а твои чудесные мама и папа, Ида, пригласили меня посидеть с ними.

Наверняка это сделала мама. И уж точно он на это рассчитывал. И пришел совершенно не за сахаром. Процентова девяносто, что я права. Почему все желающие понравиться мне так стараются втереться в доверие к моим родителям? Неужели эта идея и впрямь лежит на поверхности? Лично мне бы не пришло в голову наносить дружеские визиты семье парня, к которому я равнодушна.

– Очень мило, что мы встретились, – любезно улыбнулась я.

Стас так крепко вцепился в мою руку, что я чуть не вскрикнула.

– Черт, – шепнул он мне, когда мы садились за стол. – Я про него забыл. Вы все еще встречаетесь?

Ну вот, не то что не придумал стратегию отвоевания меня у соперника – взял и вообще забыл о нем. Какая самонадеянность.

– Как-то... да, – ответила я к собственному удивлению.

– Ты о нем тоже не вспоминала ни разу за выходные, не

отрицай. Когда собираешься поговорить с ним?

– О чем?

– О нас с тобой, конечно. Хочешь, поговорю я? Или думаешь, он так все поймет? Мне кажется, объяснения не избежать.

– Я сама скажу, когда получится.

Он поморщился и хотел что-то сказать, но тут вмешался папа. Оказывается, он уже некоторое время копался в шкафу в комнате на предмет одежды для Стаса.

– У меня есть много футболок и кожаная куртка. Думаю, для такой погоды будет в самый раз, а? Какой, говоришь, у тебя размер? Подойди сюда лучше, это надо посмотреть и мерить.

Стас поспешно вышел из кухни, и мы было остались втроем, но мама вдруг вспомнила, что у нее где-то припрятаны особые печенья, и тоже удалилась.

– Вот мы и пообщаемся наконец, – начал Гена непринужденно. – А то я звонил, но ты вечно говорила, что занята. Хорошенькая дружба у нас получается.

– Я и правда была занята. Диплом на носу, – сообщила я.

– Ну да, понимаю, конечно.

– А ты, говоришь, за сахаром зашел?

– Да. Ты меня видеть не хочешь – так хоть с семьей твоей у меня все хорошо, и выручат в любой ситуации, – вроде как пошутил Гена.

– А зачем тебе так срочно понадобился сахар? Готовишь

с утра пораньше?

– Мама варит компот.

– Так она, наверное, заждалась там.

– Я... уже отнес сахар ей и вернулся, поскольку твои родители пригласили меня. Кстати, не хочешь как-нибудь к моим зайти? В одном доме живем, а так и не познакомились.

– Да, обязательно, на досуге.

– Ну... а как там... у вас... с ним?

Не очень характерный для Гены вопрос. Видимо, совсем уже не представляя, о чем говорить. Или очень хотел это узнать.

– Все отлично, – лаконично произнесла я. Подробностей я бы на его месте и не ждала.

– Я нашла печенья, – робко сказала мама, входя. – Гена, твой сахар я насыпала в банку и поставила в коридоре, чтобы ты не забыл.

– Спасибо, – слегка покраснев, отозвался тот.

С ним она была на «ты». Как это мило.

Через мгновение вернулись и остальные. От присевшего рядом Стаса непривычно пахло папиным одеколоном. Я даже не сразу поняла, что этот запах исходит куртка.

– Да можешь снять ее сейчас-то, тут тепло, – весело обратился к нему папа.

– Не хочу, она мне нравится. Если Иде тоже нравится, куплю себе такую же. – Стас обнял меня за плечи.

– Да, тебе идет черная кожа. И синяя футболка, – пробор-

мотала я.

Неужели сейчас опять начнется этот спектакль, эта незримая дуэль между ним и Геной? Детский сад. Я с тоской подумала, что хочу вернуться домой и провести день вдвоем со Стасом. Это был невиданный прогресс – раньше в подобных случаях я тосковала только по одиночеству.

– К сожалению, подарить не могу – сам люблю. И футболку, и куртку, – признался папа со смехом.

– Ну что вы, я на это даже не намекал! Вы так меня выручили...

– Ерунда. Можешь даже поносить их несколько дней, я не против.

– Нет, верну прямо завтра. Все равно после работы собираюсь к Иде.

От меня не укрылся победный взгляд Стаса в сторону Гены, который счел разумным сделать вид, что ничего не заметил. Он уже знал, что проиграл. Правда, Стас этого не знал.

Я сама не представляла, зачем сказала ему, что встречаюсь с Геной – очевидно, то, что он забыл о сопернике, задело меня сильнее, чем я думала. Пусть видит препятствия на своем пути ко мне, пусть ценит меня еще больше... хотя... все это игры для подростков. Я ведь была уверена, что выше всего этого.

– Значит, между тобой и Идой все наладилось? – спросил папа, тоже бросив лукавый взгляд на Гену. Несчастный, знал бы он, что попадет под такой «обстрел».

– Наладилось, чему я очень рад.

Я, конечно, предпочла бы, чтобы Стас сказал это тепло и искренне, а не с вызовом. А на месте Гены я бы засобиралась домой, но он упрямо сидел в своем углу и поедал конфеты и принесенные мамой печенья.

Вся эта ситуация нравилась мне все меньше и меньше. Я вдруг почувствовала себя лишней – как елка, которая стоит в центре комнаты, но на нее толком никто не смотрит. Кажется, меня вообще что-то подтачивало изнутри, и я готова была сорваться из-за любой мелочи.

Стас, ты там что-то говорил о доверии. Нам с тобой не нужен этот цирк. Ты не должен ничего доказывать этому Гене. Я соврала. У нас с ним ничего нет. Давай уйдем. Не надо ехать к Алле, я передумала, давай останемся вдвоем – только ты и я...

Вот бы сказать все это вслух. Но он прав – я просто не привыкла говорить такое, даже про себя. А надо учиться. Я ведь ни разу толком не сказала Стасу, что люблю его. И родителям – наверное, пару-тройку раз за всю жизнь. Такое сложное это слово – «люблю», но надо перешагнуть через себя, в конце концов, это всего лишь набор звуков... а сколько всего передает... Интересно, Алла говорила Стасу, что любит его? Часто?

Я прожевала кусок миндального печенья, после которого во рту почему-то осталась горечь, и вдруг до меня дошло, что меня мучает. Приблизительно так же резко я когда-то

поняла, что люблю Стаса.

Не знаю, как это объяснить, но после того случая в маршрутке, когда я словно увидела Аллу изнутри, осколок этого ее внутреннего мира застрял во мне и не давал покоя. Я точно слышала крик, мольбу о помощи. Теперь я не сомневалась, что с Аллой произошло несчастье.

– Было замечательно, спасибо большое, но нам со Стасом пора ехать, – услышала я собственный решительный голос.

– Ехать? В воскресенье? В гости, наверное? – слегка удивленно спросил папа.

– Да. Нас уже ждут... мы зайдем... ну, позже.

Я вылезла из-за стола, таща за руку Стаса и чувствуя на себе его недоуменный взгляд.

– Да, действительно. Хорошо, что ты вспомнила про приглашение, у меня совсем из головы вылетело, – наконец нашелся он и повернулся к моему папе. – Большое спасибо вам за одежду, завтра же все верну. Чудесное чаепитие, приятно было поболтать...

– Я бы все-таки посоветовала тебе отнести сахар маме, – бросила я Гене. – Думаю, она уже вся извелась.

– Надеюсь, пирог получится отменным, – вставила мама.

– Пирог? О, я думала, она варит компот. Видимо, я что-то не так поняла.

Гена опустил глаза.

– Ну, и что стряслось? – шепотом спросил меня Стас, как только мы покинули квартиру моих родителей.

– Можешь не шептать. Ни из их, ни из моей квартиры никогда не слышно, что происходит на лестничной клетке. Мы должны ехать к Алле. И я с тобой.

– Вот те раз. А я уж надеялся, что тебе безумно захотелось побыть со мной наедине, – улыбнулся он. – Как думаешь, твой парень все понял про нас? Он так не хотел встречаться со мной взглядом...

– Ты меня ревнуешь?

– Да, но сейчас я почему-то при этом спокоен. Тогда, на твоём дне рождения, во мне все клокотало от ревности. И после, когда ты сказала, что я тебе не нужен... и все то время, что мы не виделись... но, честно говоря, как только я услышал в квартире Аллы, что ты любишь меня, я сразу отбросил все это. Как будто не стало препятствий, исчезли все, исчезло всё – остались только мы одни в целом мире... ты ведь то же самое чувствуешь?

– Иными словами, ты решил, что теперь я никуда от тебя не денусь, – резюмировала я.

Это было совершенно не то, что я хотела сказать. Мне нужно было обнять его и заверить, что да, так и есть, теперь мы одни, мы едины, а все остальное – чепуха. Но в тот момент я всего этого не ощущала. Все как-то исказилось... может, я просто устала. Но теперь главное было – узнать, что с Аллой.

– Нет! – запротестовал Стас, схватив меня за плечи. – Я так не думаю! Ты вольна делать то, что хочешь! Я имел в виду, что наши чувства сильнее всего! Они всепоглощающи, они сметают все преграды... как шторм... Разве нет? Ты все еще не уверена во мне? Или в себе?

– Видишь ли, я стала видеть мир иначе. Раньше он был для меня чем-то вроде игрушечного домика – какие-то солдатики воюют друг с другом, одни неизбежно побеждают, другие терпят поражение, нелепые куклы едят кукольную еду из кукольных тарелочек и пытаются разобраться в своих кукольных страстях. Но сейчас я вижу, что все гораздо сложнее. Все мы разные, у всех нас есть чувства, никого нельзя так просто обесценивать, сбрасывать со счетов.

– Ты говоришь прекрасно. Но я не понимаю, к чему ты клонишь.

– Понимаешь. Все ты отлично понимаешь. Шторм – это не просто стихия. Он рушит корабли, он отнимает жизни.

– Черт, Ида...

– Надоели аллегории? Сказать прямо?

– Я не тупой. Ты об Алле. Но почему тебя так волнует ее судьба?

– А почему тебя она не волнует?

– Меня? Кто сказал, что не волнует? Просто она как тот пастух, который так часто кричал «волки, волки!», что когда на стадо действительно напали волки, никто не пришел на помощь.

– То есть ты тоже понимаешь, что на сей раз волки напали?

– Да нет, конечно. Но... ты же знаешь, как долго она устраивала всевозможные спектакли с самоубийствами, истериками и тому подобным, как я бежал на каждый ее зов и как каждый раз клялся, что уж в следующий-то раз на это не поведу. Вот, наконец, настал следующий раз. Я уверен, что с Аллой все в порядке. Если бы она могла со мной связаться, она бы, конечно, устроила что-нибудь в том же духе, что и обычно, но...

– Мне жаль, что это чувствую я, а не ты, но с ней произошло нечто плохое, – без обиняков заявила я.

Кажется, моя убежденность все-таки обеспокоила Стаса.

– Ты так думаешь? – переспросил он настороженно.

– Я точно это знаю, можешь мне поверить. Мы должны бежать туда.

– Может, сначала позвонить с твоего домашнего?

– Давай.

– Вот увидишь, выяснится, что все в норме.

Я открыла дверь, подвела Стаса к телефону и вложила трубку в его руку. В его взгляде мелькнуло сомнение, но он послушно набрал номер и некоторое время послушал гудки.

– Не берет, – заключил он. – Наверное, ее нет дома.

– Перезвони на сотовый.

– Ладно... – Он занес руку над телефоном и вдруг окаменел.

– Что?

– Я забыл ее сотовый.

– Ты что?

– Серьезно. Я же говорил, я с тобой все забываю.

– Не дури. Вспоминай, – призвала его я.

Стас честно задумался, шевеля губами (очевидно, перебирая цифры), но это ни к чему не привело.

– Хорошо. Я знаю того, кому точно известен номер Аллы.

Если только он не стер его.

– Кто же это? – удивился он.

– Неважно.

– О, слава богу, что ты объявилась! – обрадовалась Жанна. – Я все ждала, что ты сообщишь результаты вашей встречи с Аллой, а ты молчишь... ну давай, рассказывай.

– Слушай, попозже, а? Сейчас некогда, – извиняющимся тоном произнесла я.

– Правда? А зачем тогда...

– Я по делу. Можешь передать трубку Семе? Надеюсь, он дома?

– Сема? Да, смотрит боевик... позвать его? – недоверчиво переспросила Жанна.

– Да. Мне надо срочно кое-что с ним обсудить.

– О-о, милая, кажется, я поняла! Это связано с моим предстоящим днем рождения. Не хочешь повториться с подарком! Я тебя обожаю! Сейчас.

Через полминуты я услышала в трубке не особенно довольный (как обычно, впрочем) голос ее мужа.

– Слушаю.

– Сема, это Ида Климова. Ты можешь куда-нибудь отойти, чтобы Жанна нас не слышала?

– Да.

Скрипнула дверь.

– Отошел.

– На случай, если она все-таки слышит – она думает, мы говорим о подарке ей на день рождения. Ты не собираешься дарить ей сертификат в салон красоты?

– Нет.

– Тогда давай перейдем к делу. У тебя остался номер Аллы Соколовой?

– Не знаю. А тебе зачем? – Самая длинная фраза за весь диалог.

– Это долго объяснять. Но можешь быть уверен: ни с тобой, ни с Жанной это никак не связано.

– Странно.

– Да, ситуация нерядовая, но мне правда очень нужен этот номер. Ты можешь прислать его сообщением?

– Если найду.

– Пожалуйста, сделай это. Это очень срочно. Ладно?

– Ладно.

– Большое спасибо. Я буду ждать. Сейчас продиктую свой телефон, чтобы не через Жанну.

– Хорошо.

Господи, неужели этот угрюмый человек может быть с кем-то нежен и ласков? И неужели его самого можно полюбить? Впрочем... наверное, любви достоин каждый.

Или нет? Я, поморщившись, вспомнила синяки на руке подруги.

Сема не подвел. Уже через минуту мне пришла SMS с цифрами.

– Слушай! – крикнула я Стасу, которого на время своего разговора заставила выйти из комнаты. – Я раздобыла номер Аллы.

– Кто из твоих знакомых его знает? – осведомился он, входя.

– Я же сказала, неважно. Иди сюда, я продиктую.

Он сел у телефона, я проговорила номер, Стас со словами «о, черт, точно, ну как же я забыл, надо же» набрал его и напряженно застыл с трубкой в руке.

– Алло, – произнес он через некоторое время. – Что? А... ага... добрый день... Да я просто оставил свой телефон... А? Где? Почему? Ох. Да. Конечно. Спасибо. До свидания.

Он положил трубку и сосредоточенно уставился на нее.

– Ну? И что там? – спросила я нетерпеливо.

– Ее тетка взяла. Говорит, не знала, как со мной связаться.

Алла в больнице.

– Что стряслось?

– Я не разобрал... то ли она случайно отравилась чем-то,

то ли... – Окончание фразы так напряженно повисло в воздухе, что я не выдержала и договорила:

– ...не случайно.

– Да, – с готовностью сказал Стас.

Пару секунд мы оба молчали.

– Надо ехать, – заключила я.

– Да.

– Ты понял, где это?

– Да. Ты хочешь со мной?

– Конечно.

– А... что скажет тетка о том, что мы приехали вместе?

Она же, наверное, поймет, что...

– Мне до лампочки.

– Как ты думаешь... Алла же не могла все это подстроить? Ну, то есть может это оказаться ложью? – с затаенной надеждой произнес Стас.

– Теоретически может. Практически – вряд ли, – не стала обнадеживать его я.

Глава 8

– Ну что ты еще натворил?! Если это ты виноват, я убью тебя, задушю голыми руками, слышишь?! – От дамы с огромными ручищами, по комплекции напоминающей небольшой шкаф, эта угроза звучала весьма серьезно. На меня она даже не посмотрела – сразу набросилась на Стаса.

– Как она там? – спросил он даже не то чтобы тревожно

– скорее потерянно. Похоже, не мог поверить, что на сей раз волки таки напали.

– Лучше. Может, завтра ее даже перевезут из реанимации в простое отделение... обсуждается вопрос о госпитализации в психиатрическую лечебницу. Я делаю все что могу, чтобы договориться... это же клеймо! – Шкаф всхлипнул и внезапно залился слезами – как по команде, будто кто-то повернул краник. – Я ненавижу ее родителей! Представь только – они сейчас уехали в гости в Москву и, когда я им позволила, даже не дернулись приехать! Знаешь, что они сказали? «О, Тамара, это ужасно, если станет хуже, немедленно перезвони!» «Если станет хуже!» Как только язык повернулся?!

– Погодите... так все произошло вчера?

– Ну да, я поговорила с ней по телефону, голос мне показался странным, ну, отстраненным... я и решила приехать... хорошо, у меня был ключ.

У кого только нет ключа от Аллиной квартиры.

– А что именно произошло?

– Ох, она напилась снотворного.

Да, уж этого у нее наверняка было в избытке. Очень злая ирония судьбы.

– Случайно? – наивно переспросил Стас, и на секунду мне показалось, что шкаф-Тамара сейчас его ударит.

– Ну конечно! – взревела она. – Случайно! В таком количестве!

Лицо Стаса стало белее мела.

– Я могу ее увидеть? Она в сознании?

– Пришла в себя вчера поздним вечером. Я все время была при ней. Сейчас меня выставили из палаты, она уснула. Что, черт бы тебя побрал, ты натворил?

Тут ее взгляд наконец упал на меня.

– Здравсьте. Вы подруга Аллы? Что-то я вас не помню.

– Зато я о вас слышала. Очень переживаю за Аллу, – отозвалась я.

Тетка смерила меня настороженным взглядом.

– Как вы обо всем узнали? Вы знакомая Стаса?

К счастью, в этот момент из палаты вышел врач, и она бросилась к нему с вопросами о состоянии племянницы.

– Послушай, и как я теперь заберу свои деньги и телефон?

У меня нет ключа, – отрешенно произнес Стас.

– Эй, ты что? – изумилась я.

– Говорю же, у меня нет ключа. Братъ его у Тамары? Прямо не знаю, что делать.

У меня по коже пробежал озноб. Он не в себе.

– Тебе надо глотнуть свежего воздуха, – осторожно посоветовала я. – Давай выйдем ненадолго.

– Зачем? Я в порядке.

Я попыталась взять Стаса за руку, но она дрожала так, будто его ударили током, и он тут же ее отдернул, повторив:

– Я в порядке...

– Сиди здесь. – Я подтолкнула его к скамейке для посетителей и ринулась в сторону буфета (мне смутно запомнился

указатель на первом этаже).

Через пару минут я вернулась с бутылкой воды. Сделав пару глотков, Стас выдохнул, и мне показалось, что лицо у него стало менее белым.

– Врач говорит, она проснулась – один из вас может войти, – подойдя к нам, сообщила тетка. – Думаю, это лучше сделать Стасу.

– О да. Хорошо. Одну секунду. У меня кружится голова, – механически сообщил он. – Я сейчас, сейчас.

– О-о, дружище, да тебе самому нужен врач. Сиди уж, неженка, пусть лучше Аллина подружка пока войдет, – проворчала Тамара.

Похоже, на самом деле она относилась к Стасу беззлобно, несмотря на то что подозревала его вину в неудавшемся самоубийстве племянницы. Может, знала, что у той расшатаны нервы? Конечно, выяснив, из-за чего все случилось, она бы действительно задушила голыми руками и его, и меня.

Я скользнула в палату и поначалу застыла на пороге – четыре кровати, четыре изможденных девушки, и ни в одной из них я не узнала Аллу. Ошиблась дверью? Я попятилась было обратно, как вдруг одна из девушек еле заметно приподнялась на подушке, глядя на меня, и у меня что-то екнуло внутри. Не может быть...

Посеревшая, растрепанная, с лиловыми тенями под глазами... конечно, я не ожидала, что она будет лежать в больничной постели в красно-зеленых одеждах и с ярким маки-

ажем, но к такой перемене почему-то была не готова. В голове мелькнуло, что для Стаса это будет удар – надо как-то предупредить его, что ли... или нет?

В глазах Аллы мелькнуло что-то похожее на ужас. Зачем я вошла, о чем только думала?! Сейчас у нее случится истерика и ей, не дай бог, станет хуже...

Я снова сделала шаг к двери, но Алла проскрипела еле слышно:

– Погоди.

Похоже на звук несмазанных петель.

– Не буду тебя беспокоить, – пробормотала я.

– Где Стас?

– Он здесь, скоро зайдет.

– Спасибо.

– Что?

Я шагнула к ней и осторожно, стараясь не сбить капельницу, присела на край кровати. По очертаниям ее руки под одеялом показались чересчур тонкими. Обман зрения. Можно ли так исхудать за день?

Наверное, ужас в ее глазах мне просто почудился – возможно, это было изумление. Но сейчас ее взгляд смягчился, на губах даже возникло подобие улыбки.

– Спасибо.

– Мне? За что?

– Не поверишь.

– Говори.

– Я... когда проваливалась... туда... все время твое лицо видела. Ты мне сказала, что надо выкарабкаться.

– Я? – шепотом переспросила я. – Почему я?

– Не знаю.

У меня голова пошла кругом. Значит, наша странная связь была двусторонней. Но это же мистика. Находясь в объятиях ее жениха, я одновременно спасала ее от смерти и даже не подозревала об этом. Я была глуха ко всем сигналам. Они прорвались ко мне только сегодня.

Тут до меня дошло, что Алла что-то шепчет. Наклонившись к ней, я никак не могла разобрать, что же именно, но потом поняла – скорее интуитивно.

– Come on and then save me from the dark, – повторила я. – Это из...

– Evanescence.

– Знаю.

Алла смотрела на меня без всякого выражения. Я не понимала, что лучше сказать, спросить... может, просто оставить ее в покое?

– Я тебе даже не принесла ничего, – ляпнула я.

Она сделала слабый жест рукой – вроде как отмахнулась.

– Ты как сейчас?

Глупее вопроса не придумаешь.

– Жива, – пробормотала Алла и прикрыла глаза.

– Ладно. Я тебя оставлю.

Она не отозвалась – возможно, снова уснула.

Когда я вышла из палаты, Стас уже пришел в норму и с готовностью бросился к двери.

– Ну как там? К ней можно?

– По-моему, она задремала. Посмотри, – рассеянно отозвалась я.

– Как там? – повторил он и, не дожидаясь ответа, скрылся за дверью.

На ватных ногах я прошла мимо тетки. Почему-то в голове засело, что надо сделать это как можно быстрее, хотя, скорее всего, она и внимания на меня не обратила – до того ли ей было.

Я спустилась по лестнице на первый этаж, взяла свой плащ, вынырнула на улицу, на свежий воздух. И вместо того, чтобы испытать облегчение и замедлиться, ускорила шаг.

Совершенно внезапно (до аллюзий ли было в тот момент?) я поняла, что напоминаю себе апдайковского Кролика.

«Еще прежде, чем в ушах загудел ветер, руки сами собой взлетают вверх, каблуки вначале тяжело грохочут по мостовой, потом, без всяких усилий с его стороны, в нем нарастает какой-то сладкий ужас, шаг становится все легче, быстрее и спокойней, и он бежит. Бежит. Бежит».

Глава 9

В тот день Стас не пришел и не связался со мной. В понедельник в дверь звонили три раза, но я не открыла. Во втор-

ник встретила папу в коридоре – он сообщил, что Стас заходил вернуть футболку и куртку. На вопрос, почему меня с ним не было, пришлось ответить, что я была дико занята дипломом (надеюсь, Стас сказал ему то же самое, хотя бы приблизительно).

Следующие пару недель я не отвечала на звонки, кроме родительских, не открывала дверь и действительно писала диплом. Наверное, у меня никогда в жизни не было таких странных двух недель, и дело было даже не в том, что я виделась только с дипломным руководителем, а прогулки совершала только в одиночестве, вокруг дома или до ближайшего гастронома. Я почти ни о чем не думала – старалась обрубать все мысли на корню, убеждала себя, что меня ничто не интересует. В конце концов посторонние мысли стали обрубаться уже сами, без моих усилий: в мозгу периодически вспыхивали имена и почти сразу гасли. Алла (?....). Жанна (...). Стас (??...).

После майских праздников я сдала диплом на проверку и, не представляя, чем заняться теперь, впервые в жизни проспала почти целый день. Просыпалась, перекусывала – и опять ложилась. Каждый раз мне казалось, что теперь уж я точно не засну, но сон приходил снова, и я погружалась в него с облегчением и радостным узнаванием, будто встречая старого друга. Сны мне, к сожалению, не снились – либо я ни один не запомнила.

В день рождения Жанны, открыв глаза, я сразу с такой

тоской вспомнила прошедшие дни, будто мне предстояло выходить на работу после долгих праздников. Я бы ни с кем не общалась еще очень долго, но забыть о такой дате не имела права. И нужно было пойти купить тот сертификат в подарок.

Выйдя из салона, я поняла, что по-прежнему не позвонила Жанне, и достала мобильный телефон. Звук на нем был отключен уже давно и проверяла я его нечасто, так что я обнаружила очередную порцию пропущенных вызовов, но, даже не став смотреть, от кого они, набрала номер подруги.

– А вот и ты! Думала, ты вообще про меня забыла, – не дав мне произнести традиционную поздравительную речь, застрекотала она в трубку. – Как насчет того, чтобы посетить мою безалкогольную вечеринку? Кстати, какой сок ты предпочитаешь? А может, морс или что-нибудь в этом роде?

– Безалкогольную вечеринку, – повторила я. – Значит...

– Да-да, все подтвердилось, я беременна! – Последнее слово она выдохнула с таким восторгом, что я впервые за много дней улыбнулась.

– Поздравляю. Раз так – сразу с обоими событиями.

– Я пыталась дозвониться до тебя, но это же было невозможно. Где ты была эти полмесяца? Даже дверь мне не открыла! Я волновалась! Ты что, уезжала? – Жанна не стала дожидаться моего ответа – для этого у нее было, похоже, слишком много эмоций. – Чертов доктор Голицын оказался не только продажным, но еще и недобросовестным. И слава

богу. Жду тебя в пять у себя.

Не передать словами, до чего меня напряг этот визит. Подарок Жанна оценила, а в остальном был полный мрак – темой вечера стала отнюдь не сама именинница, а ее положение. Три ее подруги (все замужем, две с детьми, одна мечтающая о ребенке) почти сразу же принялись с упоением обсуждать вынашивание, кормление и прочие прелести, и конца-края этому не было.

Из мужчин на этой, с позволения сказать, вечеринке присутствовали только Сема и муж одной из девушек (видимо, никого не прельстила мысль о празднике без алкоголя), и они практически поселились с сигаретами на балконе. Я весь вечер завидовала черной завистью, поглядывая из комнаты на их спины и локти – больше ничего я разглядеть не могла, – а потом не выдержала и тоже выскользнула на балкон.

Услышав скрип двери, оба обернулись и вопросительно посмотрели на меня.

– Я покурю с вами. Не возражаете? Только вот у меня... кажется, сигарет с собой нет, – проворковала я, делая вид, что роюсь в карманах.

Сема молча протянул мне толстую «Мальборо» и зажигалку. Затянувшись, я чуть не закашлялась.

– Крепкие.

– Это да, – сказал второй парень.

– Рада за вас с Жанной, – произнесла я, повернувшись к Семе, и подумала о том, что ни танцев, ни психологическо-

го образования в жизни моей подружки уже, скорее всего, не будет. Впрочем, она ведь получила как раз то, чего больше всего хотела... так не все ли равно?

– Я тоже рад. – Мне показалось, Сема даже слегка улыбнулся – ну надо же.

Не знаю, почему, но я ждала, что он спросит, зачем мне понадобился телефон Аллы, хотя при постороннем человеке это было бы довольно странно, да он уже и забыл, наверное, о том случае. Вместо этого Сема внезапно сообщил:

– Жанне вчера звонил какой-то твой друг. О тебе спрашивал.

– А она что? – Пепел с моей сигареты приземлился на балконный пол, и я стряхнула его вниз носком тапочка.

– Сказала, что сама не может до тебя дозвониться.

– Так и было.

– Ты, наверное, уезжала? – дружелюбно осведомился второй.

– Ну... я была сильно занята. И еще моя подруга пыталась покончить жизнь самоубийством.

Сема слегка содрогнулся, а второй пробормотал:

– Кошмар. Как она сейчас?

– Не знаю.

Они посмотрели на меня странно и как по команде отвернулись.

– Я все выясню, – зачем-то добавила я и бросила еще не потушенную сигарету в пепельницу.

Уже совсем стемнело, и мне пришло в голову, что, вероятно, я могу улизнуть, сославшись на позднее время. Достав из кармана джинсов телефон с по-прежнему отключенным звуком, я обнаружила, что мне звонит Гена. Можно было в очередной раз не взять трубку, но этот разговор избавлял меня от необходимости курить вторую сигарету, когда у меня еще от первой кружилась голова, и сидеть в уголке с шестым по счету стаканом сока, внимая беседам о радостях материнства. Поэтому я нажала «ответить» и вышла с балкона.

– Привет. Ну надо же, ты взяла. Даже не ожидал.

Такое начало мне почему-то не понравилось, и я отозвалась холодно:

– Зачем тогда звонил?

– Да надеялся на чудо. Как ты там?

– Хорошо. Диплом закончила, вот жду результатов проверки. – Я проскользнула в коридор мимо Жанниной компании.

– Здорово, молодец. Ты дома? Может, прогуляемся? Погода дивная.

Моей маме наверняка понравилось бы это странное сказочное словечко – «дивная». Не встречала ни одного другого парня, который бы его произносил.

– Я не дома. Я на дне рождения у подруги.

– Когда собираешься обратно? Тебя, может, встретить?

– А который час?

– Сейчас посмотрю... одиннадцать. Без десяти. Ого, про-

сти, я и не знал, что так поздно звоню! Готовился к важному зачету – он уже в понедельник – и не уследил за временем...

Одиннадцать? Неужели я вытерпела целых шесть часов? Да я героиня. Внезапно мысль о том, чтобы Гена пришел за мной, показалась мне не такой уж плохой. На самом деле, рассудила я, маршруток теперь уже не дождешься, а так можно будет не вызывать такси... к тому же уйти, объяснив, что тебя ждут, всегда легче, чем уйти просто так, когда все остальные еще сидят и никуда не собираются. Наверное, те, у кого есть дети, оставили их бабушкам и наслаждаются краткосрочной свободой.

– Действительно поздно. Встреть, если хочешь. Тут не очень далеко.

– Скажешь адрес? – оживленно перебил меня Гена – по моему, впервые в жизни. Не совладал с эмоциями.

Было приятно, что у кого-то вызывает такой восторг возможность переться за мной куда-то среди ночи.

Он примчался уже через двадцать минут. Жанна чуть не подавилась соком, когда я заявила, кто за мной пришел.

– Это тот, который «просто сосед»? – с подозрением спросила она. – Чую, ты опять мне много чего должна рассказать...

– Потом, – многообещающе улыбнулась я.

К своему стыду, хлопнув дверью подъезда, я испытала ни с чем не сравнимое облегчение.

Глава 10

– Тысячу лет тебя не видел! – Внезапно возникший рядом со мной Гена вытянул руки, чтобы обнять меня, и в темноте его фигура в черном плаще напомнила силуэт взлетающей птицы.

– Плащ – в мае? – произнесла я.

– Ночь прохладная, – извиняющимся тоном отозвался Гена, не опуская рук, и пришлось все-таки позволить себя обнять.

Ну да, градусов пятнадцать. Холодрыга, действительно. По мне так парень, перекутывающий себя, как старая бабка, – это просто смешно. Но, может, я придираюсь.

– Ну, как там мои родители? Я давно с ними не ужинала, разговариваем по телефону да сталкиваемся в подъезде. Что у них новенького?

Совершенно не замечая моего ироничного тона, Гена радостно ответил:

– Купили микроволновку.

Жаль, что он не сказал «микроволновую печь».

– Да, старая уже плохо грела.

– Они такие милые люди, Ида!

– Я знаю.

– Тебе бы с моими познакомиться. Съездила бы с нами на дачу на пикник...

– У вас есть дача?

– Да, за городом.

Ох, не может быть, а я-то думала, что в центре города.

Я обнаружила, что становлюсь прежней – язвительной, равнодушной, с вечным желанием остаться одной.

Люди гуляли по улице, как днем – в парке, мимо которого мы прошли, не оказалось ни одной свободной скамейки, а в круглосуточный магазинчик выстроилась целая очередь. Это был первый по-настоящему теплый уикенд. Пожалуй, я спокойно могла обойтись и без провожатого. Зато удалось вырваться от Жанны без помех.

Я подумала о ее замужних подружках, которых я раньше даже не видела, о строгом сером платье, в котором она встречала гостей, и ощутила раздражение. Ну вот, снова. Все возвращается на круги своя. Недолго я была альтруистичной и благосклонной ко всему миру. Надо было поймать момент и понаделать добрых дел, а я?.. Чуть не свела человека в могилу. Ну, навестила потом этого человека. Из хорошего – однажды прикрыла Жанну перед родителями, взяв на себя вину за плохое пюре. Почему-то в голову пришло только это. Негусто. Может, было что-то еще, но я забыла. Неудивительно – ведь в последнее время я только и делала, что старалась обо всем забыть.

А, ну да, еще я не сказала Стасу об измене Аллы. Ну и очень правильно сделала, нечего в чужие дела лезть.

Гена вышагивал рядом, сунув руки в карманы, и что-то оживленно рассказывал. Я пропустила мимо ушей все от первого до последнего слова, даже не стала утруждать себя

вежливыми кивками.

– Большое спасибо, что проводил, – сказала я, когда мы вошли в лифт.

– Было очень приятно, – искренне улыбнулся Гена, и мне стало слегка стыдно. Раньше бы не стало – все-таки что-то из последних месяцев во мне, видимо, закрепилось.

– Может, зайдешь? – ляпнула я (зачем??). – Чаю выпьем.

– Э... даже не знаю... уже поздно, – замялся он.

– Родители будут волноваться?

– Ну да... хотя... я им позвоню. В конце концов, завтра воскресенье, никуда с утра идти не надо.

– Да нет. Раз будут волноваться, то и не стоит.

– М-м... – разочарованно протянул он.

– В принципе, если хочешь, мы можем ненадолго пойти ко мне и заняться сексом, но только один раз, больше ни на что не рассчитывай, – дружелюбно произнесла я – просто захотелось посмотреть, как вытянется его физиономия.

Убедившись, что Гена совершенно сбит с толку, я все с той же непринужденной улыбкой пояснила:

– Я пошутила.

– Э... я понял, – выдавил из себя он.

Лифт остановился на моем этаже, я так же любезно проговорила «до скорого» и выскользнула на лестничную площадку.

Подходя к своей двери, я посмеивалась, а когда полезла за ключом, меня разобрал такой хохот, что я никак не мог-

ла подцепить его – ключ все время выскальзывал, а в конце концов со звоном опустился на пол. Я сочла это знаком того, что домой идти не время, и недолго думая развернулась обратно к лифту.

Ночь даже разочаровала меня – никаких тебе опасных приключений, ничего экстраординарного. Разве что легкий привкус свободы. Не так уж часто мне приходилось гулять в это время суток, а одной так и вовсе не приходилось.

Я прошла по улицам, посидела на одной из немногих свободных лавочек в парке и вернулась домой. Во дворе было безлюдно и темно, свет горел лишь в нескольких окнах, и на секунду я подумала: вот оно, где-то здесь притаился бандит, и сейчас меня убьют (хорошо, если сразу). Наивное представление типичного «дневного» жителя города о ночи. Но мне повезло – если бандит где-то и прятался, то я его не заинтересовала. Действительно, зачем ему серая мышь, как когда-то назвала меня Алла.

Ее имя не обрубилось, едва вспыхнув в голове, как это происходило в последнее время, а будто мягко погрузилось обратно в глубину сознания и утонуло там, под толщей. Наша внутренняя связь умерла. Я больше ее не чувствовала. И вообще, все стало пресным. Как раньше. Только я уже не хотела жить как раньше.

Дома я сразу же переделась в ночную рубашку, нырнула под одеяло и взяла телефон. Так и есть, я не удалила ее – ту

SMS от Семы, в которой был номер Аллы.

Глава 11

Она ответила почти сразу – то есть я ее не разбудила. Впрочем, десять утра – более или менее нормальное время для звонка, даже в воскресенье. Не то что три ночи, – а ведь я чуть было не позвонила сразу после того, как обнаружила номер.

– Алло. – Довольно вялый голос с еле уловимой вопросительной интонацией.

– Привет, это Ида.

– Откуда ты знаешь мой номер? – Судя по тону, Алла на-пряглась.

– Неважно. Как ты себя чувствуешь? Тебя выписали?

– Да.

– Стало быть, Тамара уберегла-таки тебя от лечебницы.

Врачи все больше разочаровывали меня своей продажно-стью: сначала доктор Голицын, теперь эти... или этот... или эта... кто знает, кому именно Тамара дала взятку. Может, всем сразу.

– А имя моей тетки тебе откуда известно?!

– В больнице познакомились. Так значит, ты чувствуешь себя хорошо.

– Да. Оставь меня в покое. – Алла внезапно перешла на шепот, а потом я услышала голос Стаса:

– Алла, кто это? Это не Ида?

С какой стати это должна быть я, интересно? У него прямо особое чутье. Может, теперь он переключился на мою волну? Впрочем, способен ли он на такое? Он всегда только на своей. Что бы он там ни болтал о безграничном доверии и о том, что хочет смотреть на мир моими глазами. Очередная романтическая прихоть.

– Нет, это не она, – раздраженно отозвалась Алла, и после нервного «с кем ты говоришь?!» вызов прервался.

Через несколько минут мне стали звонить, долго и настойчиво. Стас. Я не шелохнулась. Что бы я ему сказала? Ничего определенного у меня в голове не было.

Вопрос с Аллой был решен, и, вероятно, это был наш последний разговор. Впрочем, я и не ждала, что мы будем вместе ходить по магазинам и на маникюр и обсуждать последние сплетни о звездах Голливуда (от одной этой мысли мне стало весело, почти как вчера после общения с Геной).

Бросив разрывающийся от звонков телефон на столе возле компьютера, я накинула халат, вышла на лестничную площадку, подошла к двери квартиры родителей и нажала на кнопку звонка.

Открыл папа.

– О, дорогая, ты наконец-то решила зайти, – произнес он, пропуская меня. – Дай я тебя обниму... Как диплом?

– Пока не знаю – сдала на проверку, – ответила я, прижавшись к нему.

Из комнаты высунулась голова мамы, украшенная бесчис-

ленным количеством бигуди.

– Ой! – воскликнула она и механически схватилась за голову, будто собираясь содрать с нее бигуди, но тут же отдернула руку: видимо, они были еще горячими.

– Не волнуйся, мам. Как видишь, я тоже особенно не наряжалась. В конце концов, мы ведь одна семья, – успокаивающе произнесла я.

– Ну да, конечно, Идочка, – облегченно произнесла мама, но ее голова все же исчезла из дверного проема.

– Мы в гости собираемся... помнишь Ивлевых? Вот у тети Люды день рождения, – пояснил папа с улыбкой.

– Надеюсь, я не помешаю сборам. Просто заглянула... посмотреть на вашу новую микроволновку.

– А, Гена рассказал? – Наклонившись к моему уху, он прошептал: – Вы все еще просто друзья?

– Конечно.

– Тогда я могу тебе признаться: он меня уже ЗАДОЛБАЛ. Приходит как к себе домой. Мне кажется, даже мама начала слегка напрягаться. Ты намекни ему, что ли, что мы не всегда ждем гостей.

Видать, в последнее время с его чувством меры что-то произошло: мне он тоже стал названивать с утра до вечера.

– Думаю, ко мне Гена еще долго не будет заходить. Я его вчера... слегка смутила, – хихикнула я. – Впрочем, может быть, с вами у него уже отдельные отношения.

– Он такой скучный, я готов зубами скрежетать, едва он

открывает рот. И он хотел подлизаться ко мне, подарил пепельницу совершенно без повода! Ну, вроде как случайно проходил мимо магазинчика, увидел и подумал, что мне может понравиться. Это, конечно, здорово, но уже чересчур.

– И пепельница наверняка не такая, какая тебе нужна?

– Да нет, неплохая, в виде грецкого ореха... у меня такой нет... думаю, не слишком дешевая. Но если он решил, что таким образом расположит меня к себе, то ошибался. Меня так просто не купишь! Вообще, Стас гораздо лучше этого Гены – ну, мое мнение. Придешь с ним еще как-нибудь?.. Тс–с, мама идет.

Глава 12

Родители уговорили меня позавтракать с ними, а потом я вернулась к себе. Телефон безжизненно молчал, будто из него выпили все соки. Выяснилось, что так и есть – непрерывные звонки посадили батарейку. Поставив мобильный на зарядку и на всякий случай проверив пропущенные вызовы (хотя я была более чем уверена, что звонил только Стас), я обнаружила, что среди них затесался один от моего дипломного руководителя.

Тому, что он решил связаться со мной воскресенье, я уже не удивлялась. Перезвонила.

– Ида, здравствуйте, – деловито проговорил руководитель. – Я проверил ваш диплом и прислал вам по почте со всеми замечаниями и поправками.

– Большое спасибо, сейчас посмотрю, – сказала я.

Жаль его все-таки – заняться ему, что ли, больше нечем в выходные?

– Знаете, я тут подумал... дипломная работа... написана вами... на очень высоком уровне. – Он смущенно откашлялся, как примерный семьянин, ляпнувший фривольный комплимент малознакомой девице. – И тему можно еще развивать. Я думаю, вам стоит подумать о диссертации.

– Э-э... спасибо, я подумаю.

– После вашей защиты я поговорю об этом с замдекана.

Ого, да он, похоже, серьезно. Аспирантура. Ну... в конце концов, никаких других планов на будущее у меня нет. Нет работы – даже из компании, для которой я делала компьютерный набор, больше явно не обратятся: я игнорировала их все две недели своего отшельничества.

Я еще раз поблагодарила руководителя и пообещала на днях выслать ему окончательный вариант своей работы, с учетом всех его замечаний. Как только я завершила разговор, Стас снова стал звонить. Совершенно не щадил нервы Аллы – она там, наверное, бегала вокруг него и пыталась отобрать у него мобильник. А может, он заперся от нее в ванной?

Мне стало даже интересно, что он хочет мне сказать, что считает уместным при данных обстоятельствах. Я бы на его месте растерялась и, наоборот, затаилась – что, собственно, и сделала на своем, – но, возможно, я недооцениваю его на-

ходчивость?

Подумав, я сгребла телефон со стола и нажала «ответить».

– Привет, – не сразу послышалось в трубке (очевидно, он тоже не ожидал, что я сменю гнев на милость).

– Привет, – не стала оригинальничать я.

– Ты ответила.

– Ну да.

– М-м...

Нет, не такой уж он и находчивый.

– Ну... как ты там?

– Хорошо.

– Это ведь ты звонила Алле час назад?

– Нет.

– А по-моему, ты.

– Нет. Как она себя чувствует?

– Неплохо. Тамара все уладила.

– Я так и предполагала. Надеюсь, теперь ты не отходишь от Аллы ни на шаг?

– Сейчас отошел на кухню.

А я ведь так и не побывала у Аллы на кухне. Наверняка она тоже вся красно-зеленая.

– То есть она не слышит, что ты со мной разговариваешь?

– Нет, сама болтает по телефону с теткой. Тамара стала звонить ей постоянно, еще и приходит каждый день. Контролирует все.

– Поэтому ты не можешь сбежать, бедняжка.

Стас промолчал.

– А Алла не видит, что ты все время мне набираешь?

– Да знаешь, я уже трубку к уху не подношу. Просто включаю автодозвон и кладу мобильник неподалеку. Ты же все равно не отвечаешь.

– О, теперь ясно, почему ты не сразу сориентировался, когда я взяла.

– Ага.

– А что именно ты хочешь мне сказать?

Ну надо же, из него еще приходится клещами все вытягивать. Может, за эти две недели он и забыл, зачем ему так необходимо меня услышать, и пытался дозвониться уже просто на автомате?

– Сказать, что... что люблю тебя, наверное. И что все наладится. Только надо подождать.

Да, очевидно, я недалеко ушла от истины. Все гениальное просто. Вот, оказывается, зачем он ежедневно сажал мне батарейку. Ну а чего еще я хотела? Может, этого и достаточно? «Люблю», «наладится», «подождать»... разве плохо звучит?

– Я имею в виду, что... я ничего не забыл, – добавил он. – Ну, из того, что говорил тебе. Все так и есть. Ты же... все помнишь?

– Даже больше, чем нужно.

– О, ты про ту ночь, когда я напился и... что ж, надеюсь, мы все-таки вернемся к этому вопросу. – Голос Стаса прозвучал не слишком уверенно.

– Брось, ты ни на что не надеешься, ты не знаешь, что делать, и ты, как обычно, в тупике, – любезно подсказала я. – Не бойся казаться уязвимым и слабым – это не повредит твоей независимости.

– Ты высмеиваешь слова, которые я так искренне говорил...

– Разве ты слышишь в трубке смех? Вообще-то, очень хорошие были слова. И насчет того, что ты не хочешь, чтобы мы были обычной парой, – прямо в точку. Я тоже этого не хочу.

Стас снова замолчал – очевидно, почувствовал подвох и ждал, пока он вскрыется. Я не стала заставлять его долго ждать.

– Пожалуй, любовь на расстоянии – это наш вариант. Прямо как для нас придуманный.

– Что?

– Ну, так мы не будем друг другу мешать, скорее поможем. Мой образ и воспоминания обо мне будут согревать тебя даже после двадцати лет несча... замечательного брака.

– Э-э...

И снова не слишком находчиво. Стас прямо разочаровывал меня. Что за мужчины пошли – приходится всю инициативу брать на себя.

– А что, разве лучше будет, если мы поженимся, начнем ссориться и ты станешь искать утешения у какой-нибудь другой Иды?

– Э-э...

– Ну, не Иды – Маши, Кати, все равно. Есть же у тебя потребность мстить таким образом самому себе за мучительные отношения. Я теперь начинаю понимать: это не только утешение, но и месть себе. Чтобы еще и совесть грызла. Ты так любишь себя бичевать, но при этом так любишь себя, что это даже мило.

– С чего ты решила, что наши отношения будут мучительными?

Наконец-то внятная, законченная фраза.

– Ты другие не воспринимаешь. Если они и не будут мучительными, ты их таковыми сделаешь – может, даже только для себя.

На мгновение я почувствовала себя Жанной, с ее стройными психологическими теориями, и одновременно осознала, что успела устать от этого разговора и продолжать его – тем более в том же пошло-глубокомысленном ключе – мне совершенно не улыбается.

Потом я подумала: что, если я больше не люблю Стаса? Не слишком-то приятные вещи я ему говорю, не слишком-то берегу его нежную психику. Но что-то во мне протестующе встрепенулось, и я успокоилась. Оказывается, с любовью жить куда приятнее, чем без нее. В последнее время казалось, что во мне умерло решительно все, но, видимо, пока еще нет.

– Ладно, иди к Алле, а то она тебя хватится, – посовето-

вала я. – Ничего ей от меня не передавай.

– Ида...

– А?

– Я подумаю, как все уладить. Честно. Я что-нибудь придумаю.

Нет, он не понял меня и не услышал. Наверное, он вообще не способен такое понять. От этого мне сделалось совсем легко – как в детстве, когда молочный зуб долго шатается, а потом наконец выпадает. В первую минуту это неприятно, но ты радуешься, потому что уже знаешь, что теперь он не будет тебя беспокоить.

– Хорошо, Стас. Пока.

– Я люблю тебя, – сказал он как-то бесцветно.

– Я тоже тебя люблю.

У меня было ощущение, что это наш последний разговор – забавно, что с ним и с Аллой я распрощалась в один день. И я, наверное, должна была всплакнуть и повспоминать всякие лирические моменты – как мы смотрели передачу про садоводство, как пили мартини в кафе или как Стас примерял розовую рубашку моего покойного дедушки... Но я этого делать не стала. Вместо этого я отложила телефон, включила компьютер, залезла в электронную почту и скачала файл, присланный дипруком.

Просто не верилось, что из-за нехарактерного усердия, проявленного мной в тот период отшельничества, меня действительно ждет аспирантура. Буду посещать никому не

нужные лекции три дня в неделю, писать никому не нужную кандидатскую диссертацию по пиар-менеджменту и преподавать всякую муру болтливым и глумливым студентам и шелкающим пудреницами студенткам, которым будет глубоко наплевать на то, что им рассказывает какая-то девчонка на пару лет старше их.

Подходит ли мне это? Еще полгода назад я бы, наверное, сказала, что да, почему бы и нет. Хорошая работа – непыльная, спокойная. Не очень денежная – ну так можно подрабатывать, времени-то будет достаточно. Хотя бы компьютерным набором – у меня ведь неплохо получалось...

Мама в свое время не поступила в аспирантуру и очень по этому поводу сокрушалась, ведь это было бы как раз по ней: библиотеки, кропотливый, тихий и неприметный труд. Ее смущала только необходимость периодически выступать перед целой аудиторией. Возможно, именно эта маленькая деталь позволила ей в конце концов перестать беспокоиться об упущенных возможностях. Иначе она горевала бы до сих пор.

Видимо, то был все-таки не ее путь. Иначе она бы от него никуда не делась. Или он от нее. Тут ведь ничего не поделаешь, как ни сопротивляйся, как ни переворачивай. Я должна быть свободной, Жанна должна родить ребенка и посвятить ему всю жизнь, Стас должен...

Да нет, на самом деле никто никому ничего не должен. Просто у каждого своя истина.

Глава 13

К несчастью, Гена знал о дате моей защиты – кажется, ему ее назвала мама. Она также добавила, что мы обязательно устроим по этому поводу торжественный ужин, на который он, разумеется, приглашен. Но, видимо, это было достаточно давно и с тех пор что-то изменилось: когда я предложила сделать вид, что мы переносим ужин, и таким образом избавиться от Гены, мама даже не стала сильно возражать.

Было решено позвонить Гене после моей защиты и сказать, что я слишком устала и лучше отпраздновать на следующий день, а потом...

– А потом разберемся, – сказал папа жизнерадостно. – Кто-то из нас может, например, внезапно заболеть...

– Не дай бог! – с укором произнесла мама.

– Ну-у, пусть тогда нас всех вместе пригласят в гости. Он же не член семьи, чтобы идти с нами!

– И то хорошо. Ладно, придумаем что-нибудь. В крайнем случае можно просто не взять трубку, – внесла идею я.

– Это невежливо, – как мне показалось, с некоторым одобрением отозвалась мама.

В итоге все сложилось наилучшим образом: выяснилось, что мать Гены выиграла в каком-то конкурсе горящую путевку в Турцию на двоих, но муж не смог составить ей компанию из-за работы, а Гена успел сдать сессию, в основном «автоматом», поэтому было решено, что он присоединится

к матери. Они улетали как раз в день моей защиты.

Я все-таки решила взять трубку, когда он позвонил, чтобы уныло сообщить мне об этом, и великодушно успокоила его («Очень жаль, конечно, что тебя не будет, но хорошо, что ты едешь на море, мы все очень за тебя рады»). В глубине души я надеялась, что он закрутит там курортный роман и хотя бы на эти десять дней забудет обо мне и моих родителях. Да, шансов было мало... но одна мысль о том, что этот ужин обойдется без него, немного грела меня, когда я готовилась к выходу из дома в тот знаменательный день.

Я убрала с будильника мелодию *Evanescence* и поставила ту самую, *Slipknot*. Она по-прежнему меня раздражала, но одновременно вызывала приятные ассоциации. К тому же под нее действительно было куда легче проснуться – вернее даже, под нее было просто невозможно не проснуться.

Не успела я закрыть дверь квартиры, как позвонила Жанна, чтобы пожелать мне удачи – подумать только, встала так рано специально ради этого.

– Я записалась на гимнастику для беременных, – ликующе сообщила мне она. – Кстати, тренер уже после первого занятия сказала мне – как и ты тогда, – что я очень гибкая. Можно будет когда-нибудь и о танцах подумать... Завтра пойду на стрижку по тому сертификату, который ты мне подарила. А сегодня вечером у меня как раз гимнастика!

Я не понимала, что ее так радовало в необходимости совершать нелепые движения в компании потных неповорот-

ливых женщин с огромными животами и одышкой, но решила порадоваться вместе с ней:

– Замечательно. Просто отлично.

Чуть было не добавила, что просто-таки завидую, но было бы уже чересчур.

– Я все никак не спрошу: ты со Стасом поговорила? – спохватилась Жанна. – Он же даже мне звонил... я тебе не передала?

– Сема передал на твоём дне рождения.

– А-а, ну вот. Ты его бросила, да? Чем все кончилось-то?

– Да ничем.

– Как это?

– Вообще, все как надо.

– Это как? – слегка изменила вопрос Жанна.

– Это... закономерно, – подумав, заявила я.

– Ладно, потом поговорим, – сдалась она. – А сейчас иди на защиту и настройся на лучшее.

– Спасибо. Так я и делаю.

– Ты ведь позвонишь мне, когда сдашь?

– Конечно.

– Ну, все тогда... пока, удачи.

Я вспомнила, как она ждала меня под дверью после моего госа, какой растерянной выглядела весь день, хоть и улыбалась, как неуютно ей было, когда мы отмечали вечером с вином...

И отлично, что все позади, что ее приоритеты вновь рас-

ставлены и в этот раз она не будет меня ждать. Эта мысль была странной, но искренней.

В отличие от большинства, я совершенно не волновалась перед комиссией. Спокойно все рассказала и без запинки ответила на вопросы – мне даже не понадобилась бумажка с планом выступления. После моей защиты один из членов комиссии зачитал вслух отзыв рецензента, который я уже видела до этого – в конце рецензии была строчка: «Выпускница рекомендована к поступлению в аспирантуру». Или как-то так, дословно не помню.

Когда отстрелялись все, чья защита была назначена на этот день, комиссия выпроводила нас из кабинета минут на пятнадцать и, вроде как посоветовавшись, пригласила обратно. Мою оценку объявляли в числе первых.

– Несомненно, отличная работа, причем с неплохими перспективами. Мы считаем, что вам действительно стоит подумать об аспирантуре, – важно произнес председатель комиссии.

– Благодарю вас, но мне хотелось бы для начала попробовать поработать по специальности. В конце концов, практика всегда полезнее, чем теория, – с вежливой улыбкой ответила я.

– Хм... что ж, тоже верно. Если вам понадобится помощь в поиске работы, можем дать некоторые рекомендации.

Иными словами, у них есть связи. Ну естественно.

Сидевшая неподалеку от меня студентка мажорного вида, имя которой я забыла, поморщилась – наверняка от зависти. Больше никому таких предложений не делали.

– Большое спасибо, – сказала я. – Это было бы очень кстати.

– Зайдите в деканат на днях. И не отмечайте сразу вариант насчет аспирантуры. Было бы глупо зарывать такую работу...

– Ну все, – вмешался мой дипломный руководитель, – пусть человек решает сам.

При этом он посмотрел на меня с сожалением – хотя, возможно, мне показалось. Впрочем, пусть бы хоть зарыдал – не собиралась я себя связывать. Теперь, когда была по-настоящему свободна. От университета. От запутанных отношений. Временно – даже от назойливого поклонника. Да много от чего на самом деле но это было не так просто описать. В моей жизни осталось только то, что мне нужно: любовь и легкость.

Любовь – и легкость.

Глава 14

Как только я открыла дверь института, солнечный свет прямо-таки ударил в глаза. Можно было истолковать это как символ светлого будущего, которое меня теперь ожидало. Я не успела развить как следует эту мысль: отвлекла Жанна, стоявшая на крыльце.

– Я решила не нарушать сложившуюся традицию, – почему-то виновато пробормотала она. – Как все прошло?

– На «отлично».

– Молодчина! Пойдем куда-нибудь выпьем, отметим?

– Погоди, как? Алкоголь?! Ты же...

Внутри все сжалось. Неужели что-то с ребенком?!

– Вот. – Жанна извлекла из сумки бутылку с соком (наверняка персиковым, у нее ведь пунктик на персиковом) и потрясла ею у меня перед носом. – Тут хватит на двоих.

– О... непременно выпьем, – облегченно расхохоталась я. – Посидим в парке, раз погода такая классная. За распитие сока в общественном месте нас, надеюсь, не оштрафуют.

– Ты имеешь в виду сквер, который в той стороне? Замечательно, я как раз хотела зайти там в один магазинчик.

– С каких это пор ты полюбила ходить по магазинам?

– Ну, это особый магазинчик... сейчас увидишь. Расскажешь ты мне наконец, как прошла защита?

– Да как... скучные студенты и студентки, напялив свою самую скучную одежду, со скучными лицами рассказывали скучным членам комиссии довольно скучные вещи.

– О, звучит весело.

«Особый магазинчик» оказался маленьким бутиком для беременных. Никогда не видела, чтобы у Жанны так горели глаза при виде тряпок.

– Потрясающе! – восклицала она, вертя в руках странное платье, напоминавшее плащ-палатку. – Ой, мы же правда не

торопимся? Можно я надену и посмотрю, как оно на мне смотрится? Пожа-алуйста!

– Да конечно, – пожалала плечами я и присела на стул возле примерочной.

Через минуту подруга выплыла ко мне со счастливым видом. Платье и так было больше ее на пару размеров, а на ее плоском животе собралось огромными складками. Не верилось, что всего через несколько месяцев оно будет ей впору.

– Ну как? – спросила Жанна, повертевшись передо мной.

– Ну... тебе идет белый. Почему ты никогда его не носила? Даже на свадьбу не надела.

– Потому что на самом деле только теперь в моей жизни наступила белая полоса! А как в целом?

– Хм, на вкус и цвет...

– Как будущий психолог я могу заключить, что тебе не понравилось, – засмеялась она.

– Будущий психолог? – переспросила я заинтересованно. – Планы еще в силе?

– А куда ж они денутся! Должна я когда-то реализовать себя... ну, не только как мать. – Жанна бережно погладила себя по животу. – Отличное платье, беру. Хорошо, что оно теплое – мне оно пригодится как раз где-то в середине осени.

Она порхнула к кассе и, доставая кошелек, повернулась ко мне с таким видом, будто собиралась сообщить мне что-то потрясающее:

– А знаешь, что?

Я быстро перебрала в уме возможные варианты сногшибательной новости, но все они показались мне невероятными. У нее будет двойня или тройня? Она переезжает в Австралию? На нее внезапно свалилось наследство?

– Сема читает в интернете книгу о том, как правильно ухаживать за ребенком! Представляешь?

– Супер, – сказала я, почему-то снова ощущая невероятное облегчение.

– Слушай... – Жанна влюбленным взглядом проводила платье, которое продавец убрал в пакет с логотипом магазина. – Я беременна всего два месяца, а мне уже жаль, что это закончится! Такое волшебное состояние, даже неважное самочувствие по утрам воспринимается легко. Может, мне сразу второго попробовать? Ладно, шучу, не смотри на меня так! Это я тебе на будущее, ты же тоже когда-нибудь семью заведешь, так вот заранее говорю: беременность не так ужасна, как ее малюют. Уверена, что быть матерью мне тоже понравится, да и тебе тоже, кому это может не понравиться! Семья – это здорово. Кстати, как там все-таки у вас со Стасом?

Я бы поспорила, чтобы это было «кстати», но не стала портить ей настроение мелкими придирками.

– Думаю, у нас все. По крайней мере, ничего нового уже не произойдет.

– А если бы ты послушалась меня и рассказала ему про Аллу, он бы ее бросил, и...

– Жанна-а.

– Что? Ну что?

– Все шикарно. Я защитила диплом. Гена уехал отдыхать.

Родители вечером ждут меня на ужин. Ты, моя лучшая подруга, ждешь ребенка и счастлива. Не правда ли, это грандиозно? Ну, все вместе?

– Ты серьезно? – зачарованно переспросила Жанна.

– А что из этого тебя так удивило?

– Я твоя лучшая подруга? Ты говоришь мне это впервые.

– Тем не менее это факт. А теперь пойдем уже в сквер и выпьем соку. Что-то прямо в горле пересохло.

– Так хорошо сейчас, – прошептала Жанна и зажмурилась – мне даже показалось, что она собирается заплакать. – Тебе тоже, да?

– Да, – медленно кивнула я. – Мне тоже.

Глава 15

– Ну конечно. Чего еще можно было от тебя ожидать.

Тамара всыпала в компот целую гору сахара и принялась агрессивно его помешивать. Кипящее варево выливалось через край кастрюли на плиту, вызывая у Стаса ассоциации с ведьминским зельем.

– В конце концов, имею я право делать то, что хочу? – воинственно произнес он.

– Конечно! Я не сомневаюсь, что ты себя не обидишь. Пусть Алла сколько угодно лезет в петлю...

– Прекратите меня шантажировать.

– Пойди и успокой ее, она не в себе.

Стас выглянул из кухни и обнаружил Аллу полулежащей на диване с газетой на коленях. Ее рассеянный взгляд был направлен то ли на выключенный телевизор, то ли на фотографию на стене – ее собственную, разумеется, больше ничью она бы и в рамку не вставила. Газету она не читала, это точно, но выглядела вполне... нормально. Не была похожа на человека, находящегося на грани истерики или самоубийства.

– С ней все в порядке, – констатировал Стас, повернувшись к Тамаре.

– Ты идиот, – отозвалась она с насмешлившей его готовностью, будто заранее готовила эту меткую реплику. – Столько лет с ней, а совершенно ее не знаешь. Разве не видно, что ей плохо?

– Она отреагировала совершенно спокойно. Я даже удивился.

– Вот именно. Нетипичная реакция – первый признак срыва.

Теория была сомнительной, но к Алле вполне подходила, и от этих слов в душе Стаса всколыхнулся бурный протест.

– Ну почему? Почему вообще кому-то должно быть плохо от того, что я ушел с работы и решил взять тайм-аут? В кои-то веки я чувствую себя свободным! Я работал с первого курса, мне все нравилось, но это выпивало из меня все соки,

а теперь я...

– «Я», «я», – передразнила Тамара. – Пуп земли.

– В этом мы с вашей племянницей похожи, – справедливо заметил он.

– И что ты теперь будешь делать – сидеть дома? Ну, в смысле здесь, конечно, у Аллы? Решил проводить с невестой больше времени? – ядовито поинтересовалась она, но не стала дожидаться ответа. – Ты говоришь, несколько месяцев. Воображаешь, что все так просто: отдохнул сколько захотел, и тебе как на блюдечке принесли новую работу? Ты в курсе, что еще несколько месяцев можешь ее искать? А может, ты и сферу деятельности решил сменить в своем творческом порыве, а?

– Я не знаю.

Кое-что Стас знал точно: он не выдержит рядом с Аллой и недели в режиме нон-стоп. После ее выписки даже выходные стали для него пыткой.

– Ну почему надо было обнаруживать такое стремление к свободе именно теперь, когда вы собираете на свадьбу? Да еще говорить Алле, что «все будет в порядке», у тебя ведь «есть кое-какие накопления»!

– Вообще-то, я имел в виду то, что я собирал на автомобиль. Там, конечно, не так много, но...

– Еще и автомобиль. А она вообще знала об этой твоей... статье расходов?

– Я не обязан ей обо всем докладывать, она мне даже еще

не жена.

– И уже неизвестно, станет ли ей в ближайшее время. Ты понимаешь, что просто расписаться для нее не вариант, и ее можно понять! Ну какая девушка не мечтает о пышной свадьбе...

«Ида», – подумал он.

– Что ж у тебя так все не вовремя, – продолжала ворчать Тамара, повернувшись к нему спиной.

Что верно, то верно. Именно от этого он и устал. Когда все гуляли и тусовались в клубах, он работал. Когда все меняли девушек, он сходил и расходился с одной и той же. Как только решил уйти к любимой – обстоятельства вынудили его вернуться к Алле... но сколько можно подчинять жизнь обстоятельствам?

Формально поводом для его увольнения была ситуация с отпуском – с тех пор как его повысили, работы, как и ответственности, стало еще больше, и начальник отказывался отпускать его даже на несколько дней. Но на самом деле это тут было совсем ни при чем. Просто возможность так легко взять и уйти, не считаясь с чертовыми обстоятельствами, вдруг опьянила Стаса, как и всякая возможность исполнения мимолетного желания. Это же так соблазнительно: захотел – и сразу сделал. Не так часто ему это удавалось. Мысль только оформилась в его голове, а ноги уже несли его в отдел кадров, а через минуту он уже выводил от руки: «Прошу уволить меня по собственному...»

– Хорош, ничего не скажешь. Отдохнуть он вздумал, – не унималась Тамара. – Ты бы хоть готовить нормально научил-ся, чтобы мне не пришлось приходить каждые два дня, пока Аллочка поправляется.

Стасу казалось, что «Аллочка» уже вроде бы «поправи-лась» – по крайней мере она оживленно болтала по телефо-ну с подружками, сидела в интернете и листала свадебные каталоги. Но это было до сегодняшнего дня. До того, как он сообщил ей.

Выглянув еще раз из кухни, он присмотрелся к газете, ко-торую она держала в руках. Так и есть – это была вовсе не газета, а каталог свадебных платьев. Проглотив ком в горле, он снова плотно закрыл дверь и отгородился от Аллы с ее погибшими иллюзиями.

– Ничего страшного. Подумаешь, нам может не хватить средств, чтобы пожениться в следующем году.

– Ясно, что не хватит, с таким-то подходом.

– Это не так важно, – пробормотал он механически, даже не задумываясь над собственными словами.

– Вам теперь не хватит средств ни на что. – Тамара шмяк-нула ложку в раковину, и Стас чуть не подскочил от этого звона.

Тетка, конечно, была куда более адекватна, чем племян-ница, но все же было ясно, в кого Алла такая... импульсив-ная и почему они с ней так хорошо друг друга понимают.

– Вот скажи, зачем ты ей нужен? – продолжала она – спо-

койнее, чем он ожидал, но очень холодно, как судья, зачитывающий приговор. – Положиться на тебя нельзя, эгоист, в хозяйстве ноль, а теперь еще и работы нет. Думаешь, я буду вас обоих обеспечивать? Черта с два! У тебя есть родители – пусть они о тебе пекутся, мне ты никто.

– И отлично. Не дай бог мне породниться с вашей семьейкой, – в сердцах ляпнул Стас.

– Что? – угрожающе переспросила Тамара, но в эту секунду дверь распахнулась и вошла Алла, все с тем же странным выражением лица, с тем же бессмысленным взглядом куда-то вбок – как будто то, на чем остановился ее взор в комнате, перенеслось на кухню вместе с ней.

– Вы так громко говорите, – сказала она безучастно. – Я не буду суп, ладно? Только выпью компот.

– Как? А бефстроганов с рагу? – всполошилась тетка.

– Попозже – обязательно.

Алла достала из кармана халата сигарету и стала слепо шарить рукой по столу в поисках зажигалки. От этого жеста у Стаса мороз прошел по коже.

– Не смей! – спохватилась Тамара. – Ты же бросила! А ну-ка будь умницей, отдай мне эту гадость!

Она протянула руку, и Алла покорно вложила в нее сигарету.

– Ну вот, молодец, моя девочка.

– Слушай, Тамар, будешь уходить – выброси каталоги, я их в коридоре все сложила. Так много скопилось... я на ули-

це брала, в магазинах, в салонах...

– Солнышко, не переживай. Вы распишетесь, когда ты захочешь, а отметите, как поднакопите денег. Например, можно устроить пышный праздник на годовщину свадьбы, – жизнерадостно вещала Тамара (до того, чтобы предложить этот вариант Стасу пару минут назад, она не снизошла).

– Мне надо самой искать работу. Сколько можно ничего не делать.

– Как только ты поправишься...

– Я уже поправилась, – прошелестела Алла. – Не страшно. Выйду замуж как-нибудь в другой раз.

Она даже слегка улыбнулась.

Только теперь Стас признался себе, что на самом деле его испугало то, как отреагировала Алла на новость о его уходе с работы и желании отдохнуть. Никаких скандалов, никаких вопросов – только «а, ясно»... и молчание.

Она сразу подумала именно о свадьбе, о том, что они не накопили еще и трети нужных средств, да теперь их и неоткуда будет взять. Кроме Тамары, им никто не помогал, а кошелек у нее был не резиновый. Впрочем, если бы они захотели, все бы получилось, к тому же год – немаленький срок, за это время можно собрать немалую сумму, да и кредит взять на худой конец.

Но Стас и Алла оба знали, что ничего не выйдет. Он предчувствовал, пожалуй, с самого начала – до нее дошло только теперь.

Не желая углубляться в психологию их отношений (эта темная, почти мистическая сторона дела притягивала, но в то же время и пугала его), Стас капризно сказал себе, что Алла, между прочим, могла проявить больше понимания. Ведь, в конце концов, он сделал то, чего хотел.

Неожиданная свобода рождала в нем странное ощущение – будто он ехал с горы на большой скорости, а сзади его подгонял ветер, от которого шумело в ушах. Поделиться всем этим было не с кем. Вместо этого он вынужден был выслушивать претензии Тамары и безжизненное бормотание Аллы.

– Нет, серьезно. Я хочу найти себе работу, – повторила она так, будто ее активно пытались отговорить. – Тогда хоть в чем-то...

– Конечно, найдешь, – перебила Тамара. – Все будет прекрасно, а сейчас съешь супчику, кусочек мяса и ло-ожечку рагу, ну пожалуйста.

Что Алла хотела сказать? «Тогда хоть в чем-то я реализуюсь»? Нет, не в ее духе. Скорее, «тогда хоть в чем-то будет смысл». Наверное, так... Чертова тетка даже слова спокойно сказать не дает.

Но она позаботится об Алле, это уж точно, подумал Стас умиротворенно и, выйдя из кухни, направился в коридор. Его летние туфли стояли у самого порога и были повернуты носками к входной двери – они будто дожидались, пока он наконец решит уйти.

Он обулся и громко произнес:

– До свидания.

– Куда собрался? Ну давай, иди, – отреагировала Тамара.

– А. Уходишь? – Алла вышла к нему и встала, прислонившись к стене.

– Да. Все будет хорошо?

Стас сам не знал, зачем задал этот вопрос.

– Обязательно, – кивнула она механически. – Слушай...

– Что?

Она отлично знала, что он больше не вернется – если только за вещами, – но он всей душой надеялся, что она не станет произносить по этому поводу ни слова вслух. Так надеялся, что даже защемило в груди.

– Раз ты идешь, выброси тогда ты эти каталоги.

Он перевел тяжелый взгляд на горку этой яркой, разноцветной макулатуры, сложенной на кроваво-красном шкафчике для обуви.

– Не могу. Прости. Пока. Закрой за мной, – пробормотал он и, нащупав в кармане джинсов ключ от квартиры Аллы, извлек его и осторожно положил поверх горки каталогов.

Она снова понимающе кивнула и уже более или менее осмысленно пронаблюдала, как он сделал шаг к порогу, взялся за ручку и толкнул дверь.

Но она не могла видеть (хотя могла и догадываться, наверное), что, выйдя на лестничную площадку, он сразу же достал телефон, нашел в списке последних вызовов один но-

мер и позвонил.

Пока шли гудки, Стас вспомнил: а ведь когда он подписывал заявление об уходе, в голове даже не было мыслей о свадьбе. «Ида бы меня поняла», – вот что он думал в тот момент.

А потом я взяла трубку.